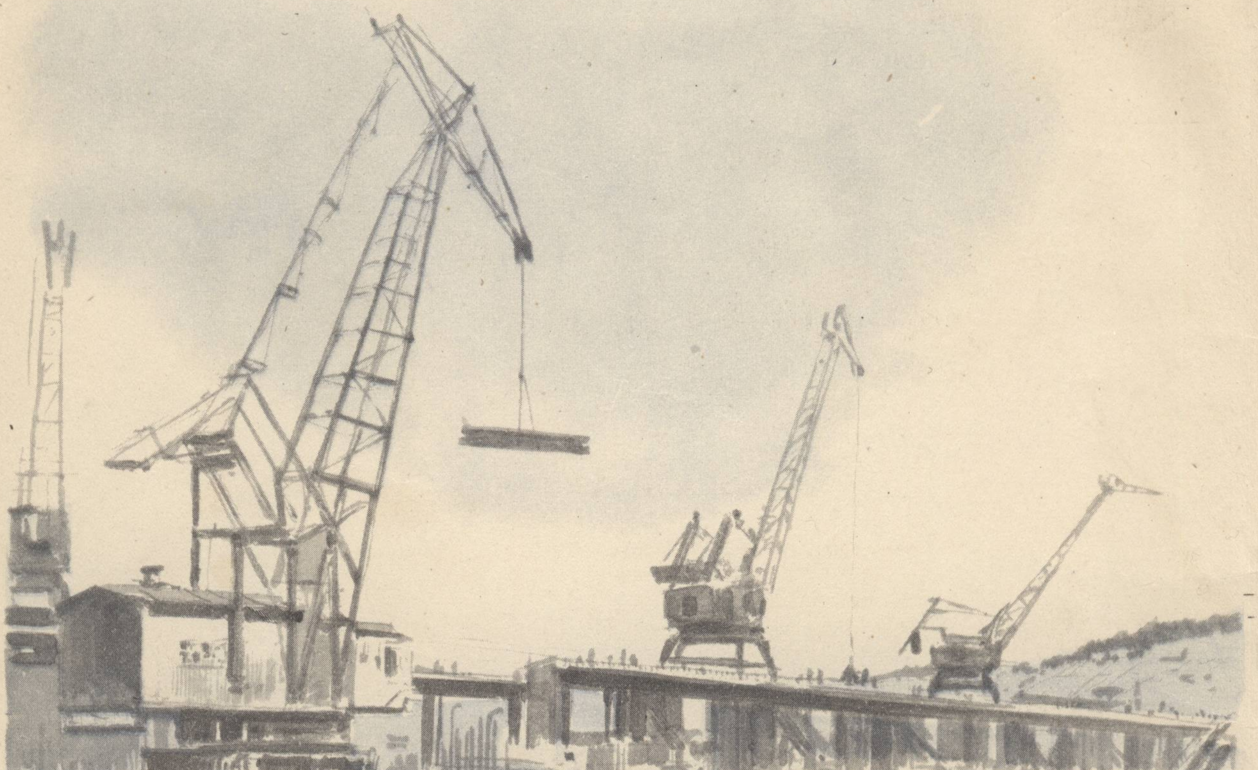
ПИОНЕР

МАЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1955 год.

5

НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ ГИДРОЭЛЕКТРОСТАНЦИИ.

Рисунок В. Каменского.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№ 5 МАЙ 1955

В этом номере:

На обложке:
рисунок Н. Евлановой
«Утро Первого мая. Перед парадом».

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Идёт мальчишка на парад

Рисунки В. Константинова.

Сергей Баруздин

Идёт мальчишка на парад,
Мальчишка встал чуть свет.
Мальчишка ростом маловат —
Ему немного лет.

Быть может, пять,
А может, шесть...
Да это не беда!
Желанье есть,
И пропуск есть,
При чём же здесь года?

Отец сказал ему:
— Возьму!
— Возьми! —
Сказала мать.
И даже бабушка тому
Не стала возражать:

— Что ж, раз отец его берёт,
Пусть сходит непременно.
Ведь как-никак, а внук растёт
В семье людей военных!

* * *

Вот подошла она к стене,
Взглянув на снимок мужа.
Снят муж на боевом коне
При боевом оружьи.

А рядом с ним стоит она,
Шинель заправив туго...
Год восемнадцатый. Война.
Страна врагом окружена
От севера до юга.

Родной Луганск. Бои с врагом.
Потом бои в Каховке.
Они ушли на фронт вдвоём,
Ушли в рабочий батальон
По заводской путёвке.

Их батальон стоял в Крыму,
Когда от вражьей пули...
Она глядит,
но почему
Глаза её блеснули?

Ей вспомнился ночной налёт,
Село, пурга и стужа...
В тот год,
войны гражданской год,
У ней не стало мужа.

И вновь бои.
Хотелось ей
Домой попасть скорее.
Там мать, там двое сыновей...
И всё же здесь она нужней,
Во много раз нужнее.

Пусть дома мать её простит,
Простят Андрей с Серёжей.
Пока не будет враг разбит,
Она уйти не сможет...

Она писала так домой,
В конец разлуки веря,
Когда их часть пришла зимой
На правый волжский берег.

И там, на Волге, им не раз
Пришлось с врагом сразиться.
Ведь сам Ильич им дал приказ:
Не отдавать Царицын!

В то время Сталина она
Увидела впервые...

Посеребрила седина
Те годы боевые.

Ей нелегко жилось потом,
Заботы много было:
Она стояла за станком,
Она одна тянула дом
И сыновей растила.

Но вот ребята подросли
(Ведь время быстро мчится),
И на завод они пришли,
Чтоб мастерству учиться.

Они работали втроём,
Учились тоже вместе,
И счастье строили своё
Почти на голом месте.

Другая жизнь в их дом пришла,
Всё шло теперь иначе...
И счастлива она была,
А счастье много значит!

Казалось, жить да жить сейчас
И радостней и краше...
Но снова враг напал на нас,
На жизнь,
на счастье наше.

Был трудным сорок первый год,
Но знали,
знали люди,
Что, как бы враг ни шёл вперёд,
Победа с нами будет!

И вот в далёкие края,
Как мать с отцом когда-то,
Ушли из дома сыновья,
Ушли её ребята.

Не скоро им попасть домой,
Разлука будет долгой...
Их армия пришла зимой
На правый берег Волги.

В тот час суровый мать была
Всем сердцем с ними рядом.
Им Родина приказ дала:
Стоять под Сталинградом!

Вся тяжесть этих грозных дней
Лежит в её морщинах.
Там, в Сталинграде, пал Андрей...
Сергей пошёл к Берлину.

Он много горя повидал,
Прошёл по многим странам.
В Берлине лейтенантом стал,
А в Праге — капитаном.

Война окончилась.
С тех пор
Минуло лет немало.
Быть может, сын её, майор,
Дойдёт до генерала?

И может, внук её, Артём,
Героем будет тоже?
Недаром хочет он во всём
Быть на отца похожим.

* * *

Идёт Артёмка на парад,
Артёмка встал чуть свет.
Артёмка ростом маловат —
Ему немного лет.

Не семь, не шесть,
А только пять...
Да это не беда!
Желанье есть,
И пропуск есть.
При чём же здесь года?

Идёт он со своим отцом
Весеннею Москвой,
А майский ветер бьёт в лицо,
И солнце светит горячо
У них над головой.

Идёт Артёмка налегке,
Шаги его легки.
Флажок в артёмкиной руке
Похож на все флажки.

Они висят на всех домах,
Они в десятках рук.
Как будто их весна сама
Развесила вокруг.

И над Кремлём такой же флаг
И в небе над Москвой...
Артёмка, ускоряя шаг,
Идёт по мостовой.

Манеж. Охотный ряд.
Но вот
Направо поворот.
Артёмка вдоль Кремля идёт,
По площади идёт.

Идёт, плывёт за рядом ряд,
Один оркестр на месте.
В оркестре труб сто пятьдесят,
А барабанов двести.

Прошла пехота, моряки,
Орудия и танки,
И тягачи-грузовики
По берегам Москвы-реки
Пошли к своей стоянке.

И как Артёмке, право, быть?
Он хочет знать заранее,
Кем быть ему и кем служить,
Когда он взрослым станет.

Он хочет строить и летать,
Он хочет быть рабочим.
А может быть, военным стать?

...Часы пробили десять раз,
И тут отец сказал:
— Ну, что ж, Артём, смотри
сейчас!
Смотри во все глаза!

Он поднял на плечи сынка,
И сразу сын подрос.
Чуть не задели облака
Артёмкиных волос.

* * *

Артёмка смотрит на парад.
Глаза артёмкины горят.

Идут по площади войска,
Им нет конца и края.
И в блеске каждого штыка
Артёмкин взгляд сверкает.

И я не знаю, как другим,
Артёмке всё в новинку,
Как будто площадь перед ним
Пошла шагать к Ордынке.

Страну родную охранять
Артёмка тоже хочет.

* * *

Артёмке ночью снятся сны,
Он в море уплывает...
Он никогда не знал войны
И, может, не узнает.

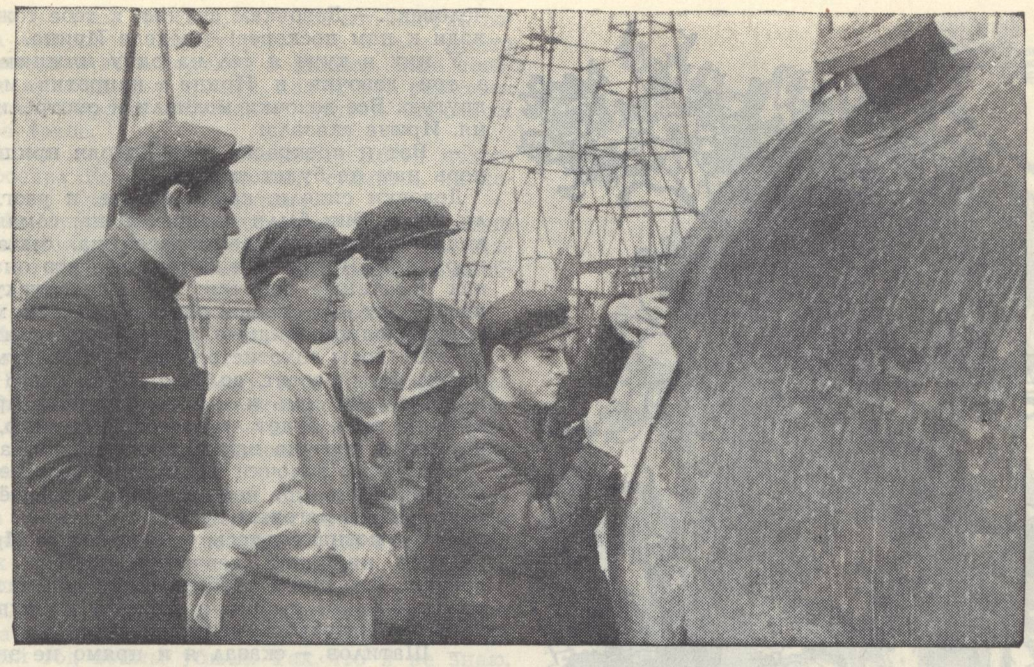
И нет, совсем не потому,
Что все враги разбиты:
Народ и армия ему —
Надёжная защита.

Но я уверен наперёд,
Что если так случится,
Что снова кто-то перейдёт
Родной страны границы,

Артёмка в армию пойдёт,
Пойдёт с врагами биться.

Артёмка встанет в ряд с отцом,
Советской Армии бойцом!

Рабочие бакинского нефтепромысла «Сталиннефть» подписывают Обращение Всемирного Совета Мира против подготовки атомной войны.

ДЕСЯТАЯ ВЕСНА

Десять лет прошло с тех пор, как смолкли орудия на полях сражений Великой Отечественной войны. Десятая послевоенная весна пришла к нам вместе с ароматом зацветающих садов, бурливым рокотом вешнего половодья, криком перелётных птиц, возвращающихся из южных далёких стран.

Ты, наш юный друг, был ещё совсем мал, когда твой отец, сняв походную солдатскую шинель, крепко прижал тебя к сердцу. В те дни ты чувствовал, наверно, как всё вдруг изменилось в твоём доме, как стало в нём сразу просторнее и веселее, громче зазвучали голоса. Но были и такие семьи, в которые отцы не вернулись: они отдали свою жизнь за счастье всех людей на земле, за твоё счастье и твоё будущее. Они не дождались часа победы, но они сделали всё, чтобы приблизить этот час.

День Победы — это большой и радостный праздник. Десятую послевоенную весну мы встречаем новыми трудовыми успехами.

Всё ярче разгораются по стране огни мирных строек. На Волге и Днепре, на Ангаре и Оби, на Каме и Иртыше строители могучих гидроэлектростанций готовятся к встрече большой воды. Воздвигаются новые заводы, шахты и рудники, прокладываются новые стальные магистрали. В кустанайской степи открыты богатейшие залежи железной руды, и там уже растёт новый город. Тысячи юношей и девушек, недавно приехавших на Алтай, в Казахстан и в Сибирь, поднимают новые миллионы гектаров целинных земель. Поднимаются флаги навигации на наших морях и реках. И далеко-далеко в Арктике ведут свои научные исследования отважные герои-полярники.

Мирно трудится наш народ на своей земле. Ценою больших страданий и жертв завоевали мы право жить под мирным небом, и мы достаточно сильны, чтобы отстоять это право.

Знамя единства и дружбы высоко держат миллионы честных людей во всём мире. Ничего нет прекраснее этого союза трудовых людей, объединённых священной и благородной целью — сохранить мир на земле.

Во всех концах земли проходит сейчас сбор подписей под Обращением Всемирного Совета Мира против подготовки атомной войны.

Воля народов — это могучая сила. Нерушимое единство сторонников мира преградит путь войне.

Новые друзья

(Из дневника пионера Володи Шатилова)

Повесть М. Бременера. Рисунки Ф. Лемкуля.

I

Начальник пионерлагеря сказал, что ни в одну смену не было столько происшествий, сколько в нашу, и он не помнит, чтоб от кого-нибудь в последние годы было столько беспокойства вожатым, сколько от нас.

Действительно, у нас всё время что-нибудь приключалось. И всегда или с Усачёвым или с Волошиным; я не помню, чтобы с кем другим стряслась хоть раз какая-нибудь история.

С Мишей Волошиным я познакомился в пути. Я хорошо помню этот день.

Проснувшись после первой ночи в поезде Москва — Симферополь, я вышел в коридор, и вожатая Ирина, которая ехала с нами в крымский лагерь, сказала:

— Умывайся, поешь и приходи к нам в купе. — В этом купе, кроме неё, были ещё три человека. — Девочкам скучно, и тебе тоже. Приходи к нам поскорее! — велела Ирина.

У них в купе я сел на одну нижнюю полку, а три девочки и Ирина — напротив меня, на другую. Все девочки молчали и смотрели на меня. Ирина сказала:

— Вот и прекрасно, что Володя пришёл. Теперь нам не будет скучно.

Девочки сидели, как в театре, и разглядывали меня. Они были разные. Одна, самая взрослая, наверно, уже семиклассница, была очень нарядная. Потом уже я заметил, что она одета, как остальные девочки: в белую блузку и синюю юбку. А сперва она показалась мне самой нарядной, видимо, из-за своей длинной и толстой косы золотистого цвета. Я подумал, что такую косу растят, должно быть, много лет, не меньше, чем семь или восемь, и стал прикидывать на глаз, будет ли в этой косе метр, но тут нарядная девочка вдруг закинула её за спину.

Остальные девочки были, по-моему, немножко моложе меня. Обе веснушчатые и серьёзные, а одна даже в роговых очках.

— Ну, познакомьтесь, — предложила Ирина.

Самая нарядная девчонка сказала: «Люда»; девочка без очков пробормотала что-то, но я не расслышал её имени, а девочка в очках привстала и назвалась: «Смышляева».

— Шатилов, — сказал я и прямо не знал, что делать дальше.

— А теперь Володя нам что-нибудь расскажет, — объявила Ирина.

Но я совершенно не представлял, о чём можно рассказать девочкам. За мою жизнь мне с ними почти не приходилось разговаривать. Только один раз, когда к сестре моего товарища, Владика, пришла подруга, я с ней немного говорил. Но тогда была одна девочка и рядом со мной Владик. А сейчас я оказался совсем один против трёх девочек, которые ждали, что я начну про что-то рассказывать, и мне было даже хуже, чем когда стоишь у доски, ничего не знаешь и до звонка полчаса.

И вот тут-то, в эту минуту, два раза ударили в колокол — поезд стоял на какой-то маленькой станции, — и в вагон вошёл Миша Волошин.

Миша и мужчина в полувоенном остановились в дверях купе. Мужчина в полувоенном попросил Ирину приглядывать за Мишей. Ирина обещала. Раздался свисток, и мишин провожатый выпрыгнул из тронувшегося поезда.

Мишу начали расспрашивать, куда он едет, и, когда он ответил, что в тот же самый лагерь, в который мы все, девочки так удивились, что совсем забыли про меня. И мне уже не нужно было ничего им рассказывать.

Мишино место оказалось в моём купе и тоже наверху. Миша взобрался на свою полку, поставил на неё чемодан, потом спустился и спросил меня:

— Москвич?

— Да, — ответил я.

— И девчонки?..

— Тоже из Москвы, — сказал я.

— Ты там... с родителями живёшь, да?.. — спросил он.

— Ну, конечно! — Я немного удивился.

— И родился в Москве?

— Ага.

— Здорово! — сказал Миша.

Я подумал: «Странный он немного парень». Меня раньше никто не спрашивал, где я родил-

ся, и я ни разу не слышал, чтоб кто-нибудь говорил «здорово!» насчёт того, что я или кто-то из нашего класса родился в Москве. Мне вообще не приходило в голову, как я мог родиться в другом городе, учиться в другой школе и всякое такое.

— А ты из Курской области? — Поезд недавно проехал Курск, а названия станции, на которой сел Миша, я не заметил.

— Из Чугунова, это райцентр, от железной дороги восемнадцать километров, — ответил Миша и по-взрослому добавил: — А родом я вообще не отсюда.

— Тебя отец провожал? — спросил я.

— Нет, — ответил он, — не отец... А похож я на него?

— На не отца? По-моему, нет. А он тебе кто?

— Это по-твоему так, — сказал Миша немножко недовольным голосом, — а многие люди считают, что очень даже похож. Вот начальник раймилиции Кузнецов...

— Постой, — прервал я и опять подумал, что Миша — чудак. — При чём тут милиция? Зачем тебе на чужого быть похожим? На отца своего похож — ну и всё!

Миша помолчал.

— Про это я не знаю, — сказал он серьёзно, — я отца когда видел, маленький был. Его в последний год войны убили. Так что я не знаю, похож или нет... — Миша поглядел в окно и добавил: — Фотокарточки у меня нету...

— Миша, — спросил я, — а вот этот... ну, тот, провожал тебя который... он кто?

— Илья Иванович — мой шеф, — ответил Миша. — Он в райкоме работает. Над нашим детдомом шефствует. Хороший...

Мы помолчали.

— У тебя и мать...

— Ага, — сказал Миша, — только она не на фронте, а так, от болезни... Вот так... — Он поглядел на меня. — А ты с обоими родителями?

— С обоими. Только отец — он геолог — в экспедициях всё время. За год неделю дома бывает. — На самом деле отец уезжает в экспедицию всего месяца на два в году. Но мне очень захотелось так сказать.

— Мать зато с тобой, — сказал Миша.

— Мать со мной, — подтвердил я и зачем-то соврал: — Только я её не слушаюсь совсем никогда!

— Зря! Если б у меня... — начал было Миша, но махнул рукой и вдруг спросил: — У девчонок или у тебя игры с собой есть какие-нибудь?

— У меня нет, — ответил я. — Может, у девчонок...

— Пойдём спросим, — поднялся Миша. — Поиграем или придумаем что-нибудь вместе, — предложил он, как будто играть с девочками — это простая и обычная вещь.

С девочками он и правда разговаривал так, словно это совсем нетрудно. И девочки сами предложили сыграть в «знаменитых людей». Я раньше не умел. Это так: все загадывают какую-нибудь историческую личность, а один должен задать десять вопросов и догадаться. Когда отгадывать приходилось Мише, он придумывал такие вопросы, что девочки не могли сразу ответить. Про каждую историческую личность он прежде всего спрашивал: бородатый или бритый? Девчонки начинали шёпотом спорить между собой и в конце концов принимались хохотать. Они очень дружно смеялись, а вожатая

С девочками Миша и правда разговаривал так, словно это совсем нетрудно.

Ирина только улыбалась. Но после того, как Миша спросил про Христофора Колумба: «А его молодым обженили?», — Ирина тоже захохотала и после уже смеялась вместе со всеми.

Из-за Миши мы в тот день столько смеялись, что к вечеру уже всем, по-моему, казалось, будто мы давно знакомы.

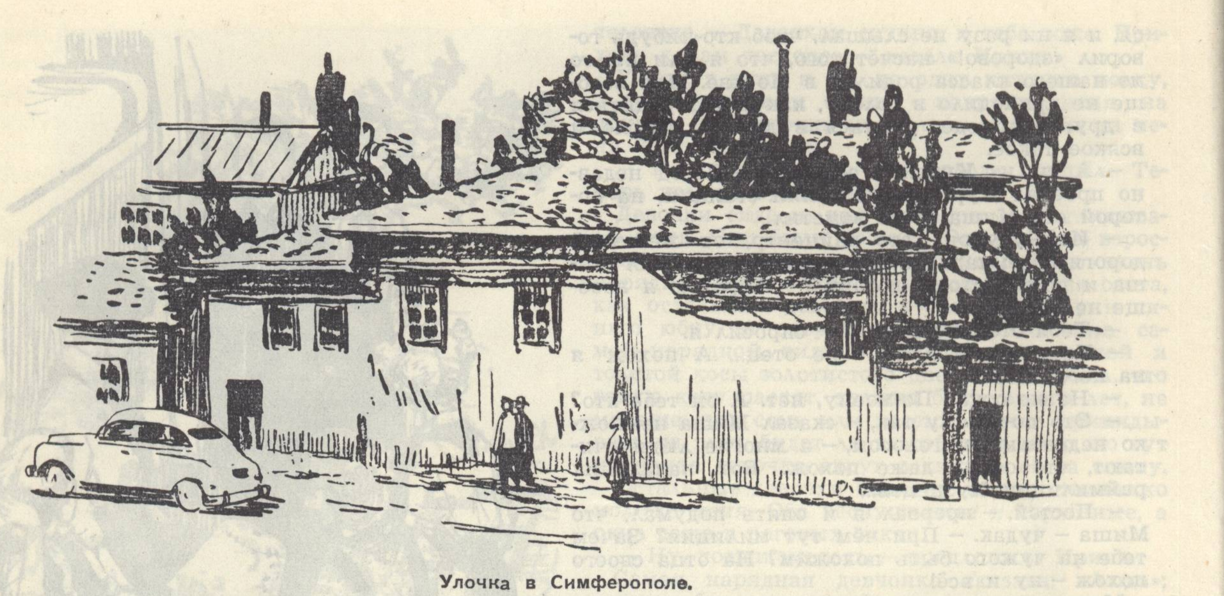
Перед сном мы вышли погулять на большой станции. На здании вокзала висело объявление, на которое я сперва не обратил внимания: «Справки об опоздании поездов выдаются бесплатно. Пользуйтесь услугами справочного бюро». Миша прочитал это вслух и сказал с серьёзным видом:

— Вот это удобство!

Девчонки рассмеялись, и Смышляева шепнула подруге:

— Всё-таки Мишка — чудак!

Но я понимал, что Миша вовсе не чудак, а просто старается, чтоб всем было весело, и у него это здорово выходит. Если б я не знал, что у него в жизни было много горя, я сам этого ни за что бы не подумал. Он чуть пониже меня ростом, широкоплечий, крепкий, с загорелым, хоть лето только началось, лицом, а глаза у него совсем не печальные. И мне захотелось, чтоб Миша стал моим другом, надёжным, на долгие годы. У меня ещё не было такого друга. И, шагая по длинной платформе вдоль поезда, я представлял себе, как мы в лагере будем жить в одной палатке, рядом, а под вечер плыть в лодке по морю — Миша и я на вёслах, а Люда на руле.

Улочка в Симферополе.

Я так размечтался, что не расслышал свистка к отправлению и увидел просто, что поезд тронулся. Девочки вскочили на подножку, а Миша подождал, пока я подбегу.

— Садись, — сказал он, пропуская меня вперёд.

— А ты?

— Я всегда успею.— Он взялся за поручень и неторопливо вошёл в вагон последним.

Ирина сказала:

— Теперь это уже неважно, мы завтра приедем, а вообще так не годится, мальчики,— вскакивать в поезд в последнюю секунду. Я ведь за вас отвечаю.

Ирина, конечно, была права.

— Мы мужчины, — сказал Миша.

— Правильно, мы мужчины! — громко поддержал я.

Ирина покачала головой.

Когда мы улеглись на своих верхних полках, я тихо окликнул (соседи внизу уже спали):

— Миша!

— Ага...

— Давай дружить! — и сразу испугался, что мои слова покажутся детскими. Когда я был во втором классе, у нас многие ребята так говорили, а толку потом никакого не выходило.

— Давай, — отозвался Миша. — В лагере и вообще друг за дружку будем держаться... Идёт?

— Идёт!

В темноте Миша протянул мне руку. Я пожал её, отвернулся к стене и крепко заснул.

II

С Усачёвым мы познакомились в Симферополе. Мы уже расселись в автобусе, чтоб ехать в лагерь, когда к шофёру быстрыми шагами подошёл длинноногий парень в чёрном клеёнчатом плаще. В руках у него был небольшой чемоданчик, подмышкой — тюбетейка, через плечо — бинокль на ремне. За отворотами плаща виднелась рубашка со «взрослым», синим в крапинку галстуком, из рукавов выглядывали манжеты с запонками. Но ноги у парня были голые до колен, в сандалиях и носочках, подогнутых, как у девочки, так что сверху он был похож на самостоятельного человека, а снизу на маменькиного сынка. Миша толкнул меня в бок, когда его увидел.

— В «Красный маяк»? — по-свойски обратился парень к шоферу. — Значит, я не опоздал. Здорово! Едем!

— Вы пионер? — неуверенно спросила, подойдя, Ирина.

— Пионер.

— У вас путёвка есть?

— Есть. — И, надев тюбетейку, чтоб освободить руку, парень вытащил и предъявил Ирине путёвку. Путёвка была совершенно такая же, как у всех ребят.

— Значит, твоя фамилия Усачёв? — строго спросила Ирина. Взглянув на его ноги, она сразу с ним стала говорить на «ты».

— Усачёв, — коротко кивнув, важно подтвердил парень. — Сын Усачёва.

— Я понимаю, что раз Усачёв, так сын Усачёва, — равнодушно сказала Ирина. — Так ты откуда, ведь не с поезда?

— Да нет, я симферополец.

— Ну, понятно. Садись в машину.

Усачёв влез в автобус. Здесь он сел было на свободное место на первой скамейке, но тут же встал и сказал своему соседу, маленькому пионеру Сакontикову, чтоб тот пустил его к окну.

— А я... — начал Саконтиков.

— Тебе же всё равно! — сказал Усачёв нетерпеливо.

— Ему не всё равно, — вмешался Миша. — Сиди, где сидел.

— Маленькому же из окна дорога виднее, — добавил я.

— А вам что? Вы кто такие? — напустился на нас Усачёв.

— Мы? — переспросил Миша грозно. — Я Волошин, сын Волошина, а он Шатилов, сын Шатилова! Понял, Усач, сын Усача? — Все ребята громко засмеялись, а Саконтиков, часто моргая, посмотрел на нас. Усачёв сел и замолчал.

Автобус тронулся.

Сначала дорога была прямая. А потом мы как-то сразу очутились среди гор. Дорога стала петлять.

С перевала нам навстречу дул упругий, сухой, без единой соринки ветер. Стало очень свежо, хотя день в Симферополе начинался жаркий.

У перевала автобус остановился. Все вышли из него на несколько минут. Здесь ветер был ещё сильнее. Солнце светило, но почти не грело. А прохладный, чистый, пахнущий мятой воздух мог тут, казалось, даже утолить жажду — стоило только подышать полной грудью.

После перевала дорога стала ещё извилистей. Перед собой мы всё время видели только кусочек дороги, зато вокруг было видно далеко, насколько хватало глаз.

— Чёрное море! — удивлённо крикнул вдруг Сакontиков, до сих пор всё время молчавший, и вскочил на ноги.

— Море! Море! — закричали наперебой все, вскакивая и высовываясь из окон.

Усачёв вынул из футляра бинокль, долго подкручивал какое-то колёсико и наконец объявил:

— Вы пионер? — неуверенно спросила Ирина.

— Точно. Море.

Только я глядел по сторонам и нигде не мог найти моря. Шофёр выключил мотор. Машина по неожиданно прямой дороге не съезжала, а бесшумно катилась под гору. И тут я обомлел, потому что дорога кончилась и кончилась земля. В пяти метрах от переднего колеса тихо плескалось... небо. То самое синее небо, которое давно уже было впереди! Но теперь было заметно, что оно неторопливо катит волны и чуть-чуть пенится у края.

...Через полчаса мы приехали в лагерь.

III

Купаться в море нам разрешили только на следующий день, а в день приезда нас разбили на отряды — я попал в один отряд с Мишей и Усачёвым — и рассказали, как мы будем здесь жить. Поначалу мы очень обрадовались.

Во-первых, оказалось, что жить мы будем и на самом деле в палатках на берегу, как я мечтал (а отряд малышей в двух дачах). Во-вторых, вокруг была красота.

Например, всем понравился парк лагеря. В нём росли деревья чуть ли не всех стран мира. Некоторые очень диковинные на вид. Особенно странное было одно дерево — совсем без коры, голое и красное. Я не знаю, как оно называется по-научному (там по-латыни было что-то написано на дощечке), а вожатая Ирина сказала, что это «бесстыдница».

На расстоянии километров двух от берега мы заметили скалистый остров. Отсюда он казался совсем небольшим, но Ирина сказала, что до Октябрьской революции один капиталист собирался на нём построить гостиницу, в которой могли бы жить двадцать или двадцать пять человек. Конечно, нам захотелось доплыть до этого острова и обследовать его. Мы всем отрядом сказали Ирине об этом и о том, что надо поскорее устроить поход к горной вершине, с которой виден весь Крымский полуостров.

И вот тут-то Ирина ответила, что нам надо думать об отдыхе, о том, чтоб прибавить в весе несколько килограммов. Наш врач Леонид Фёдорович добавил, что наша задача не злоупотреблять морем, не злоупотреблять солнцем, не гнаться за загаром и не нарушать режима. После того, как перед нами поставили такие задачи, у нас как раз и испортилось настроение.

— А в походы мы всё-таки будем ходить? — спросил Миша.

— Да, прогулки у вас будут, — ответил Леонид Фёдорович, — но попозднее, когда вы поправитесь, прибавите в весе.

— А вон на тот остров мы поплывём?

— Не знаю, — сказала Ирина, — на лодке очень долго, около часа... Вообще очень ответственно, хорошие гребцы нужны, в общем не знаю.

— Будет скучно... — протянул кто-то.

— А поскучать полезно, — сказал Леонид Фёдорович. — Скучая, вы набираетесь сил, организм отдыхает.

— Почему же тогда в песне поётся: «Пионер... никогда, никогда не скучай»? — спросил Миша. — Выходит, скучать, может, и не полезно?

Мне казалось, что Леонид Фёдорович не найдёт, что ответить, но он даже на одну секунду не запнулся.

— Видите ли, — сказал он, — медики и поэты могут и не сходиться во мнениях. Наблюдать же за вашим отдыхом поручено всё-таки мне.

Я подумал, что лучше бы это было поручено, наоборот, поэту, но вслух ничего говорить не стал.

Уже под конец Ирина сообщила, что мы завтра же приступим к волейбольным тренировкам, чтобы создать команду, потому что нас вызывает на состязание сборная «Артека», находящегося неподалёку от нас.

Это известие всем пришлось по душе. Ирина пояснила, что состязание нам предстоит провести недели через полторы, а точно назначит

день совет лагеря, который мы будем выбирать послезавтра.

— Вот так... А завтра утречком начнём понемножку купаться, — сказал Леонид Фёдорович.

Разошлись мы не очень довольные. После ужина Миша отвёл меня в сторону:

— Надо поговорить.

Мы нашли скамейку в боковой, неосвещённой аллее парка и сели. Вокруг никого не было. В нескольких шагах от скамейки рос самшит — деревце, очень похожее в темноте на копну сена. Миша проверил, не прячется ли кто-нибудь за самшитом, и сказал вполголоса:

— Знаешь, нам какую здесь могут скуку развести?

— Знаю, — ответил я.

— А что сделать, чтоб её не было, как думаешь?

— Не знаю, — сказал я.

— И я.

— От совета лагеря тоже будет зависеть, — заметил я.

— Будет, — согласился он и вдруг обрадовался: — Володька, мне в голову одна вещь пришла!

— Мысль? — спросил я.

— Ага. С Ильёй Ивановичем посоветоваться! А?

— С твоим шефом?

— Ну да!

— А он понимает?

— Ещё бы! Он нам один раз план работы дружины помогал составлять. Так по этому плану жизнь была!

— А как же ты с ним посоветуешься? — Я заинтересовался.

— По телефону. В городке телефон есть, а отсюда до городка три минуты.

Это было верно. Я вспомнил и сам, что мы проезжали мимо белого дома с наружной деревянной лестницей, которая вела на второй этаж, и на этом доме была вывеска «Почта, телеграф, телефон». А кроме вывески, висел ещё плакат, на котором под надписью «Пользуйтесь междугородными переговорами» улыбался мужчина с трубкой около уха.

— Кто же тебя отпустит к телефону? — вздохнул я. — Сейчас уже вечерняя линейка будет и спать...

— А я как раз из палатки и уйду. Все заснут, а я и сбегаю на полчасика поговорить с Ильёй Ивановичем.

— Постой, — сказал я, — а если Ирина вздумает проверить, как мы спим? Твоя кровать от входа близко. Ирина как заметит, что она пустая, так тут такое подымется...

— Это пустяки, — перебил Миша. — Твоя ведь кровать в самой глубине палатки? Ну и пусть она полчаса постоит пустая. А ты переберёшься на мою.

— Да, — возразил я, — но Ирина-то может разглядеть, что это вовсе я лежу на твоём месте.

— Чудак! — сказал Миша. — Ты ложись лицом в подушку, и всё. А затылки у нас одинаковые, стриженые оба... Никто не разберёт.

Я вздохнул.

— Что? — спросил Миша.

— Так. Ничего. Может, ты всё-таки лучше Илье Ивановичу письмо напишешь? — предложил я.

— Как же лучше? — Миша рассердился. — Когда ещё дойдёт, когда Илья Иванович ответит, да когда его ответ доставят?.. А пока живи, как Леонид Фёдорович велит: чтоб организму лафа, а тебе тоска?! Всем отрядом так и жить?

— Ладно, — сказал я, — иди позвони. Может, толк будет. В палатке никто ничего не заметит, не бойся.

— Я и не боюсь, — ответил он, и мы побежали становиться на линейку.

После того, как все в палатке заснули, Миша встал, оделся и бесшумно вышел. Я перебрался на его кровать и на всякий случай сразу же уткнулся лицом в подушку. Я совсем не ожидал, что меня начнёт сильно клонить ко сну. До того, как я лёг, мне спать совсем не хотелось. А тут вдруг случилось, что глаза, ко-

торые я держал открытыми, чтоб дождаться Мишу, сами закрывались. Я раза четыре начинал смотреть сон, но заставлял себя очнуться. Потом я опять заснул, но совершенно этого не заметил, и открыл глаза оттого, что мимо прошли на цыпочках Ирина и Леонид Фёдорович. Они шёпотом говорили между собой. Я услышал слова Ирины:

— Не понимаю, куда мог деваться Шатилов... На линейке он был.

— Скорее всего, — отвечал Леонид Фёдорович, — он отлучился... так, на минутку. Попозднее проверим.

Они пошли по дорожке, которая вела в следующую палатку, а я поскорее вернулся на свою кровать, лёг лицом вверх и начал глубоко, как спящий, дышать. Вскоре Леонид Фёдорович и Ирина снова зашли в нашу палатку. Они тут же обнаружили, что я на месте, Леонид Фёдорович похвалил моё дыхание и шепнул:

— Как видите, моё предположение оказалось верным.

Всё было хорошо, но тут Ирина заметила, что теперь мишина кровать пуста. Она было опять встревожилась, но Леонид Фёдорович уверенно сказал:

— Несомненно, отсутствие Волошина вызвано той же причиной...

После этого они отправились, наверно, в дачу малышей, а я, чтоб не подвести Мишу, перебежал на его койку и спрятал лицо в подушку. Когда ко мне приблизились Леонид Фёдорович и Ирина, я был прямо-таки ни жив ни мёртв, но, должно быть, у нас с Мишей действительно одинаковые затылки, потому что Ирина с врачом ничего не заподозрили.

— Ну, вот и Волошин нашёлся. — Леонид Фёдорович зевнул.

К счастью, им с Ириной не пришло в голову взглянуть на мою кровать, иначе, увидев, что меня уже опять нет, они не знаю что обо мне бы подумали.

От беготни с кровати на кровать я утомился и заснул так крепко, что Миша еле разбудил меня. Я сначала не мог понять, почему он вытаскивает из-под моей головы подушку, но потом вспомнил, окончательно возвратился на свою постель и больше не просыпался до самого подъёма.

IV

О том, чем кончился разговор по телефону с Ильёй Ивановичем, Миша рассказал мне утром. Оказывается, никакого разговора не было, потому что телефонистка не могла соединить Мишу с районным центром Курской области. Она могла только соединить с самим Курском, но от этого пользы не было. Так что Миша зря ходил в городок. Тем более, что обратно в лагерь он еле попал: калитку заперли, и ему пришлось перелезать через забор. Миша сказал, что он едва не угодил в руки сторожу.

— А тут как, сошло? — спросил он.

Я не успел ответить, так как к мишиной кровати подошла Ирина. Она на ходу проверяла, наведён ли после подъёма порядок, но около нас остановилась, внимательно посмотрела на Мишу и неожиданно подозвала к себе всех ребят, которые были в палатке. Мы испугались, что она догадалась о мишиной отлучке, но старались быть спокойными. Однако ничего страшного не произошло. Ирина сказала, что Миша аккуратнее и ловчее всех убрал свою постель, и поставила его в пример Усачёву.

Второй раз Ирина поставила Усачёву в пример Мишу через несколько часов. Случилось это так.

Леонид Фёдорович разрешил нам купаться. Сначала мы полежали под парусиновым навесом. Потом немножко побыли на солнце. После этого мы в первый раз вбежали в Чёрное море. Вода в нём была прохладная, хотя в каждой волне отражалось солнце. Но это только в первую секунду. А когда мы окунулись, эта же самая вода оказалась тёплой, и стало так приятно, как никогда в моей жизни.

Я просто стоял по шею в воде, другие ребята толпились у самого берега, брызгались и визжали, а некоторые плавали. Миша тоже плавал.

На мелком месте, рядом со спасательной лодкой, барахтался маленький Сакontиков, к которому были привязаны два огромных резиновых пузыря. Сакontиков с совершенно спокойным лицом непрерывно бил по воде обеими руками, и море вокруг него было вспенено. А недалеко от него бултыхался в воде Усачёв и передразнивал каждое движение Сакontикова.

В это время к Сакontикову подплыл Миша.

— Отвязывай лучше свои пузыри, — сказал он, — и я тебя поучу.

Скоро Сакontиков уже мог немного держаться на воде, но больших успехов он не успел сделать, потому что нам велели сейчас же вылезать на берег. И тут как раз Ирина во второй раз поставила Мишу в пример Усачёву.

— Чем дразнить и кривляться, ты бы лучше, как Волошин, помог товарищу, — посоветовала она.

Усачёв поглядел на Мишу очень недобрыми глазами. Я знаю: если старшие говорят, чтобы ты брал пример с великого полководца или там всем известного учёного, то это ни капельки не обидно. Но когда взрослые ставят в пример твоего же одноклассника, то некоторые обижаются. Меня самого почему-то наша классная руководительница ставила в пример моему другу Владику. Она ему одно время часто говорила: «А вот Шатилов... А в тетради у Шатилова...» И Владик не то что невзлюбил меня, а как-то меньше стал тогда со мной дружить.

И всё-таки мне не понравилось, что Усачёв так поглядел на Мишу.

После купания я ощутил в теле необычайную лёгкость. Мне казалось, что я без всякого труда смог бы поставить рекорды по прыжкам в длину и высоту, — таким я почувствовал себя

На расстоянии километров двух от берега мы заметили скалистый остров.

лёгким и ловким. И поэтому я пожалел, что у нас не было в тот день по расписанию никаких физкультурных соревнований, а были только «тихие игры».

Как только мы с Мишей пришли в комнату игр — она помещалась в даче отряда малышей, — Усачёв предложил Мише сыграть в шахматы. Они сели за шахматный столик, а меня позвали три девочки, знакомые по поезду. Им как раз не хватало четвёртого человека для партии в домино, и они были довольны, что я подвернулся. Я играл с Людой против Смышляевой и ещё одной девочки. «Противницы» играли очень внимательно, они подсчитывали, какие костяшки вышли, а какие остались ещё у нас с Людой на руках, так что и мне надо было играть как следует. Но так как я всё время интересовался, побеждает за моей спиной Усачёв Мишу или нет, то сам ходил по-глупому. В конце концов Люда запретила мне оборачиваться, и я мог знать, что делается на шахматной доске, только по выкрикам Усачёва. Он играл в шахматы совсем не как в «тихую игру». То и дело он громко сообщал: «Защищаюсь по Нимцовичу», «Вскрываю позицию», «Скоро цуг-цванг», а Миша молчал, так что я думал, что ему приходится плохо. Но потом он сказал только одно слово: «Мат», — и после этого Усачёва несколько минут не было слышно. Они расставили фигуры для следующей партии. Мне очень хотелось следить за ней, но, как назло, ни мы с Людой, ни наши «противницы» всё не могли набрать сто одно очко. Когда Смышляева с напарницей всё-таки победили нас с Людой, Миша уже выиграл у Усачёва вторую партию. Люда сказала, что никогда больше не будет вместе со мной играть в домино, потому что я туго соображаю.

— Я этого не ожидала, — сказала она.

Мне стало очень неприятно. Сначала я решил, что не буду при ребятах оправдываться перед девчонкой. Но после того, как Миша второй раз объявил мат Усачёву, ребята, которые наблюдали за их партией, разошлись. И тогда я всё-таки сказал:

— Бывает, что я соображаю быстро...

— Наверно, это очень редко бывает, — ответила Люда, а Смышляева и ещё одна девчонка прыснули, и они все ушли из комнаты игр.

Нам разрешили купаться...

Ко мне подсел Миша.

— А ты шахматы уважаешь? — спросил он.

Я собирался сказать, что больше люблю шашки и поддавки, когда в дверь заглянул какой-то малыш и поманил нас:

— Там ваш длинный СакОнтикова доводит!..

Мы поспешили на второй этаж в палату четвёртого отряда. По дороге малыш рассказал, что к ним в палату вдруг пришёл длинный и приказал, чтоб Сакontиков шёл вниз с ним сражаться в шахматы (видно, Усачёву хотелось хоть у кого-нибудь выиграть). А Сакontиков в это время сидел на кровати печальный, чуть не плакал отчего-то и идти вниз отказался. Тогда длинный к нему привязался.

Когда мы вошли в палату, Усачёв говорил:

— Весь лагерь будет знать, что ты плакса, что ты... — Тут он увидел нас и остановился.

— Ты здесь... чем занят? — спросил Миша, обращаясь к Усачёву.

— Вот плаксу успокаивал, — ответил Усачёв. — Из-за чего-то ревёт.

— Коля, — Миша присел с Сакontиковым рядом, — случилось что-нибудь? Скажи!

— Он смеяться будет... — сказал Сакontиков, вытирая слёзы и кивая на Усачёва.

— Смеяться он не будет, — твёрдо пообещал Миша.

Сакontиков отвёл глаза в сторону, уже успокоенный, легонько всхлипнул в последний раз и признался:

— Я по маме скучаю, вспомнил, и грустно чего-то. — Сакontиков смущённо и доверчиво посмотрел на Мишу.

— Она жива? — быстро спросил Миша.

— Конечно, — ответил Сакontиков так, точно не представлял, что может быть иначе. — Просто я не расставался с ней никогда...

— У меня тоже мамаша, а я ничего, не плачу без неё, — заметил Усачёв и ухмыльнулся.

— Если бы у меня была... — начал Миша тихо и вдруг грубо и громко сказал: — Проваливай отсюда, Усач! — И толкнул Усачёва плечом.

— Потише! — Усачёв отступил к порогу, но не ушёл. — Вот в Спарте, — сообщил он, — там слабых, немужественных ребят сбрасывали с высокой скалы в море. А других они так закаляли, что когда к одному мальчику заполз ночью под рубашку лисёнок и прогрыз ему живот, то он даже не за-

кричал ни разу. А слабых и плакс они скидывали в море!..

По-моему, если бы Усачёв не говорил насчёт спартанского воспитания, с ним бы, может быть, потом не случилось того, про что скоро услышали в соседних домах отдыха, санаториях и на всём Крымском полуострове. Но это пришло мне и Мише на ум не в тот вечер. А в тот вечер Миша сказал только:

— Повезло Усачу, что он не у спартанцев родился!

— Как сбор кончится, сажаем тебе лису под рубаху, — сказал Жора.

Усачёв ушёл, а мы пошли с Сакontиковым погулять перед сном.

Над морем висела огромная луна, и свет от неё лежал на воде широкой дорогой, которая тянулась к скалистому острову и, наверно, продолжалась за ним.

Потом в одно мгновение лунная дорога исчезла. Это большое, седое облако с рваной бахромой окутало луну и притушило её. Вокруг стало темнее.

— Миша, — вдруг спросил Сакontиков, — а ты никогда не плачешь?

— Нет. — Миша помолчал. — Когда маленький был, плакал. А сейчас уже года четыре не плакал.

— Четыре года! — восхитился Сакontиков. С того дня он, хотя находился в другом отряде, почти всё время был рядом с Мишей.

V

Для Усачёва началась неспокойная жизнь.

— Внимание! Спартанец идёт! — кричали малыши, если он приближался.

А если он не приближался, то они сами находили Усачёва и, остановившись шагах в десяти от него, пели такой куплет:

Эй, спартанец, закаляйся,
И забудь про докторов,
И отсюда убирайся,
Если хочешь быть здоров!

Спев это хором, малыши немедленно разбегались врассыпную. Но Усачёв за ними даже не гнался. А через несколько минут они появлялись за его спиной и опять исполняли этот же куплет. Только вместо «Эй, спартанец, закаляйся!» они иногда пели «Эй, пятнистый, закаляйся!». Пятнистым же Усачёва стали называть потому, что он и на самом деле был весь в пятнах — тёмнокоричневых и светлозелёных. Так как он часто ходил к Леониду Фёдоровичу и жаловался на москитов, ему смазывали укусы зелёнкой или иодом.

Ребята из нашего отряда Усачёва песнями не донимали, но Жорка Фёдоров с ним очень неудачно пошутил. Жорка с утра до вечера всех разыгрывал и по любому случаю привирал. Он это делал не для своей пользы, не назло кому-нибудь, а просто так.

— Знаете, что сегодня на третье? — спрашивал Жорка перед обедом. — Арбуз, вот что!

Приходим в столовую, и нам дают не арбуз, а вишни. А Жорка почему-то радуется:

— Здорово я вас провёл?

С Усачёвым у Жорки получилось нескладно. Жорка встретил его, когда он спешил на волейбольную тренировку, и сказал:

— Ну, брат, договорились.

— Насчёт чего? — Усачёв насторожился.

— Насчёт лисы, — ответил Жорка совершенно серьёзно. — Значит, дают нам лису на часок. А сначала заведующий зверинцем никак не соглашался. У меня, говорит, всё хозяйство — медвежонок, сова да лиса. Я, говорит, их кормить разрешаю, а выпускать права не имею.

— А потом... разрешил? — спросил Усачёв, ничего не понимая.

— Всё-таки договорились, — подтвердил Жорка. — Так что сегодня чаю напьёмся, и ты тоже. Потом сбор: история Крыма. Ирина рассказывать будет. И ты со всеми послушаешь. Ну, а как сбор кончится, сажаем тебе лису под рубаху, и там видно будет, мужественный ты или нет...

Усачёв испугался. Про то, что в лагерном зверинце действительно содержалась лиса, он знал; того, что Жорка Фёдоров шутит, он не понял. А Жорка больше не сказал ничего, повернулся и убежал.

Усачёв помчался к Леониду Фёдоровичу, повторил ему жоркины слова и сказал, что, наверно, всё затеял Волошин. Ирина предложила нам собрать совет отряда.

На самом деле Миша конечно, ничего против Усачёва не затевал, а, наоборот, сказал, что я, как звеньевой (меня избрали звеньевым), должен с ним вести воспитательную работу. Я попросил, чтоб Миша, как член совета отряда (его избрали членом совета отряда), объяснил мне, с чего я должен начинать.

— Ну, — сказал Миша, — во-первых, в чём состоит главный недостаток Усачёва?

— Главный недостаток Усачёва, — ответил я, — состоит в том, что он дурак.

Миша подумал и сказал, что это верно.

— Вот против этого недостатка, — объяснил мне Миша, — мы в первую очередь начнём бороться.

— А как? — спросил я.

— Ты не представляешь, что ли? — удивился он. — Не приходилось никогда?

Я сказал, что вёл воспитательную работу с двоечниками, троечниками, лентяями, с врунами, но с дураками я не вёл воспитательной работы и не знаю, как её ведут.

— А ты разве вёл с ними воспитательную работу? — спросил я.

— Вёл, — ответил он, — ко мне, был случай, одного прикрепили.

— И он стал потом умным человеком? — поинтересовался я.

Миша подумал.

— Не знаю, — сказал он, — мы с ним вот как

Усачёв помчался к Леониду Фёдоровичу.

поступали: поручали ему какие-нибудь полезные дела.

— Для чего?

— Для того, чтобы у него времени тогда свободного на глупости не оставалось.

— А-а... Ясно... И больше ничего?

— И дразнить я его не давал, — добавил Миша.

На совете отряда Миша предложил включить Усачёва в нашу сборную волейбольную команду, которой предстояла ответственная встреча с командой «Артека».

Ирина согласилась с тем, чтоб Усачёв играл в сборной.

Когда насчёт Усачёва всё порешили, то, как и на самом первом сборе, начали говорить о будущих походах. Мы с Мишей ещё накануне проложили по карте Южного Крыма маршрут к горному озеру. Теперь мы показали эту карту совету отряда и рассказали всё то, что узнали от лагерного сторожа. По его словам, на пути к озеру и вокруг озера мы могли бы собрать образцы разных горных пород.

— Каждый бы собрал для своей школы по коллекции! Здорово было бы, а? — сказал Миша. — Я в школе обещал даже, что соберу и привезу. А на пляже я ничего не могу собрать, гальку только одну...

Тут мы все разом стали просить Ирину, чтоб поход состоялся поскорее.

— Если б до острова добраться... — протянула Ирина, будто соображая что-то, — там, говорят, лунный камень есть... Вот бы для ваших коллекций была находка! Это мечты одни! — сейчас же добавила Ирина, будто спохватившись. — Для того, чтобы один наш отряд смог попасть на остров, понадобилось бы снарядить пять больших лодок. Представляете? Где же взять столько гребцов?

Мы ответили, что можем очень быстро научиться грести, но Ирина сказала, что надо сперва научиться, а потом уж строить всякие планы. Тогда мы снова заговорили о походе к горному озеру.

— Ведь для этого ни лодок, ни гребцов не надо! — доказывал Ирине Миша.

Но сколько мы ни нажимали на неё, она всё-таки не назначила дня похода и даже не дала обещания, что поход обязательно состоится. То есть мы её почти уже уломали, но в эту минуту явился Леонид Фёдорович.

— Так, — Леонид Фёдорович сел, — о чём же идёт речь?

Ирина объяснила ему. Я предполагал, что он заволнуется, услышав про наши затеи, но он не заволновался, а стал рассуждать.

— Если устраивать такой поход, — сказал он, — то непременно с ночёвкой у озера. Возвращаться в лагерь в тот же день невозможно, пройдя столь большое расстояние.

— Правильно! Конечно! — обрадовались все. — С ночёвкой у озера!

— Да, — продолжал Леонид Фёдорович, — в этом надо заранее отдать себе отчёт: ночевать придётся у озера, под открытым небом или в пещере.

— Под открытым небом или в пещере... — подхватили мы и радостно переглянулись.

— Но, — рассуждал Леонид Фёдорович, — ночью в горах бывает холодно. Поэтому не обойтись без того, чтобы развести костёр. Да, надо заранее сказать, спать вам предстоит до самого восхода у костра.

Это нам ещё больше понравилось. С каждым новым словом Леонида Фёдоровича будущий поход казался всё замечательнее.

— Но ночёвка у костра даёт очень большие шансы на простуду, — неожиданно закончил он, — так как костёр согревает вас только с одной стороны. — И Леонид Фёдорович покачал головой с таким видом, что у меня сердце ёкнуло: не видать нам озера! — Мне понятно ваше желание. — Леонид Фёдорович направился к двери. — Но ночлег в горах опасен для здоровья.

— Почему же тогда в песне поётся «Если хочешь быть здоров, закаляйся»? — спросил Миша. — По-вашему ведь, закаляться не надо...

— Надо, — ответил Леонид Фёдорович. — Только песни всё-таки пишут поэты, а за тем, чтобы ваша жизнь была хорошо организована, слежу я.

Он ушёл. И тут я опять пожалел, что нашу жизнь в лагере организует не поэт. Если бы вместо Леонида Фёдоровича был поэт, это и для нашего здоровья, я уверен, тоже полезнее было бы.

VI

В последние дни перед волейбольным состязанием мы очень много тренировались. Так как других дел нам не предстояло, то мы только и говорили о предстоящей встрече и о том, удастся ли нам победить.

Перед тем, как я передал Усачёву, что его включили в сборную, Саконтиков сказал мне очень странную вещь:

— Володя, а зачем Усач сухари сушит?

— Сухари? — Я и сам ничего не понимал. — Где же он их, на кухне, что ли, сушит?

— Нет, что ты! — ответил Коля. — Он разложил хлеб на большом таком камне, знаешь, у ограды, за которой виноградник, а сам сидит рядом с книжкой, а солнце припекает, и получаются сухари... Ну, зачем ему?

Нас кормили четыре раза в день вкусно и досыта, тем, кто просил, давали добавку, у нас на полдник чуть не каждый день были сдобные булочки. Поэтому я ни за что не мог сообразить, для чего Усачёву сухари.

— Может, тебе померещилось? — спросил я Саконтикова.

Саконтиков оскорбился.

— Честное пионерское под салютом! — выпалил он, покраснев. — Мы бабочек ловили и вдруг Тольку Усачёва увидели. Видим, он сухари сторожит, и ушли оттуда...

Я сбегал к забору, отделявшему лагерь от виноградника, но Усачёва там не застал. На плоском камне, нагретом солнцем, никаких сухарей не было. Я решил, что малыши что-то перепутали.

Когда я сказал Усачёву, что его включили в сборную, он растерялся. Сперва он даже не поверил, что его правда включили. А потом он радостно улыбнулся и без всякой заносчивости спросил:

— Не врёшь?

— Будь спокоен, не вру.

Тогда он тем голосом, которым всегда бахвалился, сказал:

— Я не подкачаю! В соревнованиях применим новый способ блокировки.

Я припомнил, что, играя с Мишей, Усачёв тоже употреблял непонятные выражения. Мне

вдруг стало боязно, что и встречу мы можем проиграть.

Однако на тренировках Усачёв очень старался. Правда, у него был недостаток: он не любил пасовки. Если мяч попадал к нему, то он стремился сильным ударом «погасить» его. А стоя на подаче, он слишком красовался. Но зато удар у него всё-таки был сильный. И когда за день до встречи Гера Ивашов сказал, что опасно Усачёва завтра выпускать на площадку, потому что он задаётся, Жорка Фёдоров ответил:

— Может, он и задаётся чуточку, да зато как «режет» и длинный какой!

На волейбольной площадке Усачёва называли длинным без насмешки, а, наоборот, с уважением и даже завистью.

В нашу сборную вошли Толя Усачёв, Гера Ивашов, Жорка Фёдоров и ещё три человека. Капитаном команды назначили Ивашова. Судить состязание должен был начальник нашего лагеря Георгий Борисович.

Георгий Борисович немножко прихрамывает, потому что одна нога у него не сгибается. Он был ранен на фронте. Ему, наверно, лет сорок. В первые дни жизни в лагере я не знал, что он наш начальник. Он часто заходил в столовую в белом халате и по очереди спрашивал у нас, довольны ли мы едой, вкусно ли приготовлено. Я почему-то думал, что это шеф-повар.

Георгий Борисович почти весь день сидит в конторе. Иногда он выходит из неё и направляется к скамейке у дачи младших пионеров. Малыши сразу его замечают и окружают. Он сажает на здоровое колено Саконтикова или кого-нибудь другого и начинает качать, как дошкольников.

Один раз, я слышал, он спросил:

— Вас новым песням учат? Ну, спойте мне, пожалуйста.

Малыши спели ему. Потом он сказал:

— Я тоже вам могу спеть одну песню, которую вы не знаете. — И запел:

Эх, картошка —
объеденье,
Пионеров идеал,
Тот не знает
наслажденья,
Кто картошки не едал!

Он спел, засмеялся отчего-то и спросил:

— Что, хорошая песня? — Потом помолчал и сказал: — Конечно, она теперь устарела. В то время, когда она на свет появилась, голодновато было, так что картошка, да на костре печёная!.. До сих пор не забыть!

Кто-то из малышей спросил:

— Георгий Борисович, вы, наверно, эту картошку в походе на привале ели, да?

Усачёв застыл с поднятыми кверху руками.

— Правильно,— ответил Георгий Борисович,— на привале. Макали картошку в соль, запивали водой из ручья, а потом эту песню пели.

— А мы, Георгий Борисович, не едим печёной картошки,— сказал кто-то жалобно.

— Почему не едите?

— Потому что мы в походах не бываем,— ответил из-за моей спины подошедший Миша.

Это было как раз накануне состязания.

— Да-а,— протянул Георгий Борисович,— тут ведь такая вещь: в ближний поход идти некуда, в дальний — далеко. — Он улыбнулся. — Учёный человек говорит, от этого похода вся поправка ваша на убыль пойдёт.

— Так это же Леонид Фёдорович, он же...— начал кто-то.

— Эх, если б мог, я бы с вами за милую душу в поход пошёл,— перебил Георгий Борисович. Он постучал пальцем по больной ноге и присвистнул. Потом встал, помолчал и добавил: — Не горюйте, всё будет! Поправляйтесь пока...

Посмотреть на состязание нашей волейбольной команды с командой «Артека» пришли местные ребята и отдыхающие из соседнего санатория лётчиков.

Георгий Борисович и вожатый «Артека» — помощник судьи — заняли свои места. Георгий Борисович дал свисток начинать игру.

Первую партию мы быстро проиграли. Гости играли дружно и, главное, так спокойно, как будто нас, «противников», вовсе не было, а они собрались в круг, чтобы просто для удовольствия попасоваться. У них не бывало, чтоб на мяч кидалось сразу несколько игроков. И вообще их игроки, казалось, с места не двигались, а ждали, пока мяч коснётся кончиков их пальцев. В первой партии нам еле счёт удалось размочить. Но во второй партии мы сумели подтянуться. Артековцы решили, наверно, что им всё равно ничего не грозит, и начали бить по мячу как попало. Но, увидав, что счёт стал в нашу пользу, они сразу засуетились. Их капитан запричитал:

— Активнее, ребята, активнее!

— Дожмём их, орлы! — обратился к нашим Гера.

Георгий Борисович сейчас же засвистел и приказал:

— Отставить разговоры!

— Удалю с поля! — добавил вожатый «Артека» и тоже дунул в свою сирену.

Георгий Борисович и его помощник — вожатый «Артека» стояли по обеим сторонам волейбольной площадки и каждую минуту просвистывали её насквозь.

Артековцы с большим трудом сравняли счёт. При счёте 13 : 13 к ним перешла подача, но всё равно наш боевой дух был выше. Мы могли выиграть, это точно!

И тут-то Усачёв не взял мяча, который шёл ему прямо в руки. Этот мяч отбил бы любой начинающий. А Усачёв вдруг замер, словно боясь пошевельнуться. И он действительно боялся пошевелиться, потому что какой-то человек навёл на него фотоаппарат и приготовился щёлкнуть затвором. На глазах у всей нашей команды Усачёв застыл с поднятыми кверху руками и опустил их только через секунду, когда мяч упал к его ногам, а фотограф опустил аппарат.

Георгий Борисович даже не сразу объявил:

— Сет-бол! — Он, как и все, тоже оторопел.

Следующая подача «Артека» была последней. Наши гурьбой бросились на мяч, получился двойной удар, и мяч, выброшенный на «аут», не спеша, легонько подпрыгивая, покатился по наклонной дорожке к берегу моря.

Мы потерпели поражение.

Третью партию и играть не стали. Как бы она ни кончилась, ничего бы не изменилось.

Ребята из «Артека» пробыли у нас ещё часа полтора, полдничали вместе с нами, а потом уехали. И тогда мы окружили Усачёва.

— Ты почему, как памятник, стоял? — крикнул Гера.

— Верно, прямо, как статуя, — поддержал Жорка Фёдоров. — Я же рядом был, видел: статуя. Проиграли из-за него...

— Конечно, из-за него, да если б...

— Тише, ребята, пусть ответит, — перебил Миша.

— Я, ребята, не считаю себя виноватым, — заявил Усачёв. — Я собирался взять мяч и мог взять и, может быть, так срезал бы, что счёт стал бы...

— Если бы да кабы да росли во рту бобы... Заткнись лучше! — со злостью заорал кто-то.

— Но я не взял, — продолжал Усачёв, не обращая внимания на шум. — Разве я говорю, что взял? А получилось так. Я вдруг замечаю: фотограф нацелился и сейчас меня заснимет. Тут я решил секундочку одну постоять неподвижно, чтобы не испортить снимок.

— Он, значит, о снимке думку имел! — зловеще пояснил Жорка.

— А фотограф, — Усачёв развел руками, — сделал, понимаете, выдержку секунды на три — и...

— Фотограф виноват, чего там! — сказал Гера.

— Но это был не фотограф, — Усачёв сделал паузу, — а фотокорреспондент областной газеты. Не мог же я ему испортить снимок! — Он победоносно поглядел на нас.

— Ты кто, знатный человек, что твою фотографию в газете надо печатать? — негромко спросил Миша.

— Не знатный, а только, если он меня захотел снять, зачем я буду снимок портить?

— Не понимает!.. — загудели вокруг Усачёва, а Гера Ивашов сквозь зубы сказал ему:

— Ну, теперь знай: ни в одну игру тебя не примем, ни в одно дело. Сам по себе будешь теперь.

— А сейчас чтоб духу твоего здесь не было! — добавил Жорка. — Не мозоль глаза!

Усачёв пошёл к двери вразвалочку, но с очень несчастным лицом. Только что я собирался припомнить Усачёву его слова «Применим новый способ блокировки», но неожиданно ехидничать расхотелось.

Когда Усачёв вышел, Жорка, понизив голос, начал:

— Ребята, по-моему, надо ему такую штуку подстроить. Как он после отбоя явится, вы все притворитесь, что спите, а я будто спросонья закричу: «Мяч на игру». Тогда вы мигом вскакиваете — и к нему...

— Правильно, накостылять, чтобы знал! — сказал Миша.

— Все на одного, да? — спросил я.

— А ты, может, заступиться хочешь? — процедил Жорка.

— Может, и хочу.

— Тогда к Ирине сходи, к Леониду Фёдоровичу... — прищурился Жорка.

— Может, и схожу!

— Ну, иди! Брысь отсюда! — раздались голоса.

— Скатертью дорожка! — Жорка указал мне на дорожку, лежавшую в проходе между кроватями, по которой минуту назад ушёл выгнанный Усачёв.

Я огляделся: все были против меня. Тогда, не оборачиваясь, я двинулся к двери, а кто-то, не отставая, за мною следом. Выйдя из палатки, я обернулся: это был Миша.

— Пожалел его, что ли? — спросил он меня.

— Ну, пожалел.

— Нашёл кого жалеть! Девчоночье сердце у тебя!

— Ладно, — сказал я, — у тебя зато львиное!

— Не львиное, — сказал он, — а таких типов жалеть не буду!

— Пожалуйста... Ты бы там оставался! — я кивнул на палатку.

— Я ушёл не потому, что я за тебя, а потому, что я твой друг, понял? — крикнул Миша.

— А чего ты так на Усачёва окрысился? — спросил я нарочно спокойно. — Ты же сам его предложил в команду включить.

— Я предложил, потому что не знал, что он такой... Знаешь, кто из него вырасти может?

— Ну, кто? — спросил я.

— Кустарь-одиночка, вот кто! Что мы сегодня опозорились, ему всё равно. А мне завтра к лётчикам идти, на костёр их к нам приглашать...

— Ничего, — сказал я, — как-нибудь сходишь. И нечего тебе так на Усачёва злиться. Ты ведь сам говорил, что раз уже вёл с дураком воспитательную работу...

— Тот не такой вредный был, — ответил Миша, немного успокаиваясь.

— Усачёв сейчас переживает. — Я почему-то уверен был, что так и есть. — По-моему, хоть и трудно, а мы его трогать не дадим. Я звеньевой и...

— Ладно, — сказал Миша равнодушно, — не нужен он никому. — Потом его, наверно, досада взяла, что я его переубедил, и он добавил: — Тебе бы у девчонок звеньевым быть...

Но на это я не стал обращать внимания.

Вечером, перед сном, когда все собрались в палатке, Жорка окликнул Усачёва:

— Хочешь, приёмчик тебе покажу? — Жорка знал несколько приёмов классической борьбы и японского бокса и часто предлагал их показать, но соглашался кто-нибудь редко. Сейчас жоркины слова были, по-моему, началом какого-то заговора против Усачёва, потому что все, как по команде, притихли.

— Показать приёмчик? — повторил Жорка, приближаясь к Усачёву.

Пробовали Усачёва искать в городке, но его нигде не было.

— Мне покажи! — вдруг сказал Миша.

— Тебе? — Жорка, видно, никак не ожидал такого оборота.— Что ж, идёт. Отойдём-ка от стены,— сказал он торжественно.— Так, стань здесь, около кровати. Герка, отодвинь тумбочку. Теперь поздороваемся, Волошин. Давай руку.

— Держи.

— Раз, два, три! — Жорка сделал резкое, молниеносное движение всем телом и покривился от боли.

— Ну, показывай! — Миша стоял неподвижно, слегка расставив ноги, и попрежнему держал Жорку за руку.

— Понимаешь, ты сейчас должен был упасть, — объяснил Жорка, чуточку обескураженный.

— Так ты бы его раньше предупредил! — посоветовал Гера Ивашов.

Все рассмеялись.

— На ногах ты, Миша, стоишь крепко, — сказал Жорка Фёдоров покровительственным тоном,— отпусти руку.— Он помахал в воздухе онемевшими пальцами.— Хочешь, другой приём покажу?

— Ну, давай.

— Обхвати меня покрепче. Вот. А сейчас отпустишь! — И Жорка пальцами обеих рук неожиданно сдавил Мише рёбра. Однако Миша продолжал прижимать его к себе.

— Слушай, Волошин, отпусти-ка,— тяжело дыша, грубовато попросил тогда Жорка.— Руки у него железные,— отдуваясь, сообщил он нам.— А вообще-то, когда я тебе на рёбра надавил, ты от боли, понимаешь, сразу должен был отпустить.

— Так не было боли,— сказал Миша.

— Неважно, должна была быть,— возразил Гера, подражая жоркиному тону, и подмигнул нам.

— А больше ничего показать не хочешь, Фёдоров? — полюбопытствовал Миша.

— Нет, поздно уж, спать пора,— ответил Жорка и притворно зевнул.

— Утомился! — объяснил кто-то, а все расхохотались, и даже Усачёв несмело улыбнулся.

Мне захотелось подбодрить его, но подходящие слова как-то не попадались на язык.

— Ничего, брат...— сказал я.

Усачёв меня понял.

— Нет, Шатилов, мне здесь жизни не будет,— ответил он тихо,— потому что ребята такие...

А на утренней линейке хватились: Усачёва не было. Обегали весь лагерь, но его не нашли.

Начался переполох.

VII

Пробовали Усачёва искать рядом, в городке. Но ни там, ни на почте, ни на улицах, ни в парке санатория лётчиков его не было. Подумали, что, может быть, Усачёв собрался, не предупредив никого, домой. Тогда поспешили на автобусную станцию. Первый автобус на Симферополь ещё не отходил. Но среди пассажиров, ожидавших отправления, Усачёва также не оказалось.

Леонид Фёдорович прежде всего, очень волнуясь, спросил, возможно ли, что Усачёв ещё до отбоя пошёл купаться. Но когда он узнал, что Усачёв исчез, захватив с собой бинокль, он немного успокоился. Ясно, что идти купаться с биноклем даже Усачёву в голову не пришло бы.

Георгий Борисович сказал, что если к двенадцати часам дня Усачёв не отыщется, то придётся дать телеграмму его родителям и заявить в милицию. Ирина и вожатая девочек пошли по шоссе в направлении Симферополя, надеясь, что набредут на след беглеца. Мы много раз обшарили лагерь вдоль и поперёк. Потом, когда всё уже было обшарено, начали просто без цели слоняться по парку из конца в конец. Встречаясь, все спрашивали друг друга каждые пять минут:

— Ничего не слышно?

Но слышно ничего не было. Мы и спрашивали-то друг друга просто так, чтобы не молчать всё время. Конечно, если б что-нибудь стало известно, то все об этом бы проведали в одну секунду.

Мы пришли на огороженную старыми рыбачьими сетями лодочную пристань.

Георгий Борисович подозвал нас к себе и строго спросил, чем мы занимаемся.

— Вы, кажется, намеревались сегодня пригласить на костёр лётчиков? — сказал он. — Так идите к ним. Кто тут у вас из руководства — Ивашов, Волошин? Вот вы и отправляйтесь. Только ненадолго!

Георгий Борисович хотел нам показать, что ничего такого страшного ещё не случилось, чтобы мы могли забывать обо всех своих делах. Но, когда Миша и Гера ушли, мы опять принялись без толку шататься по лагерю. Только новенькие, вновь прибывшие ребята не участвовали в суматохе. Они ходили по территории лагеря со своим вожатым и присматривались к незнакомому месту. Кто такой Усачёв, они понятия не имели.

Скоро из санатория лётчиков вернулся один Гера. Он рассказал, что они с Мишей никого из лётчиков не застали, потому что те все были на пляже. Миша остался ждать в гостиной санатория, пока хозяева придут с пляжа, а Гера примчался сказать, чтоб Георгий Борисович не тревожился.

В то время как мы с Герой говорили о том, что будет, если Усачёв не найдётся, нас издалека окликнул Сакontиков. Он мчался к нам со всех ног.

— Володя, Гера, а остров-то обитаемый! — кричал он на бегу. Около нас он не остановился, а припустил дальше, вопя что есть мочи: — Остров обитаемый!

Мы бросились за ним вдогонку, но настигли его только у конторы, где он остановился, крикнув в окно Георгия Борисовича: «Остров обитаемый!» и упал без сил на скамейку, как гонец из истории древнего мира.

Отдышавшись, Сакontиков сообщил необыкновенную весть. Дело было так. Он шёл с новичками вдоль берега. Кто-то из новичков спросил вожатого, живёт ли кто-нибудь на скалистом острове. Вожатый ответил, что нет, стал объяснять, что этот кусочек суши среди волн возник, наверно, во время очень давнего землетрясения. Тогда-то от гор оторвалась эта огромная каменная глыба и упала в море невдалеке от берега.

Только вожатый кончил объяснять, как один новичок показал пальцем на остров, освещённый солнцем, и, заикаясь, сказал:

— Там есть жизнь!

И тут почти все увидели высоко над морем чью-то мечущуюся от скалы к скале фигуру.

— Человек! — загалдели новички. — А вы сказали, остров необитаемый!

— Бывает, что дельфины на солнце греются... — возразил вожатый, но тут фигура на острове вдруг замахала над головой большим белым платком...

— Наверно, это рыбак, занесённый туда бурей, или... Во всяком случае, не дельфин, а разумное существо! — закончил Сакontиков.

— А может быть... не очень разумное! — сказал Георгий Борисович и быстро зашагал к берегу.

Мы за ним. Все, кто был в лагере, тоже спускались к берегу. Мы то и дело натыкались один на другого, так как не смотрели себе под ноги. Никто не отрывал глаз от острова.

Мы прошли мимо пляжа на огороженную старыми, дырявыми рыбачьими сетями лодочную пристань. Здесь на гальке лежали четыре лодки, которые рассохлись на солнце и, по-моему, никуда не годились. Рядом валялись вперемешку вёсла разной длины.

— Одной лодки не хватает! — сказал Георгий Борисович.

Но ещё раньше, чем мы услышали эти слова, раздался возглас Люды:

— Там Усачёв, ей-богу! Я дальнозоркая, мне видно, это он, балда!..

До этого мгновения я лично очень смутно мог различить человеческую фигуру на острове. А теперь, когда все закричали: «Он, балда, он, балда!», — фигура поднесла к лицу какой-то крупный предмет, и стало понятно: Усачёв смотрит на нас в бинокль.

Мы стали выбирать лодку для экспедиции за Усачёвым. Все лодки так глубоко врезались в гальку, что спустить на воду одну из них нам удалось только вшестером, напирая на борта. Но на воде она начала сразу сильно протекать. Недаром в ней стояло целых три больших ржавых консервных банки для вычерпывания воды. Мы решили испробовать ещё одну лодку, её ещё труднее было столкнуть с берега, и я подумал, что один Усачёв ни за что не справился бы с такой посудиной. Я сказал об этом Георгию Борисовичу. Оказалось, что Усачёв уплыл на лодке, которая была привязана канатом к колышку, то есть на спасательной. И поскольку он уплыл на спасательной, нам теперь почти что не на чем было его спасать. Лодка, которую мы спустили на воду, сразу стала сильно протекать.

— Ну, вот что, — Георгий Борисович обращался ко всем, — на такой барочке путь до острова займёт около часа. Да обратно ещё столько же. Надо у соседей наших, лётчиков, глиссер или моторку просить. Кто пойдёт?

— Я! — вызвался я. Мне хотелось поделиться с Мишей последними новостями, о которых он ещё ничего не знал.

— И мы, — откликнулась Люда. — Я и Смышляева.

Но Смышляева не пожелала идти, а я нисколько не огорчился, и мы пошли вдвоём.

С Людой мы почти не разговаривали с того дня, когда она сказала, что я туго соображаю. Сейчас мне очень хотелось доказать, что я хорошо и быстро соображаю, но мы прошли уже полпути, а случая никакого не представлялось. Люда молчала и смотрела не на меня, а в сторону. Мы шагали довольно быстро. У входа в городок Люда немного замедлила шаг, читая плакаты, которыми были обклеены торговые киоски. На одном плакате был нарисован мужчина, который широко улыбался и курил толстую сигару. Под плакатом была надпись:

«На сигареты я не сетую.
Сам курю и другим советую».

— Зачем же он советует? — спросил я вслух. — Курить-то ведь вредно. — Мне хотелось, чтоб после этих слов Люда поняла, что я не такой уж тугодум. Но она равнодушно ответила:

— Ну и что же, что вредно! Многие всё равно курят.

И на этом разговор прервался.

Потом мне пришло в голову другим способом проявить свою сообразительность. Санаторий лётчиков помещался на горе, и к нему вела дорога, вьющаяся спиралью.

— Люда, — сказал я, — идти по спирали — около километра. Чего нам кружиться? Пойдём по прямой! Подъём будет крутой, зато сократим путь в пять раз. А?.. Кратчайшее расстояние между двумя точками — прямая, — добавил я для чего-то.

— Хорошо, — согласилась Люда.

Подъём был на самом деле очень крутой, круче, чем я думал. Мы карабкались, обдирая себе ноги о колючую, ломкую траву и хватаясь руками за ветки кустарника с шипами. Было бы удобнее взбираться на четвереньках, но при Люде, конечно, я не мог этого сделать. Хотя здание санатория на горе было очень близко, я боялся, что мы не доберёмся доверху, потому что подъём стал почти отвесный. Был момент, когда я ноги не мог оторвать от земли, чтоб поставить её выше, потому что мне казалось, что от этого я сейчас же полечу вниз. Я оглянулся и увидел, что Люда тоже стоит на месте, держась за какой-то кустик, и, наверно, боится потерять равновесие. Я протянул ей руку, и она ухватилась за неё, дальше она уже не выпускала моей руки, а я ставил ноги как можно прочнее и, хватаясь левой рукой за колючки с крепкими корнями, правой тянул за собой Люду. Я рад был, что Люде не приходится сжимать в руке веток с шипами. Она не раскровянила себе ладонь, а расцарапала только ноги. Но тут уж я не мог ей помочь.

Хотя подъём был всё такой же крутой, а я не только сам взбирался, но и Люду тащил, мне почему-то стало легче и веселее. Я чувствовал себя очень бодро, и мы скоро добрались до ровного места. Перед нами было трёхэтажное серое здание из камня-ракушечника. Но оно стояло за сплошным забором, которого снизу совершенно не было видно. Перебираться через этот очень ровный забор даже я не взялся бы, не говоря о Люде.

Идти вдоль забора к выходу нельзя было, так как забор подступал углом к самому обрыву, и завернуть за угол мы не могли. Пришлось спуститься вниз. Спустились мы благополучно, только мне на штаны и Люде на юбку налип репейник. Повидимому, мы спускались не там, где поднимались, потому что, когда мы лезли вверх, репейник за нас не цеплялся.

Мы попытались отодрать репейник от одежды, но оказалось, что в Крыму он на редкость въедливый, и мы не стали на него тратить время.

После этого мы отправились в санаторий лётчиков спиральной дорогой. Я боялся, что Люда будет на меня сердиться за то, что я предложил идти по прямой. Но она мне ни слова в упрёк не сказала, а, наоборот, развеселилась и рассказала, как она по ошибке привела своих одноклассниц не в ту мужскую школу, в которую их приглашали на вечер, а совсем в другую. Между прочим, она спросила, какой номер у моей школы, а я спросил, какой номер у ее школы. Выяснилось, что мы учились шесть лет совсем недалеко друг от друга. Я сказал, что осенью наши школы сольют в одну и что хорошо бы тогда учиться в одном классе. Люда согласилась, что это было бы здорово.

Так мы разговаривали, пока не дошли до здания санатория, и за всё время я даже ни разу не вспомнил, что Усачёв-то сидит на острове один-одинёшенек и грызёт сухари.

У входа в санаторий мы столкнулись с Мишей. Миша нёс подмышкой большой свёрток из газеты. Он очень удивился, увидя нас.

— Что это у тебя? — спросил я.

— А вы здесь зачем? — спросил он.

— Чур, отвечать по порядку, — сказала Люда.

— Образцы горных пород для коллекции, — ответил Миша.

— Нас послали просить моторку или глиссер для Усачёва,— ответил я.— Где ты достал эти образцы?

— Для Усачёва?! А где он?

— Да, ты ведь не знаешь ничего! На острове.

— На острове?! — Миша рот раскрыл.— Как же я его...

— Что ты его? — спросила Люда.

— Ничего. Я не думал, что он на острове.

— А кто же думал? — сказал я.— Но всё-таки он там.

— Подождите-ка здесь,— велел нам Миша.

Он вошёл в дом и через несколько минут вернулся с тремя мужчинами в одинаковых пижамах,— наверно, это были лётчики — и ещё одним мужчиной в белом костюме, который оказался директором санатория.

Миша познакомил нас с лётчиками, теми самыми, которые обещали придти на костёр, а директору мы передали просьбу Георгия Борисовича. Директор ответил, что их моторка сейчас в ремонте, а глиссер он может сейчас же предоставить в распоряжение нашего лагеря. Он сам проводил Люду, Мишу и меня до пляжа, рядом с которым находился маленький пирс, и приказал мотористу доставить нас в лагерь. На глиссере мы, казалось, летели прямо над водой и через минуту оказались на лагерной пристани. Здесь мы сошли на берег. У моря попрежнему толпился весь лагерь, наблюдая за передвижениями Усачёва на острове.

Георгий Борисович и Ирина сели в глиссер и вскоре скрылись из виду; они почему-то обогнули остров: наверно, причалить со стороны берега было нельзя. Но прошло совсем немного времени, и мы опять увидели глиссер — теперь он стремительно приближался к берегу. А над ним, как эскадрилья на параде, летели, соблюдая строй, чайки.

Усачёва встретили с таким шумом, как будто он открыл новую часть света. Конечно, с приветствиями никто не выступал, и воздавания почестей тоже не было, но зато смех вокруг стоял, точно в цирке. На соседних пляжах также царило большое оживление. Множество взрослых теснилось к перильцам, отгораживавшим нашу пристань, наблюдая за высадкой Усачёва.

С биноклем и мешочком сухарей через плечо Усачёв, немножко горбясь, шёл сквозь расступившуюся толпу и охотно отвечал на вопросы о своей жизни на острове. Он виновато улыбался и, по-моему, был счастлив, что возвратился.

Прежде всего его повели в столовую кормить. По дороге он говорил о том, что он переживал один среди моря. По его словам, очень волнующий момент у него был до того, как мы его заметили: он смотрел в бинокль, и ребята на берегу казались ему очень близкими — до них было рукой подать, а на его крики они головы не поворачивали. Так как Усачёв всё время не отрывал бинокль от глаз, то он даже забыл, что в бинокль смотрит, и поэтому ему было жутко, что ребята совсем рядом, а его голоса не слышат.

На вопрос, зачем он сбежал на остров, Усачёв ответил: «Просто так...» — и вошёл в столовую, а нас туда следом за ним не впустили. Но всё равно мы все были уверены, что Усачёв сбежал, чтобы за него как следует поволновались, и больше ни для чего.

Пока Усачёв наедался досыта, мы принялись за выпуск отрядной стенгазеты. Эту газету мы вывесили в тот же день. В ней было два раздела. Один маленький — «Спортивные новости» (о волейбольном состязании с артековцами), другой, очень большой, назывался «Географические открытия». В нём была помещена статья, которую сочиняли сообща многие ребята, и я тоже. Эту статью некоторые девочки даже переписывали, чтобы потом дома показать подругам и знакомым. Люда переписала её для себя и для меня. В статье говорилось вот что:

«Сегодня на рассвете Анатолий Усачёв в лёгкой лодке с одной парой вёсел впервые в истории мореплавания достиг скалистого острова, расположенного вдалеке от торговых и пассажирских транспортных линий.

Открытый А. Усачёвым остров оказался необитаемым. Происхождение его, по мнению исследователя, вулканическое.

Анатолий Усачёв не обнаружил на острове ни флоры, ни фауны.

Анатолий Усачёв заявил нашему корреспонденту, что островом следует называть часть суши, со всех сторон ограниченную водой.

Недостаток провизии (один мешок с сухарями) и отсутствие на острове водопровода не позволили исследователю продолжить свои наблюдения. К тому же морское течение унесло лодку, на которой он пустился в своё смелое путешествие.

Однако, уже испытывая жажду, А. Усачёв сделал ещё одно важное открытие: в морской воде, омывавшей остров, он обнаружил медуз. После этого Анатолий Усачёв вступил на борт спасательного судна и вернулся на континент».

Ирина, улыбаясь, читала нашу газету. Её обступили ребята.

— А что теперь будет Усачёву? — спросил кто-то.

Ирина перестала улыбаться.

— Исключат,— ответила она.— Его отцу уже сообщили, чтоб завтра за ним приехал.

Все молчали, только кто-то из девочек сказал:

— Всё-таки жалко...

А назавтра произошли события, которых никто не ожидал.

VIII

Мы с Мишей сидели на скамейке в парке, и он показывал мне свои камни. Аккуратно разложенные на газете, они напоминали настоящую коллекцию.

— Этот вот — сердолик,— говорил Миша,— а этот называется «лунный камень», он и правда на луну цветом похож, верно? Про эти я не знаю, что за породы,— так просто отбил, в школе разберутся...

— А где ты их отбил? — спросил я.— Ты так и не сказал вчера.

— Так тогда рядом Людка была, а потом тоже всё время кто-нибудь около был,— ответил Миша.— Понимаешь, никогда б мне этих камней не увидеть, если б...— Миша остановился: к нам быстро подходил Леонид Фёдорович.

В упор глядя на Мишу, он спросил:

— Волошин, ты вчера утром был на острове?

Миша побледнел и твёрдо ответил:

— Был.

Я подумал, что он с ума сошёл: ведь на острове был вовсе не он, а Усачёв. Это всем известно, чего же Миша болтает ерунду?!

— Так,— сказал Леонид Фёдорович,— ещё одно: каким образом ты туда попал?

Миша ещё сильнее побледнел, несколько секунд молчал и наконец ответил:

— Я не могу сказать...

— Ясно! — проговорил Леонид Фёдорович. Ни о чём больше допытываться не стал и удалился.

Но мне было совсем не ясно, что произошло. То, что я только что видел, было вроде сна, который может присниться, если очень неудобно лежишь в кровати.

— Как он мог узнать? — будто про себя спросил Миша, нахмурившись и закусив губу.

— Так ты на самом деле на острове был или нет? — не выдержал я.

— Был. Это, Володька, так получилось. Я когда стал лётчиков звать на костёр, один говорит: «Ладно, мы придём обязательно. А сейчас мы на прогулку едем на глиссере. Не хочешь

Усачёва встретили с таким шумом, как будто он открыл новую часть света.

ли с нами за компанию?» Ещё бы не хотелось! И, главное, на острове минералы добыть можно. Мы ещё в горный поход, может, пойдём, может, нет... А тут, думаю, я уж точно камней для коллекции наберу. Я ведь обещание в школе дал, что минералов привезу.

— И вы поехали на остров?

— Поехали. Молоток специальный даже захватили — у одного там был. Я подумал так: если разрешения сбегать спросить, может, ждать не станут. И потом, Володька, они со мной всё время, как со своим, как с ровней!.. А сказать «пойду разрешение спрошу», посчитали бы: «Ну, малец!» Вот я и...

— Усачёва ты на острове сразу заметил? — перебил я.

— В том-то и штука,— ответил он,— что я его там и в глаза не видел. Мы со стороны моря подчалили, в маленькой бухточке поставили глиссер, потом я по узенькому коридорчику между скалами прошёл немного и начал молотком породу отбивать. Поотбивал — и в глиссер обратно. А на той площадке, где Усач пританцовывал, я и не был вовсе.

— Значит, ты только маленькую часть острова видел? — спросил я.

— Конечно,— сказал Миша,— я даже не добирался до той части, которая с берега видна. Я в глиссер сел, кататься больше не стал, а попросил, чтоб меня на берег сразу доставили. Они и доставили.

Я посоветовал Мише, чтоб он рассказал Георгию Борисовичу, как всё вышло. По-моему, Георгий Борисович после этого не очень бы рассердился.

— Нет,— ответил он,— я тогда лётчиков подведу.

— Да им ничего не будет! — сказал я.

— Будет,— возразил он.— Я Леонида Фёдоровича знаю, что-нибудь им обязательно будет.

Я поразмыслил немного.

— Им могут только сказать, что непедагогично было брать тебя на остров, а больше им ничего не могут сделать,— решил я.

— Точно,— кивнул головой Миша.— Больше ничего. Людям лечиться надо, отдыхать, а им втолковывать начнут: как же вы, да зачем?.. Думаешь, приятно? Нет, я лётчиков не выдам.

К нам, запыхавшись, подбежал Усачёв.

— Волошин, послушай, это я тебя подвёл! — Усачёв волновался.— Я не нарочно, честное слово!

— Что? — Мы удивились.

Во-первых, потому, что не представляли, в чём дело, а во-вторых, очень непривычно было, что Усачёв извиняется.

— Я предполагал, что у меня была галлюцинация, и поэтому рассказал Леониду Фёдоровичу,— продолжал Усачёв.

— Что рассказал? — спросил я.

— Что предполагал? — спросил Миша.

— Я видел тебя на острове,— пояснил Усачёв,— всего одну секунду. Потом ты скрылся за какой-то скалой и совсем исчез. Я считал, что у меня была галлюцинация.

— Как? — недоверчиво переспросил Миша.

— Я решил, что ты мне померещился. Я как раз читал недавно, что с теми, которые теряются на необитаемых землях, случаются галлюцинации.

Я понимал, что Усачёв говорит правду. Действительно, застав на острове Мишу, он мог буквально остолбенеть.

— Ты бы меня позвал. Я б откликнулся, а ты бы и догадался, что я тебе не привиделся! — сказал Миша.

— Я тогда не хотел звать. Я хотел, чтоб обо мне подольше...— Усачёв запнулся.— Чтоб в общем не знали, где я. А ты потом куда делся?

Миша не ответил.

В тот же день на сборе отряда мы обсуждали проступки Миши и Усачёва. За несколько минут до сбора Мише крепко не повезло. К Ирине пришла её знакомая с почты, та самая, которую когда-то Миша попросил соединить его с Курской областью. Она узнала Мишу, поздоровалась с ним и брякнула:

— Это твой мальчик, Ирина? Он у меня однажды был...

Так что получилось, что у Миши целых два проступка. Но всё-таки Усачёва ругали гораздо больше. Все чувствовали, что он сбежал только

для того, чтоб о нём поволновались. Но в то же время к нему относились не так пренебрежительно, как раньше, а лучше. По-моему, играло роль, что он на сборе не задавался. А кроме того, хотя он доставил много хлопот, у некоторых прибавилось к нему уважения оттого, что он сумел один догрести до острова. Но попало ему от всех здорово.

Мише попало меньше. Все ведь знали, для чего он забрался на остров. Его не очень осуждали, а Сакontиков, который и сюда пришёл следом за Мишей, даже сказал:

— Миша Волошин совершил очень хороший проступок. Плохой человек никогда не совершил бы такого хорошего проступка! Он хотел подарить своей школе минералы и теперь подарит. Он молодец...

Суровее всех говорила Ирина. Она поставила Мишу и Усачёва на одну доску и назвала их «такими нарушителями, которых мы не можем терпеть».

После сбора все вожатые ушли в кабинет Георгия Борисовича. Говорили, что они там вместе с ним составляют приказ об исключении провинившихся. Все слонялись под окнами конторы, но оттуда голоса не доносились. Видно, никто ни о чём не спорил.

Миши возле конторы не было. Я начал его искать и нашёл в пустой палатке. Он укладывал в чемодан свои камни, каждый по отдельности завёртывая в бумагу. Один продолговатый «лунный камень» он оставил на одеяле.

— Володька, ты... твоя мать серьги носит? — спросил он.

Я изумился такому неожиданному вопросу, но всё же ответил:

— Носит... У неё с детства уши проколоты. А для чего...

Миша протянул мне камень.

— На,— сказал он.— Ей обточат, ну, мастер какой-нибудь... И будет хорошо. На две серьги хватит...

Я обернул камень носовым платком и спрятал в карман. Мы помолчали.

— Знаешь что, давай адресами меняться! — предложил Миша.— У тебя карандаш есть?

— Подожди,— ответил я,— может, мы ещё в один день уедем.— И побежал в контору.

Я собирался сейчас же, не откладывая ни на минуту, объяснить Георгию Борисовичу, что нельзя равнять Мишу с Усачёвым. Миша ведь и после отбоя отлучился, потому что хотел спросить шефа, что сделать, чтоб всем в лагере не было скучно, и коллекцию не для себя собирал...

Но меня не пустили в кабинет. Там сидел с Георгием Борисовичем отец Усачёва, который только что приехал на «Победе». Ребята видели, как он вошёл к Георгию Борисовичу, а вожатые из кабинета вышли.

Потом Ирину позвали обратно. Через несколько минут она сбежала со ступенек крыльца и окликнула Усачёва. Мы окружили её и наперебой спрашивали одно:

— Какой будет приказ?

Ирина не ответила и только бросила подошедшему Усачёву:

— Никуда отсюда не уходи, жди здесь.

— А Волошин как же? А с Волошиным что? — раздались ей вдогонку вопросы.

— Не знаю, на линейке услышите,— ответила Ирина, но все разом по голосу поняли, что Мишу исключают.

— Значит, Волошин хуже Усачёва? — набросились мы на Ирину.

— Только из-за отца оставляют! — крикнул Жора Фёдоров.

Ирина обернулась и строго спросила:

— У тебя откуда такие сведения?

— Видите, спрашивает, откуда? — обратился к нам Жорка.— Значит, так и есть... Наверняка Усач останется, а Мишка... Эх!

Жорка сказал это так убеждённо, что ему поверили. И теперь мне припомнились слова: «Усачёв сын Усачёва». Мы над ними посмеялись тогда, а вот что они, оказывается, значили!.. Нет, такого мы не допустим!

— Айда сейчас всем отрядом к Георгию Борисовичу Волошина защищать! — выкрикнул Жорка.

— Нет, всем не надо,— возразил рассудительно Гера,— лучше трём или четырём человекам пойти.

— Я пойду,— сказал я.

— Правильно,— поддакнул Жорка,— а с ним пусть Усачёв идёт!

— Я обязательно! — подхватил Усачёв.

— И говори, знаешь что? — велел Жорка,— «Я хуже Волошина! Я хуже, а вы меня не исключаете...»

— Ладно,— сказал Толя,— так и скажу.

В это время на крыльце появился Усачёв-старший, а шофёр в «Победе» сразу включил мотор. Толя бросился к отцу. Отец был одного с ним роста, но намного шире, толще и с лысиной.

Усачёв-старший не поцеловал Толю, а громко сказал ему:

— Я надеюсь, недоразумений больше не будет. Мама шлёт тебе привет и тоже надеется, что недоразумение, Анатолий, не повторится.

Шофёр распахнул дверцу «Победы», Усачёв-старший сел в машину и уехал.

Толя глядел машине вслед. Я взял его за локоть, и мы направились к Георгию Борисовичу. Перед дверью нас остановила Ирина.

— Георгий Борисович очень устал,— вполголоса сказала она мне,— он иногда бывает вспыльчивый... Сейчас сильно сердится на наш отряд, так что...

Я постучал в дверь, услышал «Войдите!», и мы вошли. Я подошёл к столу, а Усачёв остался у двери.

— В чём дело? — спросил меня Георгий Борисович.

— Насчёт Волошина... по поручению отряда...— начал я и рассказал о том, зачем Миша отлучался после отбоя и ездил на остров с лётчиками. Под конец я сказал: — Исключать Волошина — это несправедливость. — Из всей речи, которую я в мыслях приготовил, только эти последние слова я в точности сохранил.

— Несправедливость? — переспросил Георгий Борисович.— Так ты сказал?

— Так,— ответил я.— И её быть не должно.

— Вот как,— проговорил Георгий Борисович в раздумье.— А отряд на нарушителей дисциплины влиял?

— Отряд тоже виноват,— сказал я.

— Ах, «тоже»? — Георгий Борисович покачал головой.— Понятно... Ну, а ты что? — вдруг обратился он к Усачёву.

— А я хуже Волошина,— сейчас же отозвался Усачёв, как велел ему Жорка.

— Возможно,— спокойно согласился Георгий Борисович.— И что же?

— Я хуже Волошина,— повторил Усачёв и от себя добавил: — Если его исключите, то мне нельзя здесь оставаться, потому что я больше него виноват.

— Ясно,— сказал Георгий Борисович.— А с чего ты взял, что сам в лагере остаёшься? — Он пристально посмотрел на Усачёва.

— Я?.. А разве...— Усачёв растерялся.— Не знаю, с чего... Только Волошина не надо...

— Его мы и не собираемся исключать,— твёрдо проговорил Георгий Борисович.

От радости я вскочил со стула и чуть не заплясал.

— Вот здорово! — вырвалось у Усачёва.

Георгий Борисович поглядел на его очень довольное лицо и тоже сказал: «Здорово!» — не знаю, насчёт чего.

— А с Усачёвым как будет, Георгий Борисович? — спросил я.

Начальник лагеря повернулся к Усачёву.

— Я сказал твоему отцу,— Георгий Борисович помедлил немного,— что, наверно, ему придётся тебя отсюда забрать. Но прежде, чем решить окончательно, я хотел с тобой потолковать.

Усачёв опустил голову.

— Немного мы уже поговорили,— продолжал Георгий Борисович,— а теперь вот что: сам ты чего больше хотел бы, вернуться домой или остаться здесь?

Усачёв покраснел и пробормотал:

— Не знаю...

Я уверен, что он хотел остаться, но из-за самолюбия ответил так.

— Не знаешь сам? Та-ак,— протянул Георгий Борисович.— А тяжёлая с вами работка, не находишь? — обратился он ко мне.

— Конечно,— сказал я вежливо.

— Значит, сочувствуешь?.. Ну, позови ко мне Волошина.

Я бросился было за Мишей, но вдруг сообразил, что в разговоре нечаянно выдал лётчиков.

— Георгий Борисович, обещайте мне одну вещь,— попросил я.

— Какую?

— Что лётчикам ничего не будет.

— Так ты их тоже оберегаешь?

— Нет,— признался я,— их Волошин...

— Ну, позови его,— приказал Георгий Борисович.

— А лётчики...

— Будут спать спокойно. Марш за Волошиным...

Усачёв остался с начальником, а я пулей вылетел из кабинета. Ирина схватила меня за рукав у крыльца:

— Ну что?..

— Объявят на линейке,— ответил я официально и понёсся за Мишей. К счастью, он был рядом.

Миша, Усачёв и Ирина пробыли в кабинете Георгия Борисовича с полчаса. Мы ждали их у конторы. Наконец, они появились. Миша прежде всего сообщил:

— Ребята, у нас скоро поход настоящий будет!

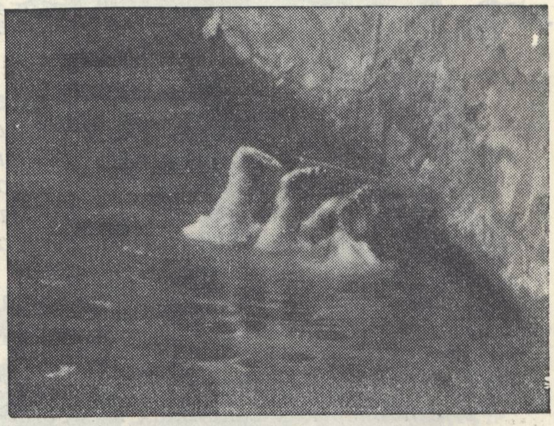
— А ещё раньше выговор,— добавила Ирина.

— Ага,— сказал Усачёв,— нам с Мишей строгий, а отряду — обыкновенный...

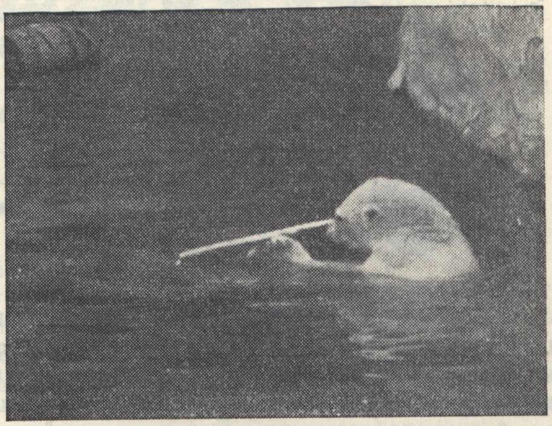
— Володька, Усач, идея есть,— Миша отвёл нас в сторону.— Давайте к костру...

Он не договорил. Заиграл горнист, и мы побежали на линейку получать выговор.

ВЕСЕЛОЕ КУПАНИЕ

Полярный медвежонок, который живет в Московском зоопарке, любит купаться. Вот он нырнул...

А через минуту, подхватив свою «игрушку» — обломок палки,— возится с нею...

...Наконец, накувыркавшись всласть, медвежонок отдыхает на спинке, как заправский пловец.

ТВОИ ДРУЗЬЯ

В разных странах, на различных материках можно встретить замечательных ребят. Все они носят пионерские галстуки. И всюду, везде это верные дети народа, усердные и надёжные помощники передовых борцов за счастье, за справедливость, за светлую жизнь.

У этих ребят смелые и горячие сердца, всегда готовые к подвигу для Родины, для дружбы, для правого дела.

В свободных странах, где у власти народ, они посильным трудом участвуют в великой стройке. Для них дорог каждый колосок, каждый кусочек металла. Они зорко следят, всё ли в порядке, не нужны ли где-нибудь их прилежные руки.

Там, где народ ещё не свободен, где жизнь сурова и трудна, ребята в пионерских галстуках мужественно помогают взрослым. Тайком от полицейских патрулей они выводят на стенах негодующие надписи: «Янки, убирайтесь домой!» Они расклеивают листовки против войны, а во время забастовок стоят вместе с отцами в рабочих пикетах.

Прочитай здесь рассказы о детях разных стран, об их жизни, об их отважных поступках и славных трудовых делах. Видишь, сколько у тебя друзей во всём мире, сколько хороших, весёлых, энергичных и надёжных ребят! Ты никогда их не видел, и всё же ты с ними в одном строю.

По следам «Чёрного волка»

Был погожий весенний день. В этом году сирень цвела особенно буйно, и сладковатый запах её, врываясь через широко распахнутое окно, мешал мальчику готовить уроки. Збышек задумчиво следил за ласточками, стремительно взлетавшими под самые облака.

Внезапно послышался короткий пронзительный свист. Так, в два пальца, умел свистеть только приятель Збышека — Янек... Свист повторился. Затем под окном послышался торопливый шёпот:

— Збышко! А ну вылезай! Мы тебя ждём, а ты, как дятел, долбишь носом книжку... Солнца жалко! Вылезай, тебе говорят!

Чуть поколебавшись, Збышек с облегчением отложил тетради и задачник. Зорко осмотревшись, он осторожно проскользнул мимо матери, занятой на кухне. Услышав негромкий скрип двери, мать крикнула:

— Ты куда это, а?

Но было уже поздно: через дыру в изгороди ребята вылезли на дорогу. Вдоль неё кое-где виднелись разрушенные во время войны развалины домов, окружённые запущенными садами. Развалины эти, заросшие крапивой и молоденькими берёзками, уже не казались такими страшными, как в первые годы после войны. Здесь можно было играть в индейцев, строить грозные форты. Ветвистые деревья прекрасно заменяли корабли: взобравшись на их вершины, как на мачты, ребята высматривали сквозь поломанный бинокль далёкие земли... Да мало ли во что ещё можно было играть в заброшенных садах!

Вот и сегодня ребята расположились на ступеньках разбитой снарядами виллы. Когда-то здесь жил немецкий фабрикант, но наступление Советской Армии заставило его бежать в Западную Германию. Сидя на горячих от солнца плитах, мальчики смотрели в сторону реки. Она текла внизу, слегка волнуемая лёгким ветерком. Пограничная река: за нею — Германия...

— Идут, — прошептал Янек, — с собакой...

— Кто? Дай-ка мне посмотреть! — крикнул маленький толстяк Антось, пытаясь вырвать бинокль из рук Янека.

— Да отстань ты! — отмахнулся Янек. — Пограничники идут, патруль... Вот это настоящая работа! Отец рассказывал мне, как он сражался на фронте. Но теперь отец отвоевался, каждый день ходит на фабрику, кончились его приключения. А эти всё равно как на фронте, ей-богу!

— Эх ты, глупый! — усмехнулся Антось. — Я ещё ни разу не слышал, чтобы они поймали како-

го-нибудь бандита, а ты... Да это самая скучная работа на свете...

— Сам ты глупый! Ведь это секретная война. Не имеют они права болтать обо всём, понимаешь? Вот они зацепились за какую-то ниточку, а рвать её нельзя: надо до самого клубка добраться... Соображать надо, умник!

— Давайте играть в пограничников, а? — весело закричал Збышек.— Вы окружите сад, а я буду через него пробираться, согласны? Если вы меня не заметите и я дойду до дороги,— победа моя... Ладно?

— Не-е-ет,— проворчал Антось,— всегда мне достаётся искать! Сегодня я хочу быть контрабандистом...

— Ну ладно,— махнул рукой Янек, который всегда был командиром во всех играх. — Но уж если мы тебя поймаем, то достанется тебе по шеям...

— Хвост от селёдки поймаете, а не меня! — крикнул Антось.— У меня свои ходы-выходы.

И уже в безопасном отдалении от приятелей Антось показал им обоим язык и затем нырнул в кусты. Через минуту до ребят донёсся его голос:

— Ну, ловите! По-гра-ничны-ки!!! У-у-у-у!..

Ребята побежали вглубь сада.

— Где он мог спрятаться? — шёпотом спросил Збышек.— Кричал как будто издалека...

— Да он мог просто повернуться к нам спиной или прикрыть рукой рот,— ответил Янек,— а может, влез в подвал и сидит там? Развалин тут много... Знаешь что, Збышек? Мы должны подстеречь его. Пограничники никогда не сидят на дороге — всегда в укрытии...

— Верно! Давай наблюдать вон с той стены. Оттуда хорошо видно...

— А я влезу в бурьян возле самой дороги... Если он удерёт от тебя, то наскочит прямо на меня,— шепнул Янек, осторожно раздвигая палкой бурьян.

Несколько минут оба сидели молча. По дороге проехало несколько грузовиков. На фабрике прозвучал гудок на обед. Антося всё ещё не было... Внезапно ребята услышали треск ветвей и быстрый топот. Почти одновременно оба крикнули:

— Стой, стреляю!

Но Антось и не думал скрываться. Выбежав на тропинку, он нетерпеливо помахал друзьям рукой.

— Послушайте, ребята! — запыхавшись и хватая друзей за руки, произнёс Антось.— Что я нашёл, что нашёл!.. Ох, если бы вы видели...

— Ну, ври больше! Не выкручивайся. Всё равно проиграл! Да не сопи ты так, всё равно не поверим...

— Ой, что я нашёл! Только дайте слово, что никому не скажете, ладно? — поспешно шептал Антось.— Вот теперь уж будет игра — настоящая! Даёте слово?

Збышек уже готов был дать слово, но Янек возразил:

— Слово чести не пускается на ветер, понятно? А слово пионера для меня слишком дорого, ясно? Я должен знать, за что его даю, по какому случаю...

— Там лежит портфель! — выпалил Антось и сразу же оглянулся: не подслушивает ли кто?

— Ну и что? — насмешливо сказал Янек.— В развалинах такого мусора сколько хочешь. Подумаешь, открытие!

— Так ведь это новенький, совсем новенький портфель, а в нём четыре револьвера и ещё что-то в пакетах... Только я побоялся трогать и сразу побежал к вам. Там есть проход через терновник, а потом развалины и подвал, аж до самого гаража, что возле дороги. Я бы прошёл под самым носом у вас, а вы и не заметили бы!.. Янек, ты сегодня взял свой фонарик? А то там темно.

Ребята пошли за Антосем. Остановившись у спуска в подвал, Янек зажёг фонарик, и все трое, сгорбившись, пробрались вниз по заваленному ходу. Вдруг Антось схватил Янека за руку.

— Стой! — прошептал он.— Посвети вон туда, в угол...

В свете фонарика ребята увидели груду кирпичей, из-под которых виднелся уголок коричневого портфеля. Став на колени, ребята разобрали кирпичи и открыли портфель. Матово блеснули воронё-

ные стволы четырёх пистолетов и промасленные, обёрнутые в газету обоймы с патронами.

— Ну что, вру?! — торжествующе прошептал Антось.— Ага! Давайте, возьмём их, а? Только мне причитается два: это — моё открытие! Уж мы теперь постреляем, да, ребята? Никому ни слова, а то сразу отберут! А во, смотри, тут какие-то штуки с зелёным глазком... Ой, не трогай, ещё взорвутся!

— Не бойся, это аккумуляторы.

Ребята замолчали, охваченные волнением и страхом. Им казалось, что кто-то подслушивает их, что кто-то приближается к подвалу. Где-то упал камешек. сердца бешено колотились...

— Хватай портфель — и ходу! — шёпотом скомандовал Антось, вскакивая с пола.

— Нет, и не думайте!— решительно возразил Янек.— Тут дело серьёзное...

— Боишься? — фыркнул Антось.

— Дурак! — буркнул Янек.— Ничего я не боюсь. А надо действовать с головой, понятно? Ты бы моего отца послушал, так не молол бы глупостей. Оставим всё, как было,— и пошли! Надо обдумать один план.

В голосе Янека было столько решительности, что ребята сразу присмирели, вложили всё в портфель и водворили на место, старательно прикрыв кирпичами. Затем выбрались из подвала и спрятались в кустах.

— Ну, что ты выдумал? Что ты хочешь сделать? — ершился Антось.— Раз это дело нечистое, надо забрать портфель, и всё.

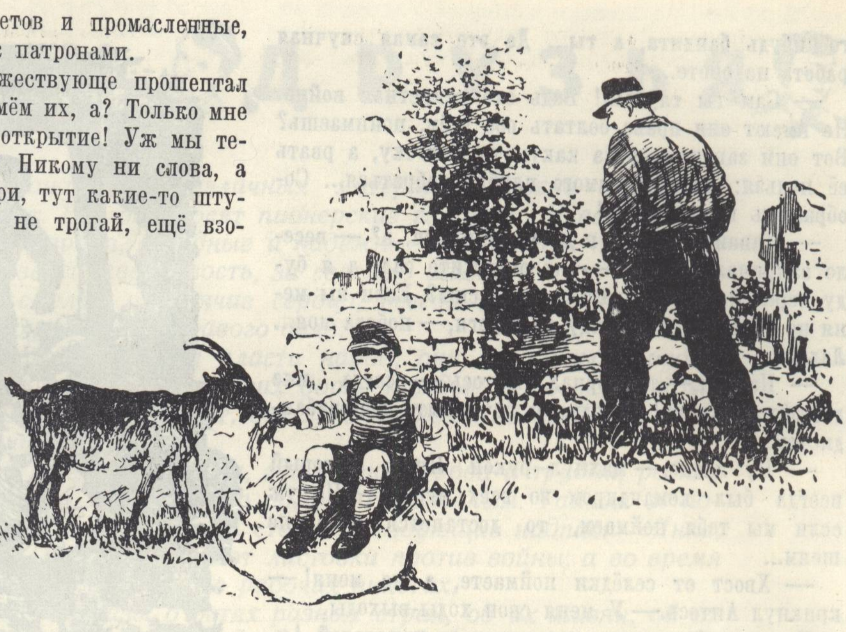
— Нет! Всё должно остаться, как было! — сердито повторил Янек.— Это всё оставлено для кого-то, ясно тебе? Значит, этот человек придёт сюда. Мы должны его выследить...

— Верно, верно! Это враг, и мы будем преследовать его,— подхватил Збышек.— Эх, надо было взять хоть один пистолет! У них будет оружие, а мы... ведь тут опасная история!

— Ни черта ты не понимаешь,— спокойно сказал Янек.— Если бы мы взяли пистолет, то «они» это сразу заметили бы. Мы бы их только спугнули. Надо действовать, ребята! У меня такой план: вы оба бегите на погранзаставу, а я останусь тут и буду следить за подвалом...

— А я думаю, что лучше остаться двоим,— возразил Збышек,— так спокойнее.

— Пожалуй,— согласился Янек,— ты прав. Но пусть второй спрячется с той стороны. Если «они» схватят меня, то следить будет Антось. А на заставу беги ты, Збышко.

— Во здорово! — с нескрываемым восхищением произнёс Антось.— Ты молодец, Янек, здорово придумал!..

Ребята расстались. Збышек, который славился в школе как хороший бегун, осторожно выбрался на дорогу и, беззаботно посвистывая, чтобы не выдать своего волнения, пошёл к заставе. Мимо него прошла группа незнакомых мужчин, и мальчик невольно почувствовал, как у него по спине пробежали мурашки. Збышек обернулся. В кювете, рядом с чьей-то привязанной к колышку козой, сидел толстый Антось. Он делал вид, что пасёт козу. Збышек пустился бежать только тогда, когда прохожие уже не могли его видеть. До заставы было далеко...

Что это за прохожие? Откуда они? Может быть, просто приезжие на фабрику? А вдруг это и есть шпионы?.. Збышек ощутил страх. Если это враги, то жизнь товарищей в опасности. Надо скорее добраться до заставы.

Тем временем группа мужчин разделилась: трое пошли дальше, четвёртый свернул к старому саду. Он внимательно посмотрел на Антося, но тот сидел спиной к нему и не вызывал никаких подозрений. Прохожий быстро нырнул в кусты и исчез в развалинах.

«А что, если он выйдет на другой стороне? — думал Антось.— Что тогда? Заметит ли его Янек?»

Но прохожий уже снова показался на дороге. Он держал подмышкой коричневый портфель. Янека не было видно... Вся работа приходилась на долю Антося. Он отвязал козу и попробовал вести её за собой на верёвке, но коза, почувствовав, что верёвка ослабла, бросилась в сад. Прохожий удалялся быстрыми шагами и вот-вот мог скрыться за пово-

ротом. Времени на погоню за козой не было. Перескочив кювет, Антось сломал толстую ветку клёна и, небрежно помахивая ею, двинулся за прохожим с портфелем.

Незнакомец шёл быстро. Вскоре он догнал группу, опередившую его. В это время навстречу группе выехал велосипедист. Антосю сделалось жарко, когда он увидел, что вновь прибывший отдал велосипед незнакомцу с портфелем: теперь догнать его было невозможно.

Всё-таки Антось прибавил шагу. Оставшаяся группа мужчин свернула на тропинку, идущую через огороды. Антось заколебался. Став на одно колено и сделав вид, что он зашнуровывает ботинок, Антось концом ветки нарисовал на дороге большую стрелу. Не удовлетворившись этим, он положил на тропинку свой носовой платок, чтобы он привлёк внимание пограничников, если те бросятся в погоню. И как раз в это время Антось увидел вдали Янека и облегчённо вздохнул: значит, с товарищем ничего не случилось, просто он следил за прохожими с другой стороны. Антось сразу осмелел, в голове одна за другой стали возникать картины геройской битвы со шпионами... Уверенным шагом он двинулся вперёд и храбро прошёл мимо дома, куда зашли преследуемые им люди. Зайдя за угол, он оперся о столб и стал наблюдать. Янек остановился на другом конце переулка.

* * *

Можно было бы привести здесь немало драматических эпизодов, но... это была бы лишь фантазия писателя. Поэтому ограничусь тем, что было на самом деле.

События развивались очень просто. К переулку подъехала машина с пограничниками. Рядом с водителем сидел весь мокрый от пота Збышек. Дав знак Антосю, пограничники завернули за угол. Антось подбежал к ним и рассказал всё, что заметил. Пограничники окружили дом. Когда раздались первые выстрелы, ребятам велели лечь за изгородь, и они мало что видели. Вскоре из дома вывели связанных по рукам диверсантов.

Они оказались членами шпионской организации «Чёрный волк», присланной из Мюнхена, где находится школа диверсантов, руководимая американцами. Враги должны были добыть важные документы и планы, а затем взорвать фабрику. В соседних развалинах пограничники обнаружили тайную радиостанцию.

Широко открытыми глазами, чуть не плача, глядели ребята, как вынесли тяжело раненного капрала. Это были настоящие выстрелы и настоящий бой за то, чтобы на родине Янека, Збышека и Антося был мир и не было войны.

Когда на заставе ребятам объявили благодарность и сам капитан попросил их никому не рассказывать о том, что они видели, мальчики с гордостью посмотрели друг на друга. Они дали честное пионерское слово, что будут молчать. И были очень удивлены, когда их вызвали во Вроцлав и наградили медалями за храбрость.

«Рассудок всегда надо иметь холодный, а сердце горячее. Прежде чем сделать что-то, надо хорошенько подумать...» — сказали им во Вроцлаве. А в газетах появилось небольшое, но очень приятное для ребят и всей страны сообщение:

«В местности Н. три пионера напали на след германо-американской шпионско-диверсионной банды. Благодаря бдительности и обдуманным действиям пионеров быстро поставленная в известность группа пограничников захватила преступников. Несмотря на юный возраст, пионеры Ян М., Збигнев К. и Антоний Л. за рассудительность и проявленную смелость при встрече с заклятыми врагами нашей Родины удостоены правительственной награды».

Войцех Жукровский

Перевёл с польского Я. Немчинский.

НА строительстве дороги

Мы ехали в горные районы Китая, где шло строительство железной дороги.

Дорога взбиралась высоко в горы. Вокруг теснились голые скалы, искрящиеся зёрнами кварца и жилками слюды. Многотонные глыбы нависали над тропой, вьющейся по узенькому карнизу. Местами карниз обрывался, и через пропасть был перекинут бревенчатый мостик. Вскоре мы услышали глухие взрывы, грохот осыпающейся породы, стук кирок, выкрики рабочих. Ещё один поворот тропы — и мы оказались на трассе.

Тысячи строителей вступили в борьбу со скалами, которые надо уничтожить, взорвать. Надо пробить десятки туннелей и по-

строить сотни мостов. В воздухе мелькают кирки, взлетают каменные бабы-трамбовки, подброшенные одновременным рывком десятка верёвок, взад и вперёд снуют вагонетки, отвозящие породу к месту будущей насыпи. Над трассой в неподвижном, раскалённом солнцем воздухе стоит облако пыли. Дорогу помогают строить все крестьяне близлежащих районов. Рабочие торопятся, постройка должна быть закончена в срок. А солнце висит прямо над головой, на небе ни облачка. Выпить бы сейчас кружку ледяной воды из речки, что несётся внизу по ущелью, но река далеко... А пить хочется всё больше.

Но что это? Из-под откоса над насыпью появляется стриженая голова, потом становится виден красный галстук на шее, и на насыпь вылезает мальчуган в синей курточке и таких же штанишках. На ногах у него соломенные сандалии, на коромысле висят большие глиняные кувшины. Местные крестьяне носят в таких кувшинах воду. За мальчуганом на насыпь выскакивает девочка с торчащими в разные стороны косичками и тоже с кувшинами. А за ними лезут ещё и ещё мальчики и девочки. Видно, как они гуськом поднимаются по тропинке от речки. Кто-то, самый маленький, отстал, и двое ребят помогают ему поднять на уступ бидон.

— Вэй! Тунчжимынь! Товарищи! Гао Сюн-дай с бригадой пришёл! Кто пить хочет? Сюда!

Рабочие поспешили к ребятам выпить холодной, освежающей воды. Пока строители пьют, Цзян Сун — девочка с косичками, сверкая глазами, рассказывает окружающим её рабочим, что поле дядюшки Чжана пионерская полевая бригада уже прополола, что бурильщику Вану ребята принесли письмо от сына, который работает в городе, а к больной жене Ли — бригадира железнодорожных рабочих — Гао Сюн-дай послал двух ребят. Они помогают ей по хозяйству.

Попив и немного отдохнув, строители снова принялись за работу, а маленькие водоносы стали собираться в обратный путь. Надо ещё раз набрать воды и отнести рабочим соседнего участка. Один за другим пионеры спускаются по тропинке между обломками скал к реке. Скоро ребята скрываются за поворотом.

В. Григорьев

Спасённое поле

В прошлом году весна в наших краях задержалась, и сеяли мы поздно. А как только показались первые всходы кормовой свёклы, пришла к нам беда: на полях появился опасный вредитель — жук-долгоносик. Насекомых было очень много. Они подгрызали нежные листочки, и растения стали гибнуть.

Спасая поля от вредителей, мы копали канавки, опрыскивали посевы, но жуки продолжали уничтожать свёклу. Тогда председатель нашего кооператива попросил пионеров помочь уничтожить вредных жуков.

Солнечным утром в поле вышли триста пионеров Горна-Оряховицкой околии. Работа закипела. Ребята стали соревноваться. Интересно, кто больше уничтожит жуков? Чей отряд завоюет первенство?

Все работали хорошо, но особенно отличились пионеры седьмого класса «А». Двести семьдесят жуков уничтожила Димитрина Рачева, а

Иванка Радева — двести пятьдесят. Да и Надежда Точева, Дойчо Тодоров и Николина Нейкова не отставали от них.

За несколько часов ребята собрали сорок пять тысяч свекловичных долгоносиков, большое поле в восемь гектаров было спасено.

Мы были очень благодарны пионерам за дружную помощь.

Еню Недев Енев,
агроном из села Джулюница,
Болгария

ЧО НЭ ЧУН И ЕГО ДРУЗЬЯ

Дожди лили почти беспрерывно в течение нескольких дней. Бурными потоками воды размыло участок железной дороги, которая проходила через лесные разработки в провинции Северная Хамген. Первым заметил неполадку на железной дороге пионер Чо Нэ Чун. Он шёл в школу и вдруг увидел размытый путь. Чо Нэ Чун быстро побежал в село и сообщил о случившемся взрослым.

В школе Чо Нэ Чун собрал пионеров и рассказал им об аварии на железной дороге. Тогда сорок пионеров Второй юпхёнской народной школы, вооружившись лопатами и кирками, вышли помогать взрослым ремонтировать размытый участок пути. Ребята копали землю, таскали камни, помогали сооружать насыпь.

Благодаря помощи пионеров большой участок железной дороги был восстановлен в очень короткий срок.

Из корейской пионерской газеты «Сонёнсинмун».

Пионер потушил пожар

В квартире Соукупа оставались только две маленькие девочки. Младшая, Магда, спала, а Вера, которой исполнилось два с половиной года, нетерпеливо ждала, когда же вернётся мама. Мама не шла, и Вера решила посмотреть в окошко. Она приставила к окну стул, взобралась на подоконник и выглянула на улицу. При этом Вера потянула штору, штора коснулась раскалённой электрической плитки, стоящей под окном, и загорелась...

Пионер Ладя Ламбой шёл в школу, когда на улице раздался крик: «Пожар, пожар!» Какая-то женщина взволнованно показывала на противоположный дом. Ладя бросился туда.

Через несколько минут он уже взбежал на площадку второго этажа. Перед закрытыми дверями квартиры, в которой начался пожар, беспомощно стояло несколько человек. Наконец кто-то принёс топор. Удары обрушились на дверь, но дверь не поддавалась. Удалось пробить лишь небольшую щель. В неё мог пролезть только мальчик. И в щель полез Ладя.

Ладя очутился в незнакомой квартире. Густой, едкий дым застилал всё вокруг. В горле щипало, глаза слезились. Вдруг Ладя услышал плач. Он бросился вперёд. Недалеко от окна, в страхе прижавшись к стене, стояла крохотная девочка. Огонь ещё не перекинулся в эту сторону. Схватив девочку на руки, Ладя побежал к выходу. Он передал малышку сквозь щель женщине, стоящей на лестничной площадке, и снова исчез в дыму. Теперь нужно погасить огонь. Ладя кинулся к окну и

стал срывать и тушить горящие занавески.

Когда удалось, наконец, пробить дверь и к Ладе подоспела помощь, пожар был почти потушен. Всё это произошло так быстро, что маленькая сестренка Веры — Магда, спавшая в соседней комнате, даже не проснулась.

Ладя торопливо натянул пальто — о шарфе он просто забыл в этой горячке — и поспешил в школу. Уроки уже начались, надо будет извиниться.

...Через две недели пионер Ладислав Ламбой стоял перед

представителем Главного управления пожарной охраны при Министерстве внутренних дел. Подполковник Вытиск поблагодарил Ладю за его мужественный и примерный поступок. Он пожал Ладе руку и передал ему награду — ручные часы «Победа». На крышке часов было выгравировано: «За примерный поступок 3.XII—1954 г. в подарок от Министерства внутренних дел».

Сватоплук Грнчирж.
(Из детского чехословацкого журнала «Огничек»).

Отважные

У заводских ворот на небольшом пятачке асфальта суетливо снуют двенадцати-четырнадцатилетние мальчики и девочки. Из-под лёгких брезентовых и шерстяных курточек вырываются и трепещут на весеннем ветру синие галстуки с красной каймой по краям.

— Вайяны,— с ласковой улыбкой говорит мой спутник, рабочий автомобильного завода «Рено».— Мы их называем маленькими коммунарами. «Вайян» — значит отважный. Пионер во Франции действительно должен быть мужественным, отважным.

— А почему у пионеров синие галстуки с красной каймой? Что это означает? — спрашиваю я.

— Вы видите на мне рабочий комбинезон,— отвечает мой провожатый.— Он синего цвета. Теперь посмотрите вверх. День хороший, солнечный, тёплый, и небо синее-синее. Мирное небо, товарищ. Пусть же всегда оно будет таким. Пусть нашу жизнь никогда не омрачают тучи войны. Синий цвет галстуков наших пионеров — это символ мирного труда, мирной жизни.

А теперь взгляните на это здание. Видите, на крыше красный флаг? Это флаг коммунистической партии, рабочего класса. Он смочен кровью тех, кто борется за счастье своего народа. Красная каёмка на пионерском галстуке напоминает юному поколению: не забывайте тех, кто пал в бою за лучшую долю, за светлое будущее, оберегайте мирный труд, мирную жизнь. Будьте достойны своих отважных отцов и дедов!

«Мы не хотим проводить свой отдых на пыльных мостовых Парижа, мы хотим отдыхать на воздухе, на воде». Такие плакаты распространяют вайяны на заводах, в рабочих кварталах.

Между тем вайяны, притащив откуда-то три больших ящика, соорудили на асфальте сцену. Многие уже взобрались наверх, а несколько мальчиков торопливо приколачивали к стенкам ящиков широкие бумажные листы с крупными, яркими надписями: «Мы не хотим играть на пыльных улицах Парижа! Помогите нам выехать за город, в лес, на поля». Наконец и эти ребята, ещё раз придирчиво осмотрев свою работу, тоже поднялись на ящики. И вдруг в руках отважных появились губные гармоники, расчёски, обёрнутые папиросной бумагой, медные тазы, ложки — незамысловатые музыкальные инструменты.

Как раз в это время распахнулись заводские ворота, и тысячи рабочих — синее море комбинезонов — хлынули на улицу.

— Оркестр, внимание!

Дирижёр — курчавый черноглазый мальчик в коротких штанишках и огромных бутсах — взмахнул палочкой, и над толпой вспорхнула весёлая французская полька. Рабочие, что были поближе к сцене, начали притопывать и ударять в ладоши. Отовсюду посыпались одобряющие возгласы:

— Веселей, веселей!.. А ну, шире круг!.. Поль, Жанин, покажите, как наш цех танцует!..

Это был необычайный концерт, в котором участвовала вся площадь. Отважные пели шуточную песенку о Париже, и не было человека, который бы не подхватывал задорный припев. Трудно было разобрать, где сцена, а где зрительный зал.

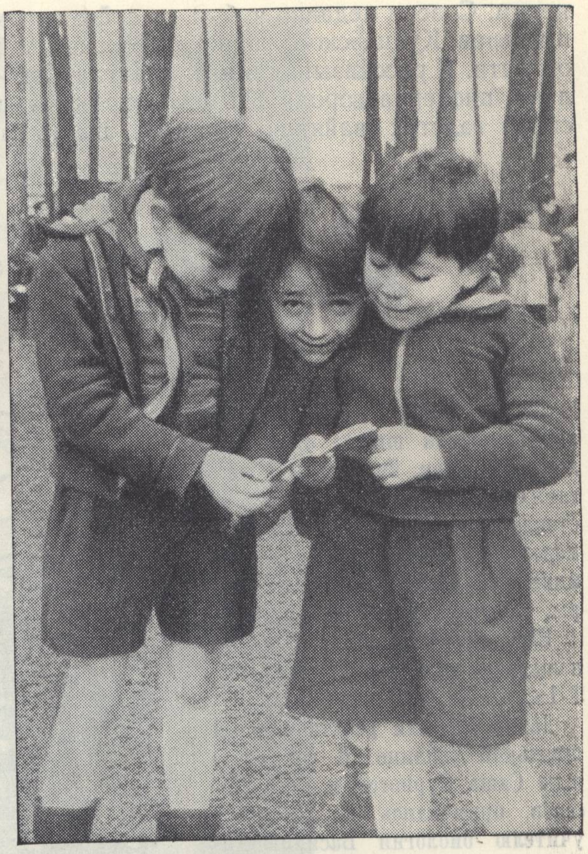
Но вот юные артисты разом нагнулись, и в руках каждого из них появились жестяные коробочки. Спрыгнув с ящиков, вайяны утонули в синем океане промасленных комбинезонов. Зазвенели трудовые медяки. Рабочие Парижа жертвовали деньги на летний отдых маленьких коммунаров.

Ко мне одновременно подбежали два малыша с пачкой открыток:

— Возьмите. Пятьдесят франков.

На открытке я увидел детей Парижа. В пыли, на мостовой они играли в какие-то азартные игры. Во Франции нет оздоровительных площадок, загородных лагерей для детей трудящихся. И вайяны с помощью старших товарищей, коммунистов и членов Союза республиканской молодёжи, решили создать летние лагери. Для этого нужны деньги, а при высоких ценах на продукты и низкой заработной плате не у всякой рабочей семьи они найдутся.

Вайяны выступают с концертами перед заводами и фабриками, распространяют специально выпущенные открытки, обходят с жестяными кружками-копилками квартиры трудящихся. Им удаётся собрать иногда довольно приличную сумму и на эти деньги послать за город немало ребят.

Отважные пишут письмо советским пионерам.

Концерт окончился.

Узнав, что я из Советского Союза, из Москвы, вайяны шумно обступили меня.

— Советик! Советик! Советик! — понеслось по улице.

И вот я уже в плотном кольце отважных. Мне передают для советских пионеров галстук французских вайянов. Но некоторым кажется, что одного галстука мало, и у меня в руках появляется второй, потом ещё один, ещё...

— Этот передайте в Москву...

— Этот в Сталинград... У нас в Париже есть площадь «Сталинград»...

— Этот в Ленинград отвезите...

— Этот на Чёрное море...

Маленькие мои друзья! Я не знаю, услышите ли вы мой голос, но я хочу сказать вам: я вручил ваши галстуки советским пио-

нерам. Совсем недавно я был на слёте юных пионеров Кунцевского района, Московской области. Я рассказывал о вас. И когда Светлана, пионерка города Кунцево, принимала синий галстук вайянов Парижа, шестьсот пионеров, участников слёта, встали, приветствуя салютом и громовым «ура» вас, юные потомки парижских коммунаров, вашу отвагу, ваши дела.

Виктор Хмара

Стройка «Т-1»

На опытном участке 51-й ленинградской школы стоит маленький домик. Фундамент у него глиняный, а стены и крыша — стеклянные. На дворе ещё был мороз, снег лежал вокруг, а в домике уже росли огурцы, помидоры, кукуруза и другие растения.

Ещё совсем недавно пионеры называли этот домик: «Стройка Т-1».

Давно мечтали ребята о своей школьной теплице. И вот однажды Саша Курносов и Вова Киселёв примчались к любимому учителю биологии Василию Андреевичу Драннику:

— Василий Андреевич, давайте сами построим теплицу!

— А вы думаете, это просто? — спросил Василий Андреевич.

— Конечно, нет! Ну так что же!

На следующий день срочно собрался совет дружины. «Будем строить»,— решили пионеры.

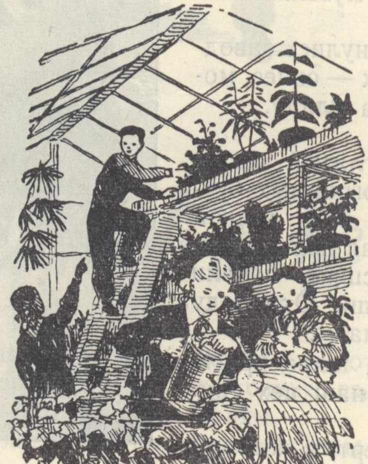
Но где достать материал?

— Доски и стёкла нам, пожалуй, дадут шефы,— сказала Наташа Честович,— а батареи где взять?

— Поручите это нам,— попросили Саша, Вова и Валя Александров.

Мальчики оказались замечательными разведчиками. Они обошли все дома, где недавно был ремонт отопительной системы, и разыскали ненужные батареи.

Договариваться с роно о постройке теплицы пришлось, конечно, директору школы, но всё остальное делали ребята.

Несколько километров везли они на тележке драгоценный груз. И когда десять батарей были торжественно доставлены на школьный двор, все поняли: началось строительство. Шефы привезли на стройку доски, столбы и даже дали руководителя работ.

Самым трудным оказалось провести паровое отопление. Откуда взять тепло? Подключиться к школьной кочегарке опасно: вдруг ответвление замёрзнет,— тогда вся школа останется без отопления.

Подумав, решили строить свою кочегарку. Раздобыли старый каркас для плиты, достали котёл и даже уже распределили ночные дежурства в котельной. Но как только об этом узнали родители, поднялся шум:

— Нельзя детям дежурить по ночам!

Пришлось снова придумывать. И тут кто-то вспомнил, что в бане напротив школы работает знакомый водопроводчик дядя Паша. Вот его-то и притащили ребята на консультацию.

Осмотрев школьную кочегарку, дядя Паша быстро разрешил спор:

— Можно подключить к школе, только канаву надо поглубже вырыть. Но вот справитесь ли? Ведь метров тринадцать надо прорыть, а земля мёрзлая.

И дядя Паша недоверчиво оглядел строителей: очень уж маленькие!

— Осилим! — закричали ребята.

На работу стали выходить все старшие отряды по очереди.

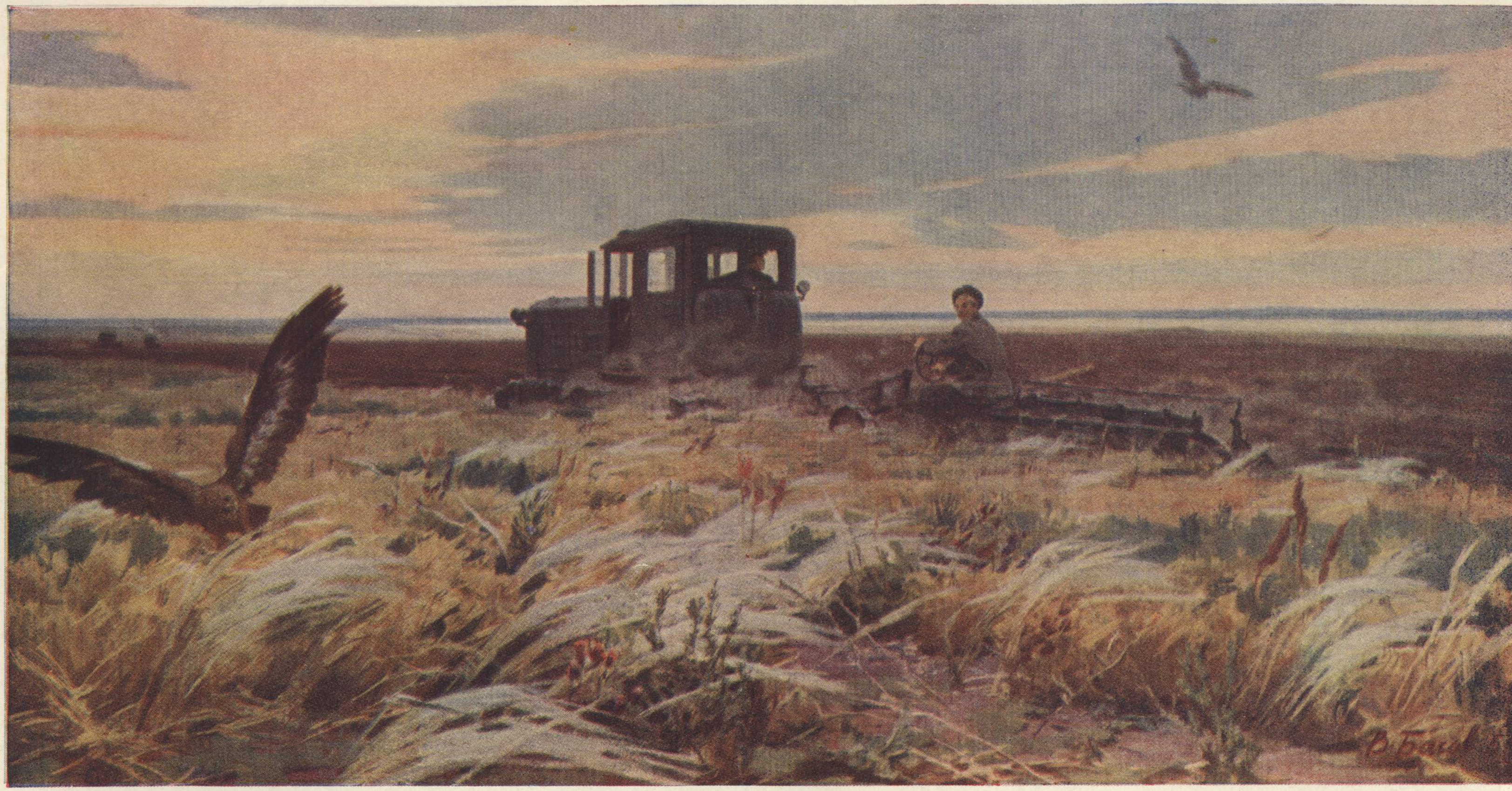
Пока строилась теплица, пионерам пришлось быть и землекопами, и плотниками, и штукатурами, и стекольщиками, и электромонтёрами. К зимним каникулам осталась только внутренняя отделка. Мальчики замазывали глиной фундамент, девочки красили двери, рамы.

Стеллажи сделали в три этажа. Отряд 6-го «Б» раньше всех закончил свою работу. Зато пятиклассники первыми засыпали стеллажи землёй и посадили растения.

Много зелёных жильцов поселилось в стеклянном домике. Первый и второй этажи заняли овощи, а на третьем, последнем, разместились больные цветы, которые приехали сюда, в «санаторий», подлечиться.

— Хорошая у нас теплица! — с гордостью говорят ребята.

А. Мойжес

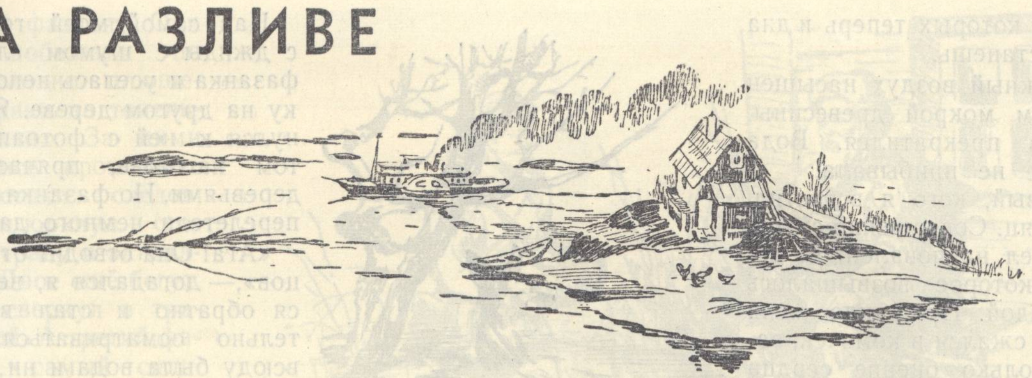
РАЗБУЖЕННАЯ СТЕПЬ. В. Басов.

ТРУДОВЫЕ НОЧИ.

Ф. Шурпин.

НА РАЗЛИВЕ

Рассказ М. Зверева. **Рисунки А. Брея.**

Ещё с вечера вода в реке Или прибыла и кое-где стала затоплять прибрежные низинки. К утру она залила тугаи. На низких покосных местах река разлилась на несколько километров.

Домик бакенщика, где я жил в эту весну, стоял на высоком месте и был недосягаем для весенних разливов. Мимо него неслась мутная река, необычайно широкая и необузданная в своём весеннем величии. Она несла сор, ветки и даже целые деревья. Где-то далеко внизу шлёпал колёсами пароход, и его дымок едва виднелся за островами. На залитых лугах чернело несколько полосок земли, не покрытых водой. На них собрались со всего луга перепела, и странно было слушать, как они кричали все враз — хором.

Яркое солнце поднялось из-за гор, и алые лучи его заиграли на водном просторе. Оно осветило картину бедствия птиц и зверьков в затопленных тугаях. Здесь всюду были слышны тревожные голоса мелких птиц и цоканье фазанов.

Натуралисту в такое время можно увидеть много интересного. И вот я с биноклем и фотоаппаратом, в высоких резиновых сапогах, привязанных к поясу, уже бреду по тугаям. Палкой проверяю путь: возможны

ямы, в которых теперь и дна не достанешь.

Влажный воздух насыщен запахом мокрой древесины. Разлив прекратился. Вода больше не прибывала.

Первый, кого я встретил, был заяц. Совершенно сухой, он сидел на поваленном дереве, которое возвышалось над водой. При виде меня зверёк сжался в комочек, замер. Только биение сердца маленькими толчками колыхало его шкурку на боку. По зайцу полз большой жук-навозник, но заяц терпел, боясь пошевелиться.

Я стоял в нескольких шагах и фотографировал зайца.

Невдалеке из воды поднимался длинный сухой бугор, покрытый кустами и деревьями. Но почему же заяц сидел на дереве и не спасался от наводнения на этом бугре? Очевидно, бугор заняла лиса или дикий кот. Надо проверить эту догадку.

Я шагнул в сторону бугра, но в этот момент нервы зайца не выдержали — гигантским прыжком он взлетел в воздух и неумело шлёпнулся в воду, окунувшись в неё с головой. Затем удивительно быстро и легко заяц поплыл к берегу, выскочил на бугор и притаился под первым же кустом. Мне было видно в бинокль, как он мелко дрожал, весь мокрый и необычайно тонкий.

Конечно, где-то поблизости был хищник, иначе заяц не остался бы около самой воды. Обойдя стороной, чтобы не беспокоить зайца, я поднялся на бугор. Это был небольшой удлинённый островок среди затопленного тугая. В самом конце его металась в разные стороны лисица. Вероятно, где-то поблизости затопило её нору с лисятами. Не допустив меня на «выстрел» фотоаппарата, лисица бросилась в воду, быстро поплыла и вскоре скрылась за деревьями.

Я побрёл дальше по затопленным тугаям.

Над самой моей головой с джиды с шумом слетела фазанка и уселась неподалёку на другом дереве. Я двинулся к ней с фотоаппаратом наготове, прячась за деревьями. Но фазанка опять перелетела немного дальше.

«Ага! Она отводит от птенцов»,— догадался я, вернулся обратно и стал внимательно осматриваться. Но всюду была вода и ни одного клочка сухой земли, где могли бы скрываться фазанята.

И вдруг я заметил их. Под деревом, с которого слетела фазанка, возвышался над водой небольшой пенёк. Он был покрыт пуховой шапочкой из крошечных фазанят. Они вывелись не более как три — четыре дня тому назад. Вся «жилплощадь» пенька была так плотно занята ими, что невозможно было сосчитать, сколько их там сидит.

Пока я фотографировал фазанят, их испуг прошёл. То один из них, то другой стали вытягивать шейки и что-то склёвывать с пенька. Тогда я заметил, что вверх по пеньку непрерывно поднимаются муравьи, которыми фазанята и завтракали. Под пеньком, вероятно, был затоплен муравейник, и множество его обитателей спасалось от воды на пеньке и под его корой.

Фазанка с шумом перелетела на соседнее дерево и тревожно цыкнула. Фазанята сразу замерли, обратившись опять в неподвижную пуховую шапочку. Ни одна головка больше не двигалась, хотя муравьи ползали даже по фазанятам.

Я задумался. Что же делать с птенцами? Они погибнут на этом пеньке. Пришлось переложить тёплые пуховые шарики в шапку. Их было шесть. Больше на пеньке негде было уместиться ни одному. Слабых, очевидно, унесло водой. Я знал, что недалеко за лесом вдоль берега тянется песчаный бугор, заросший кустами. Вскоре я добрался да него и выпустил

там трёх фазанят. Они бойко побежали по песку, словно плюшевые шарики на тоненьких ножках. За ними потянулись крошечные полукрестики следов. Вот один юркнул в сторону, в траву и затаился там. Двое ещё бегут. Вскоре свернул в траву второй. А третий фазанёнок, самый сильный, убежал дальше всех, но вскоре и он скрылся в траве.

Ну, теперь всё в порядке. Если мать найдёт фазанят, они будут жить. Трёх я оставил в шапке и бережно понёс к бакенщику. Вчера я видел, что у него курица вывела цыплят.

Дедушка Сидорыч сидел на завалинке и курил. Седой, в сером ватнике и серых валенках, он был словно весь покрыт инеем. Несмотря на свои семьдесят пять лет, он всё ещё считался одним из лучших бакенщиков на реке Или.

— Зачем принёс фазанят? — спросил сурово Сидорыч, и его брови нахмурились.— Иди, отнеси обратно.

— Да вот, дедушка, затопило их в тугаях, я и принёс, под вашу курицу выпустим, пускай растут, а трёх я на бугор...

— Тебе говорю, иди и сейчас же выпусти,— прервал меня ещё более сердито Сидорыч,— неужели не знаешь, что фазанята не будут жить с курицей? Даже если она высидит фазаньи яйца, и то фазанята вылупятся, высохнут и сейчас же разбегутся. Иди скорее, отнеси их обратно.

Сидорыч встал и ушёл в избушку, не сказав мне больше ни слова. Обескураженный такой встречей, я побрёл обратно с шапкой в руках. В ней тихо попискивали три беспомощные сиротки. Теперь я и сам припомнил, что фазанят очень трудно выращивать под курицей: где-то давно я читал об этом.

Вот и песчаный бугор, где я выпустил фазанят. Чёткий, крупный след фазанки поверх моих следов говорил о том, что она прилетела сюда вслед за мной. Следы шли по песку вдоль берега через большие интервалы,— значит, фазанка быстро бежала. Но вот она перешла на шаг, и в этом месте из травы на песок выбежали крошечные полукрестики — следы её цыплёнка. Фазанка пошла дальше, а поверх её следов были следы фазанёнка — он бежал за матерью. Вот ещё такие же полукрестики выбежали из травы на песок, и теперь три птицы двигаются дальше. Наконец, по следам видно, как навстречу прибежал третий птенец, очевидно, услыхав зовущий голос матери. Фазанка всё бежит вперёд и вперёд: птенцов слишком мало, где-то должны быть ещё... Но три птенца в это время путешествовали в моей шапке к домику бакенщика и обратно, а остальных унесло водой.

Наконец следы всего семейства исчезли в траве.

Мне долго пришлось бродить по кустам в поисках выводка. Но вот из-под самых ног ракетой взвилась фазанка. С неё уже в воздухе упал пуховый птенец в траву. Вероятно, она грела фазанят под собой и так неожиданно взлетела, что один из них не успел выбраться из перьев и был поднят на воздух.

В этом месте я высыпал фазанят из шапки в прошлогоднюю траву и бегом бросился обратно в кусты.

Возвращался я к бакенщику с таким чувством, будто у меня с плеч свалилась тяжесть. Всюду в воздухе звенели песни жаворонков, как бесконечное звонкое журчание невидимых ручейков.

Рассказы о смелых людях

Это было в Венеции

О. Чечёткина Рисунки Г. Филипповского.

Недавно я получила открытку из Италии. На ней изображён дворец дивной красоты. Он стоит на набережной, которую омывают воды венецианской лагуны. Лёгкие, как кружево, арки нижних этажей, готические линии окон, зубчатый карниз — всё это делает дворец таким невесомым, что кажется, его мог бы поднять даже ребёнок.

На открытке написано по-итальянски: Венеция, Дворец дожей.

Я смотрю на открытку — и этот прекрасный город снова встаёт в моей памяти. Я слышу, как плещет морская волна о гранитную набережную, вижу, как играет солнечный луч в изумрудной воде. До моего слуха доносится мелодичный перезвон часов на старинной башне, что стоит неподалёку от Дворца дожей. Мне кажется, я слышу даже глухое и непрерывное воркование сизых голубей, которые сотнями разгуливают, переваливаясь с боку на бок, по всей площади Сан-Марко.

Венеция! Город, подобного которому нет на свете, «Северная жемчужина» Италии!

Вам приходилось, конечно, читать об этом чудесном городе? Тогда вы, несомненно, знаете, что он состоит из множества островов и островков. Множество мостов соединяет город в одно целое. В этом городе нет ни трамваев, ни автомобилей, ни даже самой обыкновенной повозки — никакого транспорта, кроме вόдного. Почти все улицы Венеции так узки, что ни одна автомашина не могла бы проехать по ним. Если бы вы жили на одной из этих узких улочек, а ваш товарищ или подруга жили в доме напротив, то по утрам вы, пожалуй, могли бы обмениваться рукопожатиями, высунувшись побольше из окна своей комнаты. К тому же улицы Венеции — это настоящий лабиринт, с крутыми, неожиданными поворотами, с тупичками, которые то упираются в стену какого-нибудь дома, то выходят к одному из каналов. Нет, где уж тут ездить машинам! И приходится жителям города ходить пешком или ездить по каналам на водном трамвае.

Что касается приезжих — а сюда приезжает очень много туристов,— то они чаще всего пользуются гондолами, которыми славится Венеция.

Гондола — узкая, лёгкая, красивая чёрная с позолотой лодка. Сиденья её покрыты яркими коврами, а лодочник — гондольер,— одет в живописный костюм, на голове у него берет с большим красным помпоном. Гондольеры знают много всяких легенд, в которых правда тесно переплетается с вымыслом.

Вы садитесь в гондолу на набережной у Дворца дожей. Сделав круг по Большому каналу — главной магистрали Венеции,— гондольер вводит лодку в узкий канал, по обе стороны которого прямо в воде стоят старинные мраморные дворцы. В них давно уже нет былого величия и красоты: мрамор

почернел и заплесневел, а в некоторых местах и вовсе выкрошился; ступеньки лестниц обвалились, вода в канале пахнет гнилью... И всё же эти улицы и каналы полны романтики и поэзии.

Гондольер слегка тормозит веслом, и вы видите перед собой арку. Она перекинута из Дворца дожей в большое мрачное здание, что стоит на другой стороне канала. Арка закрытая, с двумя окнами, отгороженными от мира густой сеткой чугунных решёток. Это «Мост вздохов». Через него когда-то проходили свой последний путь узники, осуждённые тиранами-дожами на казнь или вечное заточение в подземельях дворца.

Постояв немного на этом мрачном месте, вы отправляетесь дальше по каналам под узкими горбатыми мостами. Пленённая гранитом и мрамором вода глухо булькает, ударяясь о фундаменты домов, омывая каменные ступени террас и входов в здания.

Тут и там слышатся возгласы гондольеров, то предостерегающие, то приветственные. Иногда гондольеры поют, и тогда их голоса глухо, как из колодца, разносятся по соседним каналам. Чаще всего гондольер рассказывает, а ещё чаще показывает: то дворец, в котором, по преданию, жила Дездемона, то Мост скупцов, названный так за свой крошечный размер (два шага в ширину и пять — шесть шагов в длину), то, наоборот, самый большой мост на Большом канале, мост Риальто, на котором разместились торговые ряды.

Наконец, достаточно покружив по каналам, вы снова оказываетесь у Дворца дожей. Распрощавшись со словоохотливым гондольером, вы попадаете на площадь Сан-Марко. Это центр Венеции, её гордость.

И всё-таки Венеция — это не только каналы и мосты, не только старинные дворцы и музеи.

Если подняться на высокую колокольню, что стоит на площади Сан-Марко, и осмотреться вокруг, то можно увидеть другое лицо Венеции. Прямо перед вами будут расстилаться зелёно-голубые воды лагуны, и вы увидите два больших острова. На одном из них расположен завод-арсенал, рабочие которого первыми поднялись на борьбу с фашизмом в дни войны. Другой остров называется Мурано. Там, в маленьких, дымных мастерских, у раскалённых горнов работают знаменитые венецианские стеклодувы. Они делают зеркала, известные во всём мире, прекрасные вазы из цветного стекла, выдувают статуэтки, графины. Здесь можно увидеть подмастерьев десяти — двенадцати лет. Прекрасные изделия продаются по очень высоким ценам в магазинах на площади Сан-Марко, а рабочие-стеклодувы живут в жалких, сырых домах, плохо питаются и почти все больны ревматизмом или туберкулёзом.

Если вы перейдёте на другую сторону верхней площадки колокольни, вы увидите длинную и широкую дамбу, соединяющую город с материком. Дамба подходит почти к самому большому каналу. По ней ходят автобусы и машины, идут электрические поезда. По всей лагуне мелькают лёгкие парусники рыбаков, а на берегу расположены складские помещения и большие бензиновые баки с надписями «Эссо» и «Шелл». «Эссо» — это нефтяная компания Соединённых Штатов, а «Шелл» — нефтяная компания Англии. В последнее время «Эссо» всё больше вытесняет «Шелл». А баки итальянской компании «Аджип» попадаются так редко, что совсем теряются среди баков «Эссо» и «Шелл».

Ещё дальше, за дамбой, можно увидеть большие корпуса заводов, высокие фабричные трубы, металлические конструкции мостов. Это рабочий район Венеции — Местре.

И хотя на открытке, которую я получила из Италии, не видно Местре, я вспомнила именно о нём, о тех, кто живёт и борется в этом прокопчённом заводскими трубами рабочем районе, я снова увидела то, что произошло однажды на улицах Венеции.

* * *

...Венецианцу Пикколо было всего девятнадцать лет, а он уже пять лет работал учеником электромонтёра на алюминиевом заводе «Ина». Пожалуй, трудно найти в Пикколо что-нибудь, что отличало бы его от сотен и тысяч других молодых итальянцев. У него такие же волнистые чёрные волосы, как и у многих других; как и у них, у Пикколо голубые глаза, напоминающие цвет венецианской лагуны в ясный летний день. Он так же, как и другие молодые ребята, любит ходить в кино, а ещё больше спорить о том, какая команда выиграет в футбольном матче. По воскресеньям Пикколо выходит с друзьями в море на паруснике, а по вечерам любит погулять, потолкаться по улицам Венеции, посмотреть витрины магазинов на площади Сан-Марко.

Словом, Пикколо — такой же рабочий парень, как и тысячи других. И, как тысячи других, он не хочет войны. «Довольно с нас

фашизма и войны!» — часто говорит его отец, старый коммунист, тоже рабочий. Сам Пикколо уже давно вступил в Союз коммунистической молодёжи. Когда в Италии стали собирать подписи под Стокгольмским воззванием за запрещение атомной бомбы, Пикколо подписался одним из первых. Пикколо не только поставил свою подпись. Он ходил из дома в дом, останавливал прохожих на улице и собирал подписи.

Так же, как и другие рабочие, Пикколо знал: то в одном, то в другом городе Италии стали закрываться металлургические и машиностроительные заводы, текстильные фабрики, судостроительные верфи, тысячи рабочих оставались без работы.

— Почему,— спрашивали жители Местре,— почему закрывают эти заводы?

— Потому,— отвечали им коммунисты,— что американцы не хотят, чтобы у Италии была своя тяжёлая промышленность; они закрывают наши судоверфи, а нам присылают свои старые суда. Так они хотят ослабить Италию, подорвать её экономику и вовлечь в военные приготовления.

В лагуну Венеции всё чаще стали заходить военные корабли США, на улицах города появилась американская военная полиция. Настал день, когда опасность подошла к самому Местре.

Завод, на котором работал Пикколо, находился по соседству с другим крупным заводом — заводом Бреда.

Однажды утром, подходя к заводу, Пикколо услыхал глухой шум, чьи-то крики, горячие споры. У заводских ворот Бреда толпились рабочие.

— Слышишь, Антонио? Они хотят закрыть завод!

— Ума они лишились, что ли? Закрывать такой завод!..

— Нет заказов...

— А Советский Союз, разве он взял обратно свой заказ?

Толпа гудела, волновалась... Со всех сторон на велосипедах подъезжали рабочие. Их встречали возгласом:

— Слыхали? Завод хотят закрыть!

Всех волновал один вопрос: почему администрация завода отказывается от советского заказа на подъёмные краны и суда. Ведь тогда завод мог бы работать полным ходом. На этот заказ надеялись все рабочие.

Но администрация под нажимом американцев отказалась от советского заказа и объявила, что закрывает завод.

Положение рабочих Бреда было тяжёлым. Почти полгода они не получали заработной платы. Семьи рабочих с трудом перебивались, и то благодаря тому, что для них собрали деньги трудящиеся Венеции. А теперь администрация решила совсем закрыть завод...

— Не позволим! Не позволим закрывать завод!

— Пусть администрация уходит, а мы будем работать. Возьмём завод в свои руки!

— Будем работать! Не дадим закрыть завод!

Весь день район Местре волновался и бурлил.

В обеденный перерыв в большом помещении заводской столовой собрались рабочие «Ина». Ораторы говорили, взобравшись на стол, а все остальные стояли, тесно прижавшись друг к другу.

— Сегодня администрация хочет закрыть Бреда,— говорил взволнованно и горячо секретарь профсоюза,— а завтра? Что они захотят сделать завтра?

— Завтра придёт наш черёд! — ответил кто-то из зала.

— Да, завтра придёт наша очередь! Они хотят закрыть все заводы, хотят превратить Италию в подсобную мастерскую США во время войны. Позволим ли мы это?

— Не позволим! — пронеслось по залу.

— Мы должны поддержать наших товарищей с завода Бреда. Это не только борьба за хлеб для наших детей, это борьба за мир, против войны, за будущее Италии. Профсоюз призывает вас всех выйти на демонстрацию в поддержку рабочих Бреда. Согласны ли вы?

— Согласны! — И лес рук взметнулся вверх.

Вместе со всеми голосовал и Пикколо.

— Как только услышите сирену, товарищи, выходите на улицу!

Собрание кончилось. Никто не мог работать спокойно, рабочие хотели действовать, все ждали новостей с Бреда.

В это же время к заводским воротам Бреда и на улицы Местре начала стягиваться полиция. Полицейские сидели в машинах, обвешанные слезоточивыми гранатами, вооружённые автоматами и дубинками. Напряжение в городе всё нарастало.

Низкий звук сирены прорезал воздух. Распахнулись заводские ворота, рабочие завода «Ина» мощной волной вылились на улицу и тронулись к заводу Бреда.

Пикколо шёл впереди с группой молодёжи. Они несли плакаты: «Не дадим закрыть Бреда!», «Мир, а не война!», «Янки, убирайтесь из Италии!».

Их были тысячи, верных сынов Италии, готовых на борьбу за мир и независимость родины.

Вскоре рабочие увидели, что улица закрыта полицией. Размахивая дубинками, угрожая рабочим расправой, полицейские стали разгонять демонстрацию.

Кровь прилила к вискам Пикколо, сердце заколотилось, как бы призывая его: «Вперёд, иди вперёд!».

— Товарищи! — Пикколо собрал все силы, чтобы перекрыть своим голосом шум толпы.— Не дадим закрыть Бреда!

— Не дадим! — гудела толпа рабочих, прорываясь через полицейский заслон.

Остервенелые и испуганные жандармы били рабочих дубинками по головам, по рукам... Вот кто-то из них взмахнул гранатой, наполненной слезоточивыми газами, и резкая боль в глазах заставила толпу рабочих остановиться. Слёзы заливали лицо.

Но через несколько минут рабочие снова пошли вперёд. Они бросали в полицейских камни, пробивая дорогу к заводу.

Полицейские, стоявшие в цепи, дали автоматную очередь, когда Пикколо и его друзья находились в десяти метрах от них. Что-то острое и горячее пронзило Пикколо, и он упал. Рядом с ним упал ещё один рабочий.

— Вперёд! Не отступайте, товарищи! — крикнул кто-то, и рабочие, разгневанные зверством полиции, бросились вперёд, смяли полицейских, прорвались к заводу Бреда.

Пикколо отнесли на территорию завода. На несколько минут юноша пришёл в сознание.

— Поднимите выше знамя,— прошептал он.— Пусть будет высоко красное...— и снова лишился сознания.

Товарищи разрезали окровавленную рубашку Пикколо, прикрепили её на древко и подняли, как знамя.

Ничто уже не могло остановить рабочих Местре. Тысячи женщин, жён и сестёр рабочих захватили поезд, который шёл в Венецию. По широкой дамбе двигалась колонна рабочих. Впереди развевалась на сильном морском ветру рубашка Пикколо.

— Вот чем платит правительство нашим сыновьям! — кричали женщины.

Чем ближе к центру подходили рабочие, тем больше жителей Венеции присоединялось к ним. По узким, кривым улицам, растекаясь десятками ручьёв, они шли к площади Сан-Марко.

Их были тысячи, верных сынов Италии, готовых на борьбу за мир и независимость своей родины. Это вышла рабочая Венеция, вышла под знаменем, политым рабочей кровью...

* * *

Вот что произошло в тот день в прекрасном городе Венеции, фотографию которого я держу сейчас в руках.

— А завод, а Пикколо, что с Пикколо? — спросите вы.

Рабочие Венеции отстояли завод.

Пикколо потерял очень много крови, и ему грозила смерть. Шесть пуль вынули врачи при операции. Но друзья Пикколо отдали ему свою кровь, и жизнь Пикколо была спасена.

С новыми силами, так же храбро и самоотверженно вместе со всем народом он продолжает борьбу против войны, за мир, за независимость Италии и своей прекрасной Венеции. И, кто знает, может быть, придёт время, когда гондольеры Венеции будут рассказывать как одну из самых прекрасных легенд легенду о храбром венецианце — комсомольце Пикколо.

Если спросить вас, ребята, какие машины работают на колхозных полях, каждый, разумеется, найдёт, что сказать. Будут перечислены и трактор, и сеялка, и картофелесажалка, и жнейка, и плуг, и дисковая борона, и комбайн...

Многие назовут даже не один комбайн, а несколько различных, потому что семья комбайнов многочисленна. Есть комбайны зерновые, картофельные, капустные, свекловичные, кукурузные, хлопковые. Огромная армия стальных слуг помогает тем, кто трудится на полях нашей страны. Год от года она растёт, становится всё могущественней.

Прежде кому пришло бы в голову рядом с трактором назвать самолёт! А теперь его вполне можно считать такой же сельскохозяйственной машиной, как трактор или сеялка, потому что с самолётов ведут подкормку посевов, «прополку» с помощью ядов, которые губят сорняки, уничтожают вредных насекомых.

Посмотрите на фотографию. Она снята в колхозе имени Кирова. Это на Украине, в Черновицкой области.

Как вы думаете, что здесь происходит? Зачем прилетел сюда самолёт?

Колхозницы грузят на него удобрения. Он полетит низко над полями пшеницы, кукурузы, над свекольными плантациями, рассевая пищу для растений.

В колхозе имени Кирова таким способом должно быть удобрено больше тысячи гектаров, и по другим колхозам не меньше.

ДВА СТОЛЕТИЯ

Очерк Е. Рубцовой

«Милостивый государь Иван Иванович!

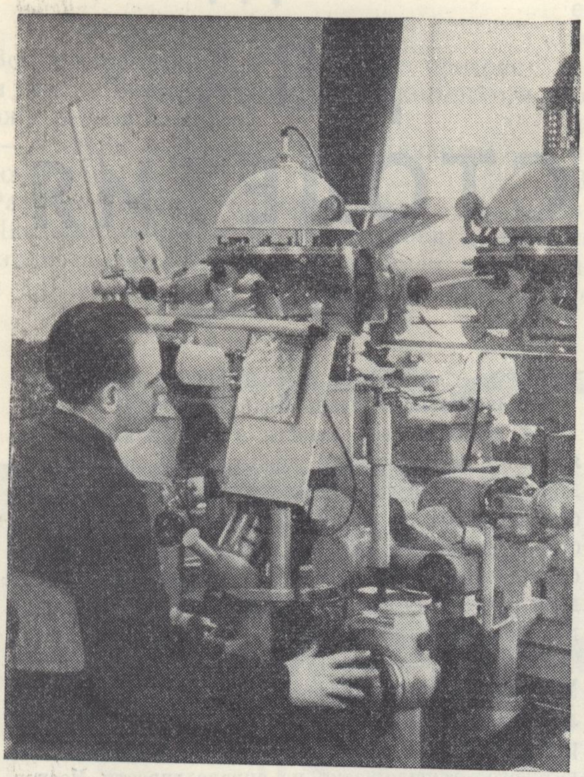
...к великой моей радости я уверился, что объявленное мне словесно предприятие подлинно в действо произвести намерились к приращению наук, следовательно, к истинной пользе и славе отечества... Принимаю смелость предложить мое мнение об учреждении Московского университета... Ежели дней полдесятка обождать можно, то я целой полной план предложить могу...»

Письмо написано в 1754 году. Под ним подпись: Михайло Ломоносов. Адресовано оно графу Шувалову, министру императрицы Елизаветы. Великий русский учёный Михаил Васильевич Ломоносов, имя которого теперь носит по справедливости Московский университет, горячо ратовал за его основание, мечтая о «приращении наук».

В следующем, 1755 году состоялось торжественное открытие Московского университета. Два столетия прошло с тех пор, и вся двухсотлетняя жизнь университета неотделима от жизни, роста и развития русской науки. Он был очагом передовой мысли даже в самые мрачные времена самодержавия. За свою долгую жизнь университет не раз был в опале, подвергался гонениям. Царские министры боялись просвещения. Они ненавидели этот центр науки и рассадник передовых идей.

«Опальный университет рос своим влиянием: в него, как в общий резервуар вливались юные силы России, со всех сторон, из всех слоёв; в его залах они очищались от предрассудков, захваченных у домашнего очага, приходили к одному уровню, братались между собой и снова разливались во все стороны России, во все слои её»,— так писал в своих воспоминаниях «Былое и думы» А. И. Герцен, который сам учился здесь.

В списках питомцев университета немало и других имён, которые составляют гордость нашего народа. Здесь учились Фонвизин, Грибоедов и его друзья — декабристы Каховский, Бестужев-Рюмин, Якушкин, Никита Муравьёв; здесь учились Тургенев, Лермонтов, Белинский, Чехов; замечательные русские учёные Пирогов, Боткин, Склифосовский, Чебышев, Бредихин, Тимирязев, Столетов были в юности студентами Московского университета. Здесь

Стереопланиметр в действии. Лёгкий поворот рукоятки...

же, окончив его, они воспитывали новые поколения молодёжи, вели исследования и делали открытия, которые вошли в историю науки путеводными вехами. Физик Лебедев строил в университетской лаборатории свои приборы неслыханной чувствительности, с помощью которых уловил и измерил неуловимое: давление света на твёрдые тела и на частички газа. Он доказал то, что считалось невозможным доказать, и это принесло ему мировую славу.

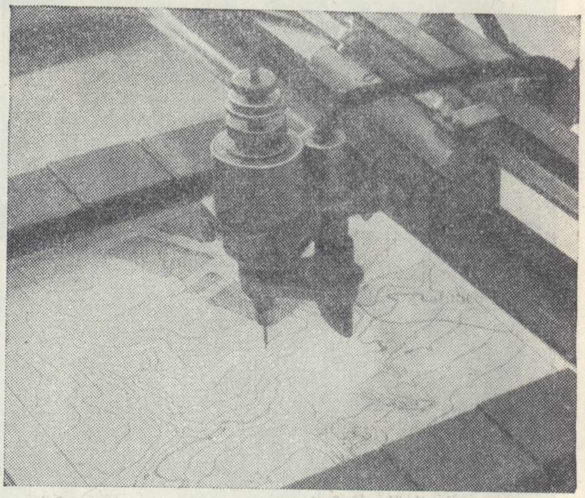
Здесь Столетов ставил свой знаменитый опыт. Облучая ультрафиолетовым светом металлическую пластинку, учёный получал электрический ток. Он назвал это явление фотоэффектом. В то время ещё ничего не было известно ни об электронах, ни о фотонах, но фотоэффект Столетова дал толчок к их открытию. А столетовский прибор для получения фотоэффекта стал родоначальником всех электронных приборов, работающих и в радиоприёмниках, и в радиопередатчиках, и в радиолокаторах, и в автоматах, управляемых с помощью фотоэлемента.

Здесь, в университете, Тимирязев раскрывал тайны внутренней жизни растений, тайны образования веществ, из которых состоит всё живое. Здесь астроном Бредихин объяснил строение вечных небесных странниц — комет.

Университет может гордиться своим революционным прошлым. Студенты принимали участие в борьбе рабочего класса против самодержавия. В 1905 году правительство закрыло университет, чтобы предотвратить студенческие «беспорядки». Но студенты в дни восстания вместе с рабочими сражались на баррикадах. Одна из баррикад была построена восставшими между корпусами университета. Она закрыла войскам и полиции доступ на Большую Никитскую, теперешнюю улицу Герцена.

Позднее, когда революция была подавлена, то и дело вспыхивали студенческие забастовки, стихийно возникали демонстрации. Это приводило в ярость царское правительство. В 1911 году по распоряжению министра Кассо в университет были введены войска. В знак протеста виднейшие профессора подали в отставку. Среди них — гордость русской и мировой науки Лебедев, Тимирязев, Зелинский. Своим уходом они выразили сочувствие революционной молодёжи.

Это послужило предлогом для разгрома университета. Кассо уволил сто пятьдесят профессоров и преподавателей, исключил четыре с половиной тысячи студентов. Университет был зажат в полицейские тиски. В нём почти замерла и научная и учебная жизнь.

...и на листе бумаги сама собой чертится карта.

Но вот свершилась Великая Октябрьская революция, народ взял власть в свои руки. Ещё шли бои гражданской войны, ещё полузадушенная голодом, блокадой, разрухой молодая Советская республика отбивалась от врагов, а Совет Народных Комиссаров уже принимал меры к возрождению Московского университета, чтобы все сокровища научных знаний, все богатства человеческой культуры стали достоянием народа.

Двери Московского университета широко распахнулись перед новыми студентами. Вчерашние фронтовики, солдаты и матросы, рабочие с заводов, крестьяне пришли учиться сюда. Многие из них не

имели среднего образования, и для них был создан подготовительный факультет — рабфак. Ожили лаборатории, возобновились неутомимые исследования учёных. Это было началом невиданного расцвета.

...И вот совсем недавно, позапрошлой осенью, всего за полтора года до своего славного юбилея, Московский университет праздновал новоселье. Шесть из его двенадцати факультетов переселились в новое здание на Ленинских горах. В чудесном дворце с тысячами великолепно оборудованных лабораторий воплощено внимание нашего социалистического государства к науке, забота о её неустанном движении вперёд.

Совершить путешествие по университету — это значит увидеть сегодняшний день науки.

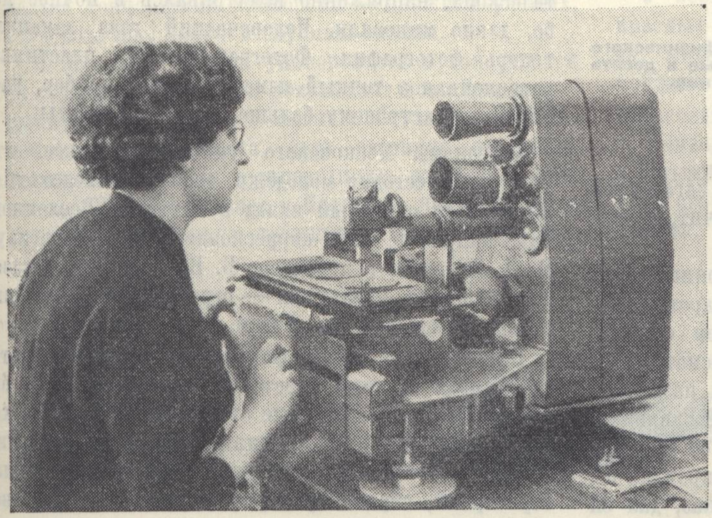
Чтобы познакомиться с биолого-почвенным факультетом, мы пойдём в самую удивительную из его лабораторий. Потолок у неё — синее небо, колонны — древесные стволы, ковёр — зелень трав и цветов, а размеры её — сорок два гектара. Это ботанический сад. Здесь вы встретите растения юга и растения севера. Из субтропиков вы попадаете в тайгу, в тундру, в пустыню, в альпийскую зону с прозрачным озерком среди скал. Из Европы вы переходите в Азию, из Азии — в Америку. Живая зелёная лаборатория показывает вам в миниатюре растительность всего земного шара.

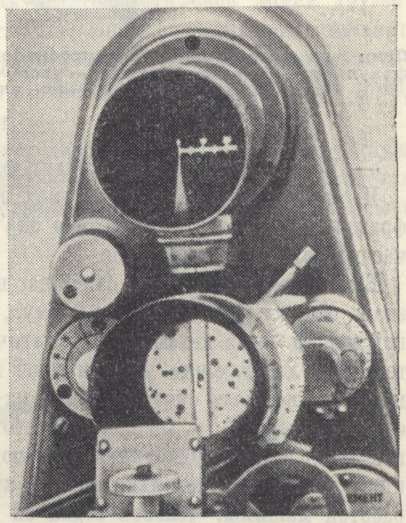
Поднимемся теперь на восемнадцатый этаж главного здания. Вот одна из лабораторий географического факультета. Большой, сложный прибор стоит посреди просторной, светлой комнаты. Взгляд непосвящённого может заблудиться в дебрях его рычагов, колёс, оптических и электрических устройств. Это стереопланиметр, с помощью которого делается карта. Две фотографии, снятые с самолёта, вставляются в стереоскоп прибора, и вы видите выпуклое, рельефное изображение земной поверхности. От возвышенности к возвышенности, от ложбинки к ложбинке вы передвигаете по этому изображению «марку» — светящийся кружочек, — соединяя все точки, имеющие одинаковую высоту. Движение марки передаётся чертёжному механизму — и на листе чистой бумаги сама собой вычерчивается рельефная карта местности.

Здесь же на столиках вдоль стен расставлены стереокомпараторы. Это как бы «младшие братья» стереопланиметра; они похожи на него, только проще устроены. Прильнув к окошечкам стереоскопов этих приборов, будущие географы учатся определять высоту различных географических точек по фотоснимку.

Зайдя в другую комнату, вы останавливаетесь перед большой, во всю стену, панорамой горной страны. В комнате по всему полу в дубовые квадратики паркета вделаны блестящие латунные кружки с углублениями в центре. Но пока вы строите догадки, зачем эти кружки, студенты вносят в комнату какие-то ящики, вынимают из них теодолиты — приборы для съёмки земного рельефа, — устанавливают треноги остриями в ямки латунных кружков, к треногам привинчивают теодолиты и начинают определять высоту горных вершин на картине. Здесь будущие географы учатся работать с приборами, чтобы потом, в экспедициях, вести съёмку местности и наносить на карты настоящие, не рисованные горы.

В коридоре вы вдруг слышите, как один профессор бросает на ходу другому:

Микрофотометр — очень чувствительный прибор. Он помогает изучать самые далёкие звёзды. Здесь вы видите микрофотометр университетской обсерватории, а рядом—то, что он показывает. Тёмные кружочки в нижнем окошечке — изображения звёзд на фотопластинке. Астроном навёл звезду на щель в приборе. Тотчас в верхнем окошечке световая стрелка скользит по шкале к делению, соответствующему яркости звезды.

Один из электронных микроскопов физического факультета. Ниже в кружочке — увеличенные в десять тысяч раз кристаллы окиси алюминия.

— Не забудьте, сегодня придут юнги...

Но не ломайте себе голову над этой загадочной фразой, дальше вы узнаете, что она значит, а сейчас продолжим путешествие.

Быстроходный лифт опускает нас на тринадцатый этаж. Мы в царстве чисел и формул, в царстве точной мысли — на механико-математическом факультете. Вот лаборатория. Войдём в неё и посмотрим на машины, которые считают. Одна из них называется табулятор «Т-5». Он как раз работает. Равномерное жужжание и пощёлкивание говорят об этом, но нигде поблизости не видно никого, кто управлял бы работой машины. Человек отдал ей приказ, дал ей программу вычислений, и она выполняет заданное. Можно задать машине сложное уравнение высшей математики, даже не одно, а пять сразу и заставить её решать эти уравнения. На полосе белой бумаги вырастают пять длинных столбцов многозначных чисел.

В этой же комнате у окна стоит ещё одна машина. Если соединить вместе обе эти машины, они, помогая друг другу, могут выполнять ещё более сложную работу, чем выполняют в отдельности. На уроках алгебры вы, ребята, учитесь решать системы из двух уравнений с двумя неизвестными, и, наверное, многие находят, что это не очень просто. А эти две машины решают сложные системы уравнений со многими неизвестными. Но не думайте, что машины «умнее» людей. Они ведь созданы учёными, которые, изобретая и строя их, применили все достижения математики, физики, механики, электроники. Даже для того, чтобы просто дать «приказ» такой машине, человек должен очень много знать, очень многому учиться. Думает здесь человек, его могущественная мысль воплотилась в машине. У счётных машин самое разнообразное применение. Они выполняют расчёты и физикам, изучающим атомное ядро, и конструкторам самолётов, и строителям высотных зданий, а подключённые к пульту управления завода-автомата или автоматической электростанции, они становятся строгими контролёрами и регулировщиками их работы.

Взглянув в окно, вы с высоты тринадцатого этажа видите вдали здание, над которым возвышаются круглые купола, похожие на шлемы русских богатырей. Это астрономические башни университетской обсерватории. Отсюда в просторы Вселенной смотрят телескопы, а на четырёх этажах обсерватории множество комнат, наполненных удивительными приборами для изучения звёзд, планет, комет, туманностей.

Те времена, когда учёный целые ночи сидел у телескопа, напряжённо всматриваясь в ночное небо, давно миновали. Человеческий глаз заменила теперь фотография. Фотографическая пластинка, вставленная в точный измерительный прибор, рассказывает астроному больше, чем сами звёзды.

Астрономы Московского университета, те, кто учит здесь сегодня молодёжь, своими исследованиями сделали огромный вклад в изучение Вселенной. Так, например, член-корреспондент Академии наук П. П. Паренаго и профессор Б. В. Кукаркин доказали вращение Галактики — огромной звёздной системы, в которой мы живём.

Впрочем, нет такого факультета в университете, на котором за годы Советской власти не были бы сделаны большие научные открытия. Молодёжь, которая слушает здесь лекции наших крупнейших учёных, работает в великолепно оборудованных лабораториях, строит приборы, проводит опыты, ведёт научные наблюдения, видит здесь рождение открытий. Она оказывается свидетелем и участником важнейших событий в жизни науки.

Пойдём на физический факультет. Среди тех,

кто работает здесь, много выдающихся учёных. Так, одной из кафедр руководит академик Скобельцын, открывший «космические ливни» — быстро разрастающиеся потоки электронов и других невидимых частиц, прилетающих к нам из мирового пространства.

...Мы пришли в лабораторию электронной микроскопии. Заглядываем в окошечко микроскопа, через которое можно увидеть невидимое. Мерное постукивание вакуумного насоса говорит о том, что из трубы микроскопа откачивается воздух. Только когда там образуется безвоздушное пространство, поток стремительных электронов, собранных в узкий пучок, пройдёт через систему линз — не стеклянных, а магнитных,— пройдёт через рассматриваемый объект и даст его изображение. Вот под ударами электронов уже засветился маленький экран. На нём вырисовываются какие-то круглые тени: не то вплотную уложенные детские мячи, не то шарики подшипников. Это кристаллы окиси алюминия, из них состоит тот матовый налёт, который покрывает и алюминиевые кастрюли и крылья самолётов, защищая алюминий от разъедания.

Электронный микроскоп, в который мы заглянули, даёт увеличение в десять тысяч раз. Он показывает нам то, чего не может показать обыкновенный. На физическом факультете мы увидели строение оксидной плёнки, а на химическом электронный микроскоп покажет нам молекулы вещества. Правда, это будут самые крупные из существующих молекул — молекулы белка, те самые белковые молекулы, строение которых изучал и объяснял, работая здесь, в университете, один из замечательнейших советских химиков, академик Зелинский.

На какой бы факультет мы ни пришли, в какую бы лабораторию ни заглянули, мы увидим, как, владея тончайшими приборами — оружием учёных, студенты проникают в глубины знания.

И огромная заслуга университета в том, что он со студенческой скамьи показывает молодёжи неразрывную связь науки с жизнью. Студенты биолого-почвенного факультета, сдав весенние экзамены, уезжают в колхозы, в заповедники, на рыбные промыслы. В горах Кавказа и Кольского полуострова, в степях Казахстана, в таёжных дебрях Сибири и в тундрах Якутии можно встретить походные бивуаки географов, геологов, историков, ботаников, зоологов.

Многие учебные работы студентов уже сейчас служат большому, всенародному делу. Так, прошлым летом университетская экспедиция географов работала в низовьях Оби. Она исследовала течение этой реки.

Тысячи студентов учатся в Московском государственном университете. Среди них есть юноши и девушки, приехавшие из Китая, Кореи, Болгарии, Польши, Румынии, Албании, чтобы, вооружившись наукой, вернуться домой и дать знания своему народу.

Весёлая, пёстрая толпа молодёжи каждый день проходит мимо бронзового изваяния Ломоносова, и кажется, что великий учёный улыбается, радуясь «приращению наук», их могучему расцвету, для которого он столько тяжких трудов положил два века назад.

...Да, но кто такие юнги? Мы обещали объяснить вам это в конце. Юнги — частые гости географического факультета. Их можно встретить там в любой понедельник, четверг и субботу. Не думайте, что они имеют какое-нибудь отношение к мореплаванию. Это самые обыкновенные школьники, которые любят географию. Юнги — юные географы.

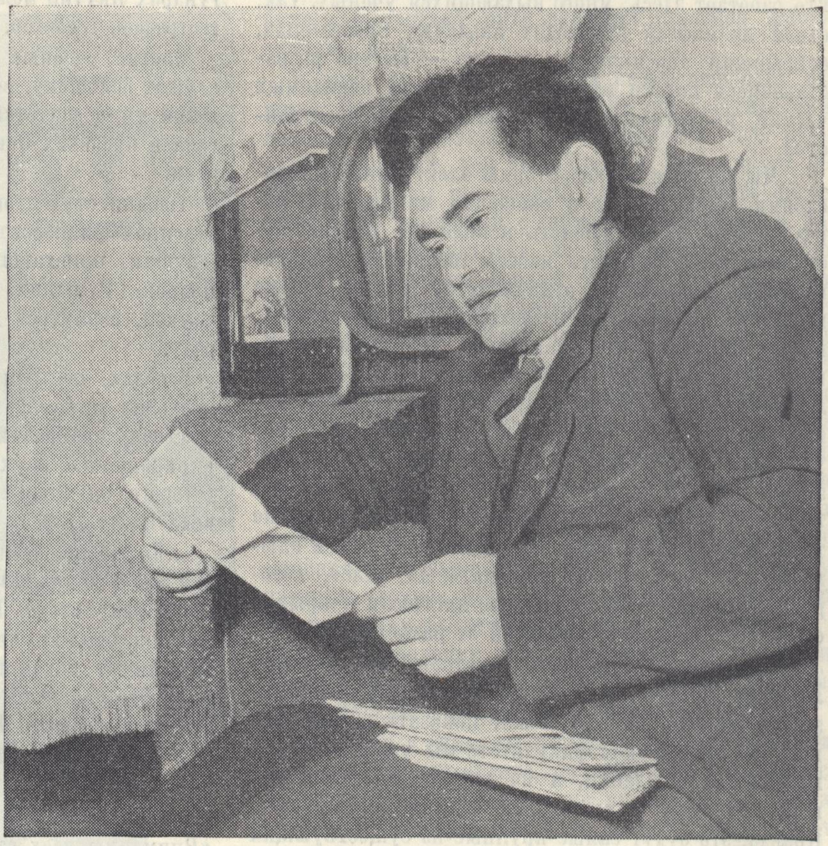
У Московского университета уже много лет крепкая дружба со школьниками. В коридоре физического факультета вы можете прочитать объявление: «Вниманию всех студентов и преподавателей! Объявляется конкурс на задачи для олимпиады юных физиков». Олимпиады школьников — прекрасный обычай университета. Механико-математический факультет в нынешнем году проводит уже восемнадцатую олимпиаду, а химический — одиннадцатую.

У всех факультетов есть своя армия друзей в красных галстуках: юные биологи, юные математики, юные химики, юные историки занимаются в кружках при университете, отправляются в походы и экспедиции.

Университету двести лет, но эта весёлая дружба с юными гражданами нашей страны — свидетельство его собственной удивительной, нестареющей юности.

Воспитание характера

Герой Советского Союза
Алексей Маресьев

Алексей Петрович Маресьев.

Иногда я получаю письма от детей. Я люблю эти письма. Как правило, они откровенны и правдивы, иногда шутливы, чаще серьёзны. Над некоторыми я подолгу размышляю.

Недавно ко мне пришло два письма, которые, как это часто бывало и раньше, заставили меня глубоко задуматься. И мне захотелось рассказать о мыслях, которые возникли при чтении этих писем.

Фамилий мальчика и девочки, написавших мне, я называть не буду. Они адресовались мне, а не читателям журнала «Пионер». Но о самих письмах расскажу. За это, думаю, ребята не обидятся.

Девочка и мальчик, приславшие мне письма, друг с другом не знакомы, и живут они в разных концах страны. Но то, что никогда не видевшие друг друга ребята ломают себе голову над одними и теми же вопросами и приходят к одному выводу, мне кажется не случайным. Я и сам, когда ещё учился в школе, часто думал о том же: как воспитать сильную волю, как выработать твёрдый характер, как стать мужественным и бесстрашным?

Как стать сильным физически — как будто не составляет секрета... Закаляй своё тело, тренируй его, упражняй мускулы!.. Тому, кто в этом сомневается, достаточно напомнить известную историю одного мальчика, который родился хилым и слабым, но с таким упорством закалял своё тело, что обрёл железное здоровье, силу и выносливость почти невероятную. Вырос этот мальчик и прославился на весь мир. Это Александр Суворов...

Нет, с физической закалкой дело обстоит относительно просто. Но как быть с характером? Где они, те упражнения, которые могут закалить его? Да и есть ли такие? А сила воли! Это ведь не бицепсы, которые просто на глазах твердеют от ежедневных упражнений. Да и как проследишь: крепнет ли у тебя воля, вырабатывается ли характер?!

Но оба моих корреспондента решили, вероятно, так: раз мускулы закаляются от частых упражнений,— значит, и твёрдую волю и железный характер тоже можно выработать тренировкой. Так рассудили они и принялись действовать. Правда, каждый на свой лад... Впрочем, читайте сами, что они об этом пишут.

«Дорогой Алексей Петрович,— пишет мальчик,— я отлично знаю, что у меня пока ещё слабая воля и в характере нет настойчивости. Папа говорит, что у меня абсолютно отсутствует выдержка. Но я думаю, что человек, если захочет, может выработать все качества, какие надо! Я хочу выработать в себе мужество и бесстрашие, никогда не отступать перед опасностями. Мой товарищ (мы учимся с ним

в одном классе) вполне со мной согласен. Мы решили действовать вместе. И проверять друг друга.

Напишу вам про одну нашу проверку. Я кладу палец в дверную щель, а мой товарищ начинает осторожно закрывать дверь. Мне становится всё больнее и больнее. Но я терплю. Чем дольше я могу терпеть, тем сильнее закаляется мой характер. Потом он кладёт палец в дверь, а я начинаю прищемлять...

Мы с ним думаем, что постепенно выработаем в себе сильные характеры, вырастем бесстрашными и мужественными и никакие опасности тогда не будут нам страшны».

Это — одно письмо. А вот другое.

«Алексей Петрович,— пишет девочка,— я читала про вас в книге, и мне понравилось, что вы такой настойчивый. В моей личной жизни пока ещё нет больших событий. В школе никаких особенных препятствий нет. И дома — тоже. Тогда я решила сама себя испытать. Конечно, никому про это не сказала, потому что, если сказать, ничего не получится. Я решила, что несколько дней подряд не буду есть. Я ничего не ела, хотя очень хотелось. Но получилось так, что мама заметила и заставила меня выпить молока. А всё-таки я почти целый день не ела.

И я на этом не остановлюсь. Я преодолею все препятствия и добьюсь, что, когда вырасту, у меня будет сильный характер».

Должен сказать, что я с полным уважением отношусь к этим намерениям ребят. Желание воспитать в себе сильный характер уже само по себе достойно всяческого одобрения. Сильный, мужественный человек справится с любым делом. Родине нужны сильные, преданные люди, не страшащиеся опасностей, не отступающие перед трудностями... Но вопрос в том, так ли надо воспитывать в себе мужество и стойкость, как делают эти двое ребят? И если не так, то почему не так? И самое главное: если не так, то как?

Ведь оба они — и мальчик и девочка — пошли как будто по правильному пути. Они хотят с детских лет приучить себя к трудностям и опасностям, которые могут им встретиться, они подвергают себя разного рода испытаниям, чтобы выработать в себе выносливость и мужество. Что же в этом неправильного?

Девочка, которая с некоторым сожалением пишет, что жизнь её идёт без особенных препятствий и трудностей, без сомнения, пишет правду. И хотя я знаю о ней не больше того, что она сама о себе говорит, я не сомневаюсь, что ей не приходится, скажем, продавать газеты, чтобы заработать себе на учебники, как делает это один французский мальчуган, с которым я познакомился в Париже. Вероятно, и мальчик, который придумал для себя испытание и прищемляет дверью пальцы, по утрам бежит спокойно в школу, нимало не заботясь о том, что его, к примеру, могут исключить за то, что он не внёс плату за учение. А ведь такое нередко случается с детьми безработных в капиталистических странах.

Так, может быть, они правы, эти ребята, что изобретают для себя искусственные испытания, раз уж им посчастливилось родиться в Советской стране, которая так заботится о своих детях?..

Размышляя обо всём этом, я вспомнил о своём недавнем посещении одной московской школы. Я пошёл туда по приглашению учителей и пионеров.

По дороге в школу я узнал, что там не так давно случилось одно чрезвычайное происшествие — драка. Причём драка безобразная. Когда сильный нападает на слабого или несколько человек на одного, это всегда отвратительно. В этой школе три мальчика избили четвёртого за то, что тот, староста класса, не пустил одного из них во время перемены в класс... И произошло всё это как раз в том отряде, куда меня пригласили.

Встретили меня чрезвычайно любезно. Мальчики выскочили на улицу, высматривая меня, чтобы я не заблудился... Девочки приготовили букет цветов. Учителя были очень внимательны и приветливы.

Как я сразу понял, учителя и ребята ждали от меня разных вещей. Учителя хотели, чтобы я завёл речь о недавнем событии и как следует пристыдил класс. А ребята надеялись, что я расскажу им о войне, о воздушных боях, о славных лётчиках — то, что обычно любят слушать ребята и что я сам, по правде сказать, люблю иной раз вспомнить...

Но у меня, когда я узнал про драку, сразу и окончательно испортилось настроение, и я ничего не мог с собой сделать. Читать нотации — это я вообще не умею. Рассказывать им о войне, о дорогих моему сердцу товарищах — ну просто слова не вязались, не мог, да и всё тут!

Они сидели передо мной такие чистенькие, с аккуратно повязанными галстуками, а я глядел на них с досадой и думал: интересно бы поглядеть на вас во время этой драки, как вы тогда выглядели!.. Конечно, я понимал, виноваты не все они, а только трое. Но всё равно я уже не мог настроиться на другой лад, и то торжественное, немножко грустное настроение, которое приходит, когда вспоминаешь прошлые славные годы, никак не приходило.

А кроме того, появилась и такая мысль: почему, собственно, виноваты только трое? А остальные? Ведь эти трое выросли среди них, все они как-то отвечают за поступки друг друга; это ведь не случайно собравшиеся люди, это коллектив, пионер-

ский отряд. И потом, дело происходило в школе, многие из них видели, как трое тузят одного. Почему же они допустили это? Почему не вмешались?

Среди всех семиклассников нашёлся только один человек, который, увидев, что трое колотят одного, кинулся разнимать драку. Это была девочка, пионерка Сазонова. Может быть, она сильней всех в классе? Девочка сидела как раз передо мной, я взглянул на неё. Девочка как девочка, среднего роста... Ей, как и любому другому, грозила опасность получить в пылу драки и синяки и ссадины, но, видимо, она не размышляла об этом — увидела, трое напали на одного, и бросилась на защиту. Мне было приятно смотреть на Сазонову, которая в это время перешёптывалась с подругами и, как видно, не придавала никакой особенной цены своему поступку...

Но даже Сазонова не поправила моего дурного настроения. И после короткого разговора с ребятами мы разошлись недовольные друг другом и самими собой.

...Вот об этой встрече я вспомнил, читая письма ребят.

Семиклассники, которые пригласили меня к себе, тоже, вероятно, иногда задумываются над тем, какими быть. Может быть, кто-нибудь из них, так же как и мои корреспонденты, решает: «Дай-ка я устрою себе какое-нибудь испытание, дай-ка придумаю что-нибудь необыкновенное — жизнь-то у меня простая, обыкновенная!» Но жизнь придумала без него, она подсунула ему этот случай и сказала: «Выбирай. Можешь остаться в стороне, можешь вмешаться. Можешь проявить мужество, можешь выказать слабость. Выбирай!»

Стоит ли придумывать испытания и проверки, когда жизнь проверяет и испытывает любого из нас на каждом шагу?!

Вмешаться в драку и защитить слабого — что это? По-моему, это — проявление храбрости. Выступить на собрании перед всеми и признать: «Я поступил скверно»,— по-моему, это значит проявить мужество. Сидеть над трудным уроком, хотя глаза уже лезут на лоб от усталости и от злости на самого себя, и не вставать до тех пор, пока не добьёшься своего,— что это, как не проявление силы воли!.. Может быть, всё это выглядит не так уж эффектно и совсем не героически, но именно так, думается мне, и воспитывается характер.

Иногда меня просят: расскажите, как вы ползли с отмороженными ногами и как это у вас хватило упорства снова сесть за руль самолёта... А меня так и подмывает сказать в ответ: а не лучше ли я расскажу вам о суффиксах? Да, да, о суффиксах, над которыми я бился до одурения! Когда после войны я начал учиться в академии, обнаружилось, что я основательно забыл кое-что из того, что проходил в школе. Особенно плохо обстояло дело с грамматикой. И немало пота я пролил прежде, чем одолел её!

Конечно, это вещи разные — сидеть над учебником и вести в бой самолёт, но иной раз уж очень похожи качества, которые требуются для того, чтобы хорошо делать эти непохожие друг на друга дела.

Жизнь на каждом шагу подсовывает нам испытания. И очень часто никто, кроме тебя самого, не осудит и не похвалит тебя за то, что ты сделал тот, а не иной выбор. Ответил на четвёрку. «Ну, что ж,— скажет отец,— молодчина! Урок трудный». Но ты-то сам в глубине души знаешь: мог, мог на пятёрку! Не пошёл вместе со всеми ребятами на прополку колхозного огорода. «Что поделаешь,— скажет мать,— захворал парнишка». Но ты-то сам отлично знаешь: голова если и болела, так уже почти прошла, можно бы и поработать... Собирают книги для посылки в подшефный колхоз. «Я бы дал,— говоришь ты,— да боюсь, мама рассердится». «Ну, раз мама,— сочувствуют ребята,— тогда не надо». И никто, кроме тебя, не знает, что маму твою убедить очень легко и что книги жалко не маме, а тебе самому...

Да, очень часто жизнь, на первый взгляд лёгкая и безмятежная жизнь, устраивает человеку серьёзную проверку, и никто, кроме него самого, об этом даже не подозревает. Честь и слава тому, кто, не ожидая благодарности, не гонясь за похвалами, выбирает трудный и благородный путь!

В заключение я хочу вернуться к двум фразам из полученных мною писем. «Мы выработаем в себе сильные черты, вырастем бесстрашными и мужественными»,— пишет мальчик. «Добьюсь, что, когда вырасту, у меня будет сильный характер»,— пишет девочка. Оба они говорят в будущем времени. Так часто говорят ребята, размышляя о том, какими быть. Но мне хочется сказать о сегодняшнем дне.

Сегодня, сейчас надо быть смелыми и правдивыми. Сегодня, сейчас не отступать перед трудностями. Сегодня вступаться за слабых и стоять за правду. Сегодня проявлять настойчивость и упорство. Не складывать эти великолепные качества впрок, а сейчас стремиться быть такими, какими, по правде сказать, ужасно хочется видеть вас, дорогие ребята.

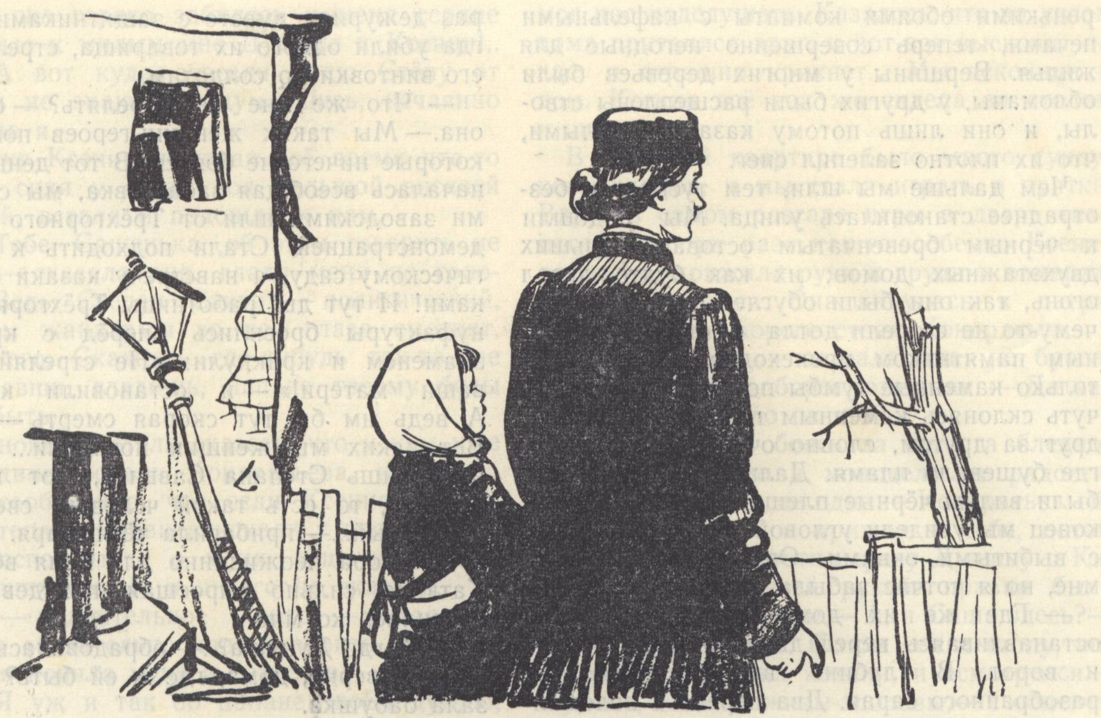

ПРОБА СТАЛИ (ХАРЬКОВСКИЙ ТРАКТОРНЫЙ ЗАВОД). Е. Данилевский.

ЛЕСОРУБЫ.

Г. Глюк.

РОДНИКИ

(Окончание)

Нина Емельянова

Рисунки А. Кокорина.

У дедушки на Пресне

Давно затихла стрельба на Пресне, все лавки открылись, и в комнатах снова зажигают большую лампу. Но ни в доме, ни во дворе нет веселья, все молчаливы и неспокойны. Мама собирается пойти на Пресню навестить дедушку Никиту Васильевича: дядя Пётр говорил, что надо кому-нибудь туда пойти. Вот и я у Дуняши побываю! Но мама собирается уже давно и всё откладывает.

Наконец однажды после обеда она ставит в корзиночку банку с вареньем, велит мне одеваться потеплее и завязать голову платком.

В этот раз мы почему-то очень долго добирались до Пресни, хотя часть пути проехали на конке. Я всё время говорила маме, что с Митей мы ходили по другой, хорошей улице и теперь мы зашли в незнакомое место.

— Мы идём правильно, не приставай! — коротко ответила мама, и что-то в выражении её лица остановило мои расспросы. Я стала внимательно смотреть кругом.

Не удивительно, что палисадники, летом весело и живо обрамлявшие дома, мимо которых мы тогда проходили с Митей, были пусты: сейчас была зима и в палисадниках лежали целые подушки снега. Многие заборы были поломаны, ворота сорваны, и даже столбы их кто-то спилил, как, впрочем, и все почти телеграфные столбы вдоль улицы.

Во многих домах были разбиты стёкла; какая-то страшная сила обрушила кое-где стены и обнажила внутри оклеенные пёст-

ренькими обоями комнаты с кафельными печами, теперь совершенно негодные для жилья. Вершины у многих деревьев были обломаны, у других были расщеплены стволы, и они лишь потому казались целыми, что их плотно залепил снег.

Чем дальше мы шли, тем тусклее и безотраднее становилась улица. Мы подошли к чёрным бревенчатым остовам больших двухэтажных домов; их как будто лизал огонь, так они были обуглены, но дома почему-то не сгорели дотла и стояли страшным памятником происходившего здесь. И только каменные тумбы по краям тротуара, чуть склонясь каменным туловищем, стояли друг за другом, словно очерчивая границу, где бушевало пламя. Дальше вместо домов были видны чёрные плешины на снегу. Наконец мы увидели угловой двухэтажный дом с выбитыми окнами. Он что-то напомнил мне, но я тотчас забыла, что именно.

— Где же их дом? — спросила мама, останавливаясь перед двориком без ограды и ворот. В глубине виднелись остатки разобранного сарая. Два дерева с поломанными ветвями стояли во дворе около уцелевшего дома с облупившейся кое-где штукатуркой.

Из дома неожиданно вышла Варя, дочь дедушки Никиты Васильевича.

— Что же вы стоите? — закричала она.— Не узнали место? Да и не удивительно: такой был дворик чудесный! Ну, не беда, руки есть — поправим. Тятя, встречайте гостей.

В доме внутри всё было по-старому, разве стало немного теснее. Всё так же лежала Мелания Михайловна, всё так же дедушка «заложил» в нос свой табачок и чихнул. Но мне показалось, что дедушка бодрится, он очень постарел за это время.

— Я вам, дядя Никита, варенья привезла.— Задумавшись, я не видела, как мама достала банку из корзиночки, и только услышала её слова: — Знаю, вы любите. И Саня велел спросить, не надо ли вам чем помочь.

— Ну, у меня руки крепкие,— сказала тётя Варя,— я и ещё двух таких, как мои старики, прокормлю.

— Руки руками,— вздохнул дедушка,— а на завод обратно не берут. Видно, ты показала себя.

— А как же иначе,— сказала тётя Варя.— И я не хуже людей.

И, задорно блестя глазами, стала рассказывать, как около них, за углом, где была пивная лавка, строили баррикаду и она не раз дежурила вместе с защитниками, а когда убили одного их товарища, стреляла из его винтовки по солдатам.

— Что же мне не стрелять? — сказала она.— Мы таких женщин-героев повидали, которые ничего не боятся. В тот день, когда началась всеобщая забастовка, мы с нашими заводскими шли от Трёхгорного вала с демонстрацией. Стали подходить к Зоологическому саду, а навстречу казаки с шашками! И тут две работницы Трёхгорной мануфактуры бросились вперёд с красным знаменем и крикнули: «Не стреляйте, мы ваши матери!» — и остановили казаков. А ведь им бы тут скорая смерть — и всё! Вот каких мы женщин повидали... А как вспомнишь Степана Саввича, вот кого я уважаю, то есть такой человек светлый... Душевный...— прибавила тётя Варя.

Со двора неожиданно для меня вбежала Катюша, сильно выросшая, похудевшая, и бросилась ко мне.

— А где Дуняша?..— обрадовалась я.

— Наверно, дома, где ж ей быть? — сказала бабушка.

Дома? Но во дворе я не заметила флигелька, в котором жили Кондратьевы!

— Во флигеле? — спросила я.

— Нет, флигель сгорел в самую стрельбу. Хозяева со страха перебрались к дочери в Сокольники, там тихо было, а Ксении велели их добро караулить. Вот они и живут там, на половине хозяев.

— Мама, можно я к Дуняше пойду?

И лишь только мама кивнула головой, я схватила шубейку и выскочила во двор. Обежав вокруг дома, я заметила в крайнем окне свет и постучала. Ксения открыла мне дверь. За ней я увидела бледное лицо моей подружки...

— Дуняша! — сказала я, когда мы, держась за руки, уже сидели рядом в большом «хозяйском» кресле.— Я думала, что вы с Ксенией уехали куда-нибудь.

Дуня быстро взглянула на меня и покраснела.

— Нет, мы никуда не уезжали,— ответила она.— Нам никак нельзя было уезжать.

Значит, и Ксения и Дуняша были в Москве, когда дядя Степан лежал у нас! Почему же они всё-таки не приходили?

Я уже совсем хотела спросить, как вдруг с величайшей ясностью поняла: им было нельзя приходить, они хотели пойти, всё время только и думали о дяде Степане, но не могли идти к нему. Жандармы, знавшие, где живут Кондратьевы, проследили бы за Ксенией, как Тишкин, и нашли бы его...

Как же горячо забилось у меня сердце любовью к милым мне Дуняше и Ксении!..

— А вот куда отвезли дядю Стёпу от нас, я не знаю...— задумавшись, нечаянно сказала я.

И тут Ксения, которая всё время что-то шила, сидя у стола под большой висячей лампой, встала и подошла к нам.

— Тебе, Сашенька, об этом говорить не надо! — сказала она, гладя меня по голове.— Ведь Степан Саввич — политический, за ним жандармы во все глаза смотрят, ищут его. Скажешь где-нибудь так-то, не подумавши, глядишь, папане твоему беды не избыть.

И снова я хотела сказать, что к нам уже приходили, искали Кондратьева, но, подумав, сообразила, что если Ксения узнает, что Степана Саввича искали у нас, она будет беспокоиться о моих отце и матери, укрывших его. И я ничего не сказала.

Но — удивительное дело! — оказалось, что не обязательно надо говорить словами, Ксения поняла меня и без слов.

— Я уж и так об папане твоём думаю, не было бы неприятностей ему... Ну, девочки, посидите, я схожу на ту половину.

Но мы побежали вместе с Ксенией. Мама уже собиралась домой, и я стала просить её оставить меня ночевать у Дуняши: ночевала же Дуняша у нас!

— Вот что,— сказал дедушка Никита Васильевич,— пускай она, Грунечка, ночует у нас: поиграет с Дуней — и к нам придёт.

— А как она домой попадёт?

— Я сам её завтра приведу. Ну, девочки, бегите играйте: мама позволила!

Какой замечательный был этот вечер! Сначала мы все втроём — я, Дуняша и Катюша — играли с дедушкой в лото. Потом побежали на улицу. Но фонари по всей улице были разбиты, было темно и жутко, и только далеко виднелись редкие тусклые огоньки.

— Вон там за углом была баррикада,— сказала Дуняша.— Ужас как стреляли! Но когда из ружей,— не очень страшно, а вот как стали из пушек бить по баррикаде, я уж так испугалась...

— И дядя Стёпа тут был?

— Нет, он на Пресненской был, на самой большой. Мамка к нему раз туда побежала, спрашивает: «Чего вам надо?» А папка сказал: «Победы нам надо, и мы её добудем!» А потом его ранили...

Мы говорили шёпотом, как будто на тёмной улице с неясными очертаниями обгоревших зданий и редкими огоньками кто-то мог нас подслушать. Казалось, что за углом дома притаился враг, и вот-вот выскочит на нас, и страшно крикнет... Мы вскочили в дом. Ксения всё так же сидела за столом и шила.

В большой квартире было много сундуков, шкафов, и мы стали играть в прятки. Вдруг в самом разгаре игры в дверь тихо постучали три раза, как-то особенно. Ксения вскочила, прижала руки к груди и замерла. Стук повторился. Она кинулась к двери, открыла... На пороге стоял Кондратьев.

— Ой, Стёпа...— сказала она, не бросаясь к нему, а, наоборот, отступая. — Да как же ты? Ведь мало ли что?..

Она говорила, боясь за него, а бледное лицо её розовело и молодело от радости.

— Не бойся, я не один.— Кондратьев обнял её за плечи и прижал к себе, потом наклонился и обхватил сразу Дуняшу с Катюшкой левой своей рукой: правая была подвязана на косынке.— А, и Саша здесь?— Он улыбнулся мне. Потом сел к столу, посадив Катюшку на колени, и осмотрелся.— Ну, все, видать, живы-здоровы,— с облегчением сказал он.— Пока в этой хоромине не плохо, да ведь хозяева скоро вернутся. Тогда, Ксеня, пойдёшь... Вот я тебе адрес написал, запомни.

— Чего ж ты, Стёпа, о нас думаешь в такое время? Ты о себе думай. Мы как-нибудь проживём.

— Время нынче хоть и трудное,— весело сказал дядя Степан,— но именно такое, когда надо думать обо всех и обо всём. Вешать голову нам некогда. Царское правительство думает, что оно задавило революцию, но мы снова соберём свои силы. В чём ошиблись, то поправим. Будем готовиться к новой борьбе.

— А здоровье?

— Здоровье моё крепкое...

Тут только я увидела, как сильно впали щёки у дяди Степана и как он тяжело опирается на стол.

— Папка...— Дуняша, всё время стоявшая около Кондратьева, не отрывая глаз от его лица, провела рукой по его плечу.— У тебя всё ещё болит?

— Ну что ты, дочка! Всё уже прошло.

— А рука?

— Рука маленько замешкалась, ещё плохо ею владею. Но и её наладим. Вот что, ребятки, мне надо матери кое-что сказать...

Мы вышли в кухню, но никому не хотелось говорить: тут, в комнате, сидел отец Дуняши и Катюши, дядя Степан; ненадол-

го он пришёл, и я понимала, какая радость Ксении и детям увидеть его.

В дверь снова постучали три раза.

Дуняша открыла; черноглазый парень лет шестнадцати вошёл в кухню.

— Мне надо Степана Саввича,— сказал он.

Кондратьев вышел из комнаты; он держал шапку в левой руке, Ксения застёгивала на нём ватную куртку.

— Пора, товарищ Кондратьев! Конный патруль остановился у Горбатого моста, и полиция появилась.

— Ну, пора так пора! — Кондратьев обнял всех своих, поцеловался с Ксенией, сказал мне: — Кланяйся отцу и мамане.

Потом отворил дверь и, шагнув через порог, ещё раз обернулся. На тёмном фоне сеней выделялась его высокая, освещённая лампой из комнаты фигура, худое лицо с шапкой чёрных волос над большим лбом и умные, смелые глаза, в которых сейчас не было памятного мне мучительно-настойчивого вопросительного выражения: они смотрели с твёрдой и весёлой уверенностью.

Так же уверенно он сказал:

— Ну, до радостной встречи всем нам.

Мне было ясно в эту минуту, что они непременно встретятся, и так захотелось быть с ними при этой встрече...

Мы долго сидели, к чему-то прислушиваясь. На улице всё было тихо. Ксения, сначала возбуждённо повёртывавшая голову на самый лёгкий стук, постепенно успокоилась. Лицо её снова побледнело, только на губах оставалась ещё лёгкая, мимолётная улыбка.

— Ну, девочки, пора спать,— сказала она,— а я ещё посижу.— И долго сидела у стола, наверно, вспоминая каждое слово дяди Степана.

Утром Ксения вышла проводить нас с дедушкой и всё показывала, как было во время боёв, откуда стреляла артиллерия, откуда подходили солдаты, как падали убитые на баррикаде,— видно было, что впечатления тех боевых дней врезались ей в память.

— Ой, Сашенька,— вдруг воскликнула Дуняша,— я же совсем забыла! Погоди! — и взбежала на крылечко.

Через минуту она вышла и протянула мне красивую голубую ленточку с вытканными по ней цветочками — самую лучшую дуняшину ленточку.

— Это тебе на память,— сказала она.

Когда я уходила с дедушкой Никитой Васильевичем по опустевшему переулку и оглянулась на дом, где оставались милые мне люди, что-то стеснилось у меня в груди так, что мне стало больно: я вдруг подумала, что мы, наверно, сами уедем из Москвы и я долго не увижу ни Дуняши, ни Ксении. Но рядом с горестным чувством расставания с дорогой моей подружкой я уносила в памяти и очень хорошее: знакомые лица их обеих, но с новым, мужественным выражением, какое, наверно, было на лицах так запомнившихся мне по рассказам тёти Вари ткачих «Трёхгорки».

Этот день открыл мне и ещё новое из того, что случается в жизни. Кажется, уж полагается, если расстаёшься с людьми, побыть с ними подольше на прощанье, но, значит, случается и так, что ничего такого не происходит. Это, помню, сначала не понравилось мне, какая-то ненадёжность жизненных намерений вдруг всплыла передо мною, но тут же в мимолётной встрече Кондратьева с семьёй я угадала то крепкое и верное, что в ней было.

В школу!

За участие в рабочей демонстрации моего отца уволили с фабрики. Мы переехали из Москвы в Воронеж, и я опоздала поступить в приготовительный класс.

Отцу надо было искать место, но это было трудно: он же был уволен и его называли «неблагонадёжный». Так я услышала новое слово. Оно относилось к моему отцу и как бы отрицало всё то благое и надёжное, что было в нём и так крепко чувствовалось людьми.

Чтобы не пропускать год, меня стали готовить к экзаменам в первый класс. Зимою мама учила меня писать. А за два месяца до экзаменов, уже весной, со мною стала заниматься учительница Александра Дормидонтовна.

Александра Дормидонтовна жила в нашем дворе, в маленьком флигеле. Я видела, как она проверяет тетрадки, сидя у своего окна. Русые волосы у неё зачёсаны гладко назад, как у мамы, а взгляд спокойный и печальный. На чёрном платье всегда пришиты белые воротничок и нарукавнички.

Когда она пришла к нам в первый раз, мама сказала:

— Вы с ней построже. Если будет баловаться, скажите мне.

— Нет, зачем же! Мы сами справимся,— ответила учительница и, когда мама ушла, сказала: — Прочитай мне любимые твои стихи.

Я стала читать: «По синим волнам океана...»

Она дослушала до конца.

— Я их тоже люблю. Только спешишь, спешишь... Прочти ещё раз.

И стала останавливать меня на каждой фразе и подробно объяснять мне, почему я читаю неверно. От этого мне стало скучно. За окном видны были зеленеющие ветки деревьев. Я попробовала покачаться на стуле.

— Не качайся на стуле,— остановила меня Александра Дормидонтовна,— не будь рассеянной. Возьми тетрадку, мы напишем диктант. И стала диктовать: — «Люблю грозу в начале мая». Написала?

Слово «гроза» она произнесла так, что было непонятно, какая буква: «о» или «а»— стоит в середине. Но я помнила, как это слово пишется в книгах.

Так Александра Дормидонтовна продиктовала мне четыре фразы. Потом взяла у меня тетрадку и стала читать, медленно произнося слова.

— Почему ты написала «гроза» через «о», а не через «а»?

— Так красивее,— ответила я.

— Написала ты правильно, но правильно писать надо не потому, что это кажется тебе красивым. Надо подумать, почему пишутся слова именно так. Почему ты написала «в начале» двумя словами?

— Не знаю,— ответила я.

— А ты видела, читая книжки, что иногда «вначале» пишется вместе, одним словом?

— Видела.

— Подумай, почему же ты написала двумя?

Думать мне не хотелось: всё равно ведь я и без раздумья напишу правильно. Когда вошла мама, учительница сказала:

— Замечательная зрительная память, пишет совсем без ошибок. Но нет привычки думать. Рассеивается, смотрит по сторонам и грамматики не знает.

Когда Александра Дормидонтовна ушла, мама спросила:

— Ну, как вы занимались?

— Немножко скучно было,— сказала я.

После урока я пошла гулять во двор. Мальчики и девочки играли в лапту и позвали меня. Сынишка дворника, Вася, спросил:

— Ну много ты там научила?

— Я пишу, как большая, без ошибок,— важно сказала я.— У меня замечательная зрительная память. Сама учительница сказала.

— А ещё чего она сказала?

Но о том, что ещё сказала учительница, я умолчала.

Вася засмеялся и закричал так, чтобы Александра Дормидонтовна услышала в своей комнате через открытое окно:

— Она всему уже выучилась. Она больше учительницы знает!

И все ребята засмеялись. Я обиделась на них и ушла домой.

В следующий раз я спросила Александру Дормидонтовну:

— А зачем надо учить грамматику?

— Чтобы писать правильно.

— Я и так пишу правильно.

— Ты думаешь, что грамматика тебе не нужна? Ты и так всё знаешь?

Я кивнула головой.

— Ну, нет! — ответила она.— Твое знание — ещё самое, самое маленькое знание. Грамматику надо знать, чтобы быть грамотным человеком. И, главное, надо думать над каждым словом, почему оно пишется так, а не по-другому. Тогда не ошибёшься.

— Я и так не ошибусь!

— Посмотрим! — улыбнулась она.

Но я и на самом деле ошибалась редко. В то время, когда я училась, у нас в азбуке, кроме буквы «е», была ещё буква «ять». Они произносились одинаково: «е»,— но одни слова писались через «е», а другие через «ять». Запомнить это было не очень просто. Мне помогала в этом моя хорошая память. Когда я читала сама, я легко запоминала, как пишется каждое слово. Если книгу кто-нибудь читал вслух, мне надо было несколько раз услышать, чтобы запомнить рассказ или стихотворение, но, увидев стихи своими глазами, прочитав их раз или два, я запоминала их наизусть и всегда потом помнила, как они расположены на странице, помнила самую форму строк и картинку, если она была нарисована.

Когда мне случалось делать ошибку, я говорила Александре Дормидонтовне:

— Я знаю, как писать, только на минутку забыла. Ошибка вышла нечаянно.

— Ты не думаешь,— отвечала она,— ты рассеянная, ты хочешь поскорей убежать играть.

— Но правда же, я нечаянно...

— Ошибок никто не делает нарочно. Все ошибки делаются нечаянно. Думай, когда пишешь, а ты «разойдёшься» и летишь без оглядки, не думая.— Она говорила серьёзно, но глаза её смеялись.

До экзамена оставался месяц. Каждый вечер мама спрашивала, выучила ли я за-

данные мне уроки. Она боялась, вдруг я не выдержу экзамена в первый класс и надо будет учиться лишний год. До революции в школу за учение надо было платить, а отец мой зарабатывал немного.

Но я уже полюбила наши занятия с Александрой Дормидонтовной и старалась учиться. Я так спешила на уроки, что приходила раньше времени. После уроков я бежала во двор и рассказывала девочкам:

— Меня сегодня Александра Дормидонтовна похвалила. Не веришь, спроси у мамы. Вот сколько я выучила! — И читала наизусть «Песнь о вещем Олеге».

Наконец меня повели в прогимназию держать экзамен в первый класс. На дорогу Александра Дормидонтовна сказала мне:

— Не будь рассеянной. Думай.

В большом белом зале висела в углу тяжёлая икона в золочёной ризе. Паркетный пол блестел квадратиками. Из зала в коридор мимо портрета царя навстречу мне шла прямая женщина в синем платье с высоким воротником.

Я пробежала мимо неё и поскользнулась на блестяще натёртом полу. Быстрым и жёстким движением она схватила меня за руку.

— Девочка,— сказала она строго,— ты не дома и не на улице.

Она смотрела холодно и недружелюбно. Сердце у меня сжалось.

— Ну как? — спросила Александра Дормидонтовна.

«Неужели она будет учить нас?» — подумала я со страхом. Мне вспомнилась строгая и добрая Александра Дормидонтовна. Да, видно, в школе не всё будет радостно и ясно.

Первый экзамен по русскому устному языку я выдержала отлично. Даже с грамматикой обошлось хорошо. Рассказала, в каких словах пишется «ять», прочитала стихи Пушкина «У лукоморья дуб зелёный».

Потом в большом зале посадили за парты двадцать девочек с заплетёнными косичками и с чисто вымытыми ушами и руками. Перед нами положили листочки линованной в косую полоску бумаги.

Учитель вышел к столу перед партами и начал диктовать сухим, скрипучим голосом:

— «Липа — прекрасное дерево нашей средней полосы. Ли-па пре-крас-ное де-ре-во...» Написали?

Слова были такие лёгкие, они так хорошо писались на бумаге, словно сами собой. Как говорила Александра Дормидонтовна, я «разошлась» и не думала, как и что пишу.

Учитель диктовал дальше:

— «Из ли-пы де-ла-ют-ся раз-ны-е кра-си-вы-е по-дел-ки...» Написали?

Когда диктант кончился, у нас отобрали тетрадки и отпустили домой. Девочки боялись, что наделали ошибок, и наперебой спрашивали друг друга:

— Как ты написала «делаются»: через «е» или через «ять»?

Слово «делаются» писали в то время так: «дѢлаются». Я шла, подпрыгивая, домой, потому что ни в одном таком слове я не написала «е» вместо «ять».

Во дворе меня встретила Александра Дормидонтовна.

— Ну как? — спросила она.

— Всё написала верно,— ответила я весело.— И «ять» везде верно поставила и мягкий знак... А по устному я читала рассказ Толстого «Булька». А наизусть говорила...

— Погоди, погоди,— остановила меня учительница,— скажи мне диктант по слогам.

— «Ли-па — пре-крас-ное де-ре-во...»,— начала я.— «Прекрасное» написала через «е».

— Почему?

— Так! — Я спешила уверить Александру Дормидонтовну, что не сделала никакой ошибки.

— «...Из липы делаются разные красивые подделки...» «Делаются» написала через «ять», «подделки»...

— Постой-ка, ты говоришь, «подделки»?

Я кивнула.

— Но ведь совсем не «подделки», а «поделки». Ничего из липы не подделывают, а поделок из неё действительно много. Не надо было писать два «д». Вот ты и сделала ошибку.

Соседние девочки и мальчики стояли вокруг и слушали.

— Вот так замечательная зрительная память! А ещё хвасталась! — крикнул Санька.

— Ну, память памятью, а думать надо было. Сама виновата,— сказала учительница.

В первый класс меня всё-таки приняли. Когда я прибежала домой с радостной вестью, мама повела меня к Александре Дормидонтовне. В комнатке у неё было много цветов и книг.

— Большое вам спасибо за дочку,— сказала мама.

— Ну что вы! — улыбнулась учительница.— А всё-таки ошибку она сделала.

— Только одну ведь,— сказала я.

— И одной ошибкой можно испортить весь диктант,— ответила Александра Дормидонтовна.— Иногда одна ошибка меняет всю жизнь. Но это тебе ещё не страшно. Беги играй.

Сюрприз

Удивительное чувство испытываешь, стоя у окна вагона. В открытое окно легонько задувает ветерок, обвевая горячие щёки, а перед глазами всё время поворачивается земля и показывается мне со всех сторон. Вот мы проехали мимо красного кирпичного здания станции, и высокая «водокачка», как говорит мама, начала обходить вокруг этого здания: она двигается очень ясно в правую сторону, описывает четверть круга и вдруг скрывается за зелёным бугром.

Всё вокруг меня движется: быстро катятся вагоны, отбегает назад пыльная дорога, и хотя лошадь, запряжённая в телегу, бежит рядом с поездом в одну сторону, она всё-таки вместе с телегой отстаёт, отстаёт... и уходит назад. На узких чёрных полосках земли там и тут видны люди: вот крестьянин шагает за плугом, держась за него обеими руками, и кажется, что это не лошадь тащит за собой плуг, а человек двигает перед собой поблёскивающую белым светом сталь. Вот бегут два мальчика, и за ними торопится кудлатая собачка с завёрнутым на спину хвостом. Не успеваешь вглядеться, а уже открывается новая картина: к поезду выбегает роща, насквозь светлая, прозрачная, и тонкая берёзка на ветру вся стремится навстречу нам, и каждый листочек её блестяще-новый, словно только что родился...

Земля всё развёртывается и развёртывается, невозможно отвести глаз от зелёных откосов, по которым высыпали первые весенние цветы, от маленьких серебряных речек, от переездов, где стоит, ожидая, пока мы проедем, сторож с зелёным свёрнутым флажком.

Он держит флажок перед собой, как свечку в церкви, а сам смотрит на пробегающие вагоны, и мне кажется, этот дядя с прямыми седыми усами, наверно, замечает, что мы с мамой сидим у окна нашего зелёного вагона и едем. Как же иначе? Это же всё устроено для того так замечательно, чтобы перевезти нас на какую-то неизвестную мне станцию — Анну, о которой мама говорит с ласковым блеском глаз, и, когда она спокойно отвечает мне на мои вопросы: «Приедешь — увидишь»,— губы её складываются в улыбку. И, хотя в поезде едет много разных людей, я всё-таки уверена, что сторож именно для нас держит свой весёлый зелёный флажок.

Мне кажется, что всем очень хорошо и приятно жить на этих широких полях, в светлых рощах, под светлоголубым весенним небом. Хочется остаться в любом месте из тех, мимо которых мы проезжаем: можно жить вот в этой железнодорожной будке, ходить гулять в маленький лесок за ней, играть с девочкой, которая стоит, держась за юбку своей матери, и машет мне рукой. Но будка остаётся сзади, впереди новая станция, и мама начинает собирать вещи: она говорит, что мы скоро приедем.

Один раз с тех пор, как мы уехали из Москвы, мы уже приезжали в большой город — Воронеж. Тогда мы ехали вечером и всю ночь, так что в окно ничего нельзя было рассмотреть, а утром я увидела голые ветви деревьев и мокрые крыши какой-то станции, а за ней холодные, неживые поля и застывшие на морозце грязные колеи куда-то ведущих дорог. Потом разогнавшийся было поезд стал убавлять ход, он шёл всё тише, тише, совсем тихо... И вот стена большого вокзала надвинулась и загородила поля, и дороги, и серое, покрытое неровными облаками небо. Мимо окон вагона побежали и громко заговорили какие-то незнакомые люди. Дали звонок — наш поезд прибыл.

«Куда он прибыл? Какой это город? —

думала я.— Что в нём хорошего для меня, раз в нём не будет ни Дуняши с Катюшкой, ни Кондратьева с дядей Петром, ни дедушки Никиты Васильевича, ни «учительницы» Марии Степановны, ни многих из любимых мною людей?»

С площадки вагона я смотрела, как носильщик в белом фартуке, похожий и фартуком, и бородой, и внимательным взглядом на Данилу-дворника, поднимает и взваливает на плечо чей-то тяжёлый чемодан, хватает рукой большую корзинку и, быстро шагая, несёт вещи к широкой двери, над которой написано слово «Воронеж». Мне становится жалко себя и всех, кого я больше не увижу, и слёзы навёртываются на глаза.

И вот, когда мы, пройдя через вокзал, вышли на небольшую площадь чужого мне города и я угрюмо смотрела на круглый садик, около которого стояли извозчичьи пролётки, мама сказала мне: «Не думай, что тут нет никого из родных людей: тут близко живёт Клавдичка»...

И как же встрепенулось сердце, как сразу всё осветилось кругом, и мокрые булыжники мостовой так весело заблестели в косом и бледном солнечном луче! «Близко»,— значит, мы увидимся с Клавдичкой!

Но мы долго с ней не виделись, так долго, что я перестала мечтать о том, когда она приедет к нам. Сначала нам надо было найти квартиру, где жить, потом отец устраивался на работу, потом подошло время готовиться к экзаменам в школу. Я стала заниматься с Александрой Дормидонтовной, и уж некогда было и думать о том, когда же приедет Клавдичка. И однажды, после того, как я выдержала экзамены в первый класс, мама сказала мне, что скоро мы поедем в одно очень хорошее место. А куда — сюрприз!

— Мы поедем к Клавдичке?!.— закричала я.

— Почему непременно к Клавдичке? — сказала мама.— Может быть, совсем и не к ней.

Но мне радостно смотреть в окошко, ждать станцию Анну и думать, что вдруг мы едем к Клавдичке и с нами там случится что-то очень хорошее.

Поезд наш убавляет ход, но впереди я не вижу никакого вокзала. С левой стороны пути, среди полей, виднеется два ряда хат, крытых соломой, ребятишки бегут по улице, как будто собираются догнать поезд. И в самом деле, паровоз наш, словно поджидая их, начинает сбавлять ход, он даёт свисток, вагоны двигаются медленно и останавливаются.

Перед нами узенькая лента перрона небольшой станции; на здании вокзала я читаю крупную надпись: «Анна».

Мы с мамой выходим на площадку вагона и останавливаемся на верхней ступеньке. Станция кажется пустынной; наверно, только с приходом поезда здесь появились немногие приехавшие пассажиры. Перед станционным зданием, там, где висит колокол, стоит человек в красной фуражке, начальник станции.

Поодаль от него высокий человек, глядя куда-то над моей головой, снимает кепку; у него тёмная небольшая бородка, из-под тёмных бровей смотрят ласковые голубые глаза.

В это время кто-то берёт мою руку, я поворачиваю голову и немного внизу перед собою вижу милое лицо Клавдички. Клавдичка загорела, волосы её блестят на солнце из-под лёгкого газового шарфика. Она смотрит на меня снизу своими говорящими глазами. Я кричу восторженно, прыгаю со ступеньки вагона к ней и повисаю на её шее; я не пускаю её ни вперёд, ни назад. Мимо нас проходит тот высокий человек с тёмной бородкой, он поднимается на ступеньки и берёт из рук мамы небольшую нашу корзинку, чемодан и чайник с привязанной к нему крышечкой и целуется с мамой. Когда он спрыгивает к нам, крышечка звенит по чайнику, он смеётся, говорит Клавдичке: «Покажи же мне Сашу!» — и, поставив чемодан на землю, серьёзно протягивает мне большую свою руку.

Это, конечно, и есть дядя Ваня!

— Федот! — кричит он белобрысому парнишке.— Возьми-ка вещи.

И вот мы сидим в плетёном тарантасе на пышно положенном в него сене: Клавдичка рядом с мамой, я — напротив, а дядя Ваня садится на козлы и берёт вожжи. Федот, устроив чемодан сзади и привязав его верёвкой, тоже вспрыгивает на козлы, лошади трогаются, и первое в жизни неизъяснимо чудесное ощущение движения колёс по мягкой земле охватывает меня радостью.

— Как у вас хорошо! — говорю я.

В деревне

Самым замечательным в этой новой, хорошей жизни было просыпаться ранним утром, быстро одеваться и совсем одной выходить за ворота. Как ни удивительно, а солнце уже успело подняться довольно вы-

соко и стоит над ветвями высокого дуба. Вся трава на выгоне перед воротами необыкновенно свежа и ярко зелена. Воздух чист; вчера ещё пыльная, дорога лежит спокойная, приветливая и мягко подаётся под моими босыми ногами.

Рядом с дорогой тянется канава; на южной стороне её поспела земляника. И стоит лишь перепрыгнуть туда, как очарование

— Дядя Ваня уже ушёл?

— Нет ещё,— отвечает Клавдичка.

Ну, тогда всё ничего! Мне всегда делается скучно, когда дядя Ваня уходит без меня. Мы с ним подружились с первых дней, когда я побежала провожать его до больницы и мы разговаривали по дороге. Идти надо было по опушке леса, и дядя Ваня показывал мне и учил различать шероховатые,

Лошади трогаются, и ощущение движения колёс по мягкой земле охватывает меня радостью.

ясного летнего утра овладевает мной во всей полноте, и я, сорвав несколько ягод, сажусь около куста шиповника, усеянного бледнорозовыми душистыми цветами. По розовому лепестку ползёт узенький бронзовый жучок, надо мною гудит шмель, спускается всё ниже, цепляется за лиловатый цветок мышиного горошка и, раскачиваясь вместе с цветком, вдруг опрокидывается и всею тяжестью повисает вниз спинкой. Теперь я могу рассмотреть его цепкие лапки, его мохнатое тельце, его усилия залезть головой в цветок. До чего же всё превосходно здесь, у Клавдички и дяди Вани! Как всё интересно!

Когда я подбегаю к маленькой терраске, где мы обычно пьём чай, я вижу лёгкую фигуру Клавдички. Она стоит на ступеньках, ожидая меня, и говорит, что вот опять я опоздала.

красиво вырезанные листья берёзы, просвечивающие на солнце листья клёнов, гладкую коричневую кору молодой липы и бородавчатые стволики бересклета.

— Лёля, наверно, всё это знает! — воскликнула я в полном восхищении от того, какой интересный мир открывается передо мною. Конечно, дядя Ваня всему научил свою дочку.

— Лёля? — спросил он и вдруг остановился и повернулся ко мне с заметным удивлением: — Ах, да! Ты, правда, могла видеть Лёлю...

— Мы с ней подружились,— ответила я.

— Вот как? И она понравилась тебе?

— Очень! Она такая весёлая и так хорошо играет на рояле! Её все любят.

— Но сама она легко забывает тех, кто её любит,— серьёзно и грустно сказал дядя Ваня; я поняла, что он говорит о себе.

— Ах, нет, совсем нет! — Чтобы было убедительнее, я схватила обеими руками большую руку дяди Вани.— Лёля помнит вас и своих подружек, она рассказывала мне, как хорошо ей жилось в деревне...

— Там, где она живёт сейчас, ей всё же лучше, чем в деревне...— усмехнулся дядя Ваня,— и там её любят.

— А она сказала: «Всё равно, хоть и любят, мне не хочется тут жить, я хочу к своему папе. Я потому здесь живу, что папа хотел, чтобы я училась». И заплакала и всё повторяла: «Папочка мой, папочка!»

Как удивительно может меняться лицо человека! Глаза у дяди Вани стали такие добрые, ясные. Он сжал мою голову ладонями и посмотрел на меня.

— Ты мне принесла большую радость, Саша,— сказал он.— Большую... Ну, пошли!

И весело зашагал по дороге.

Теперь по утрам, когда он идёт в больницу, он берёт меня с собой.

Высокий, немножко сутулый, в чесучовом пиджаке, выстиранном и выглаженном Клавдичкой, он идёт быстро, иногда останавливается и поглядывает на деревья, на небо, на цветы у дороги, а я бегу рядом с ним. Иногда он взглядывает на меня серьёзно, как бы испытующе, и спрашивает, где я была утром. И я с удовольствием рассказываю.

Перед одноэтажным кирпичным зданием больницы всегда видны люди. Они сидят на длинной скамье, в лёгкой тени небольших ещё деревьев: старики, женщины с детьми. Несмотря на солнечный день, женщины закутаны в тёмные платки.

Завидев доктора, многие встают.

— Сидите! — сурово говорит дядя Ваня.— Опять ты пришла, когда надо лежать...

— Где уж там лежать,— отвечает худенькая чернобровая женщина с пятнами румянца на щеках,— чуть не убил меня вчера...

— Значит, работала?

— Работала,— тихо говорит женщина.— Надсадилась, выпрямиться не могу.

— Ну что я с тобой буду делать? — сердито говорит дядя Ваня.— Пойдём, посмотрю...

Я уже знаю, что он сердится на то, что у него нет лекарств, негде положить больных, а у самих больных ужасные условия жизни от постоянных недостатков и деревенской темноты. Об этом он всегда говорит с Клавдичкой.

Эти ужасные условия я увидела, когда дядя однажды взял меня с собой в деревню.

— Ты не беспокойся, Грунечка,— сказал он маме,— я же не поведу её к заразному больному.

В тёмной избе с тяжёлым, кислым запахом лежал мальчик возраста вроде митюшкиного, накрытый старым полушубком. С бледного его лба на цветастую подушку свалилась мокрая тряпка. Глиняный кувшин с водой стоял около него на табуретке.

Дядя Ваня сел с краю около больного, отодвинул полушубок и положил руку на худую, тяжело дышавшую грудь. Потом наклонился и прилёг к груди ухом. Мальчик открыл глаза и тихо сказал:

— В боку колет, дышать нельзя.

— Крупозное воспаление...— будто себе самому сказал дядя.— А мамка где?

В это время отворилась дверь, и вошла молодая женщина с крынкой в руках.

— Квасу я принесла, сыночек,— сказала она и поклонилась доктору.

— Квасу! — сказал дядя Ваня.— Ты бы лучше молока ему принесла: рёбра-то все пересчитать можно.

— Где у нас молоко? — ответила женщина.

— Ну вот что, мы поставим немедленно компресс: надо парня спасать, у него тяжёлая болезнь.— Дядя открыл чемоданчик, бывший с ним, достал тряпку, клеёнку, бинт.— Вот что будем делать, смотри-ка, мать.

Он поставил меня посреди избы и стал на мне показывать женщине, как надо положить компресс при воспалении лёгких. Когда он, обернув меня сложенной вдвое полотняной тряпкой, потом жёлтой прозрачной клеёнкой и слоем ваты, стал бинтовать, мне стало очень жарко, но я терпела: мне было интересно внимание, с которым женщина смотрела.

Но это внимание вдруг чем-то озаботило дядю, он задумался и, сказав «Не так!», быстро разбинтовал мне грудь. Потом он достал ножницы и, расстелив на столе тряпку, скроил из неё, из клеёнки и ваты три безрукавки, сам их сшил на плечах и стал надевать на меня по очереди: сначала полотняную, потом побольше — клеёнчатую, потом — ватную, которая была больше клеёнчатой, показывая женщине, что каждая следующая должна прикрывать предыдущую. У женщины просветлело лицо: она поняла, в чём дело.

— Ну, теперь я положу компресс. Помогай-ка,— обратился он ко мне.

Помню, каким необыкновенно ответственным делом казалось мне прикладывать намоченную тряпку к груди мальчика, поддерживать его горячую, пахнущую потом руку. Дядя забинтовал ему грудь и сказал женщине отрывисто:

— Завтра приду. Сама ко мне не бегай. Никогда не забывал ещё... Будет хуже — возьму в больницу. Пол и окна вымой.

Когда мы вышли и я глубоко вдохнула чистый воздух, он сказал ворчливо:

— К празднику полы, лавки, окошки моют, а больной может лежать в грязи, это их не беспокоит. Темнота! Ты не боялась больного? — И, увидев, что я отрицательно мотаю головой, прибавил: — Делать-то, друг мой, что-нибудь всегда интересно.

И в другой, еще более грязной избе дал мне держать руку женщины со страшным нарывом на ладони. Две маленькие девочки в сарафанах сидели на лавке, со страхом глядя на блестящий нож в руке дяди Вани, и пронзительно вскрикнули, когда он разрезал нарыв. В люльке сидел годовалый ребёнок и сосал горелую корку чёрного хлеба. Личико у него было совсем прозрачное, голубые глаза смотрели беспомощно и робко.

— Почему он такой худенький? — спросила я у женщины.

— Бедствуем хлебом, недоимки замучили,— ответила она не очень понятно для меня.

Когда мы шли домой, я спросила:

— Дядя Ваня, а почему они бедствуют? Вон ведь сколько кругом хлеба посеяно. Клавдичка говорит, что земля здесь хорошая, урожайная.

— Так ведь земли-то у крестьян нет. У них, ты видела, узкие полоски. С таких полос никогда хлеба на зиму не хватает.

— А недоимки — это что?

— Недоимки — это долги: помещикам за землю платить надо, подати платить тоже надо.— Дядя Ваня увидел по моему лицу, что мне это непонятно: — Крестьяне наши — забитые, тёмные и бесправные люди, потому что их довели до нищеты,— начал он.— После освобождения крестьян правительство оставило их без земли, с жалкими полосками, нарезанными «на душу». Землю мужик арендует у помещика, а тот, пользуясь безвыходным его положением, берёт с него безмерно высокую плату. Из своего жалкого урожая крестьянин никак не может расплатиться с казной и помещиком, за ним всегда остаются «недоимки». И чиновники жестоко собирают их. И крестьянин всегда голодает... Понимаешь теперь,— спросил он меня,— почему мы с тобой, заходя в крестьянские избы, постоянно видим голодных детей?

— Понимаю,— ответила я.

Мне кажется, что дядя Ваня с удовольствием берёт меня с собою, а когда он что-нибудь объясняет мне, взглядывает на меня и спрашивает, поняла ли я.

— Тебе, конечно, многого не понять,— говорит он,— ты мала ещё, но надо, друг мой, учиться всё видеть правильно вокруг себя.

Случилось, что дяде Ване как-то к вечеру понадобилось навестить заболевшего помещика, к нему надо было ехать на лошади, и он взял меня с собой «прокатиться». Сначала мы ехали лугами, переезжали по каким-то тряским мостикам через маленькие, уютные речки, потом дорога пошла по лесу. И как же замечательно бежала она среди высоких деревьев, разделяясь и обходя то прекрасную матерински склонённую липу, то группу весёлых молодых клёнов!

Наконец мы подъехали к усадьбе с белыми каменными воротами и прекрасной берёзовой аллеей. Но эти ворота оказались забиты, так что нам пришлось объехать через широкий двор, покрытый зелёной травкой. Мы остановились у заднего крыльца большого дома; на террасе ветер надувал парусами суровые занавески.

Дядя Ваня велел мне подождать, пока он посмотрит больного, и ушел в дом. Федот немного отъехал от крыльца, поставил лошадь к тележке, и лошадь стала выхватывать из-под меня сено. Я слезла с тележки и пошла по двору. Странно, но в таком большом доме жило мало людей, и никто не попался мне навстречу. Потом я рассмотрела, что окна огромного дома все были как-то пусто-темны и только в двух горел свет. Я заглянула в окна и остановилась как вкопанная.

В комнате около стола сидел дядя Ваня напротив пожилого, очень полного человека в пёстром халате. Комната вся была заставлена мебелью: в ней стоял рояль, шкафы, а по стенам на высоте человеческого роста... висел ряд стульев. «Наверно,— подумала я,— когда к хозяину собирается много гостей, они рассаживаются там на стульях и болтают ногами!» Долго я рассматривала необычайное убранство комнаты и отошла только, когда дядя стал прощаться.

Хозяин вышел провожать дядю на крыльцо. Когда мы отъезжали, я слышала, как он визгливо кричал кому-то: «Я тебе что сказал? А? Что я тебе сказал?»

Помню, как поздно ночью после сильного, но короткого дождя едем мы с дядей и Федотом в тележке, возвращаемся домой. Чёрный лес окружает нас, и, покачиваясь на постеленном в тележке сене, я вижу, как движутся над нами, появляясь и уплывая назад, ветви деревьев, и за ними глубоко и далеко горят звёзды, течёт Млечный путь, и где-то в лесу — непонятно, откуда она попала в этот большой, густой лес — лает собака.

— Дядя Ваня,— спрашиваю я,— откуда же ночью в лесу собака?

— Так это помещик Чернышёв, а не собака,— отвечает сидящий на козлах Федот,— такой скупой, нехай бы он сдох! Сторожа нанять скупится, собаку тоже кормить надо... Вот он сам и ходит по ночам по лесу и лает собакой — пугает воров.

Я этому беспрекословно верю, потому что Федот, по моим наблюдениям,— человек знающий: он всегда всё может объяснить, совершенно не задумываясь над тем, о чём его спрашивают. Но, главное, сейчас я сама видела в окне помещика необыкновенную вещь и всему могу поверить.

...Дядя Ваня смеётся над словами Федота, а я — чего, видно, не бывает! — представляю себе большого человека с тёмной бородой, как он осторожно ходит по лесу, стараясь не хрустнуть веткой, вглядываясь блестящим звериным глазом в темноту деревьев, и... лает. Человеку, должно быть, страшно ходить так одному, хотя он и скупой и плохой. Я придвигаюсь поближе к высокому сутулому человеку, сидящему рядом со мной, который здесь, в лесу, чувствует себя как дома; он всё знает и может объяснить всё, о чём его ни спросишь.

— Дядя Ваня, он страшный, этот Чернышёв?

— Нет, он не страшный, девочка, он действительно очень скупой человек: вот про него и рассказывают разные истории.

— А этот, у кого стулья висят на стене, тоже скупой?

— Этот? Нет, Киреев не скупой, наоборот: он всё прожил, прокутил и продал свой дом богатому тамбовскому помещику, договорился только — оставил себе две комнаты. Собрал туда всю мебель, так и живёт. Бесполезный человек!

— Вот и верно, Иван Николаевич,— говорит Федот,— человек он бесполезный. Никому доброго слова не скажет. А новый не въезжает, боится: крестьяне сожгут.

— Зачем его сожгут? — не понимаю я.

— А как же? — говорит Федот.— Помещики не работают, а крестьяне гнут спину с утра до вечера. Теперь терпение крестьян кончилось, они и жгут.

Вот какое дело: оказывается, и здесь, где всё так красиво и прекрасно, одни люди работают, другие — нет.

— А у нас на фабрике,— говорю я,— хозяин тоже никому доброго слова не скажет...

— Чего же «им» говорить, когда «они» рабочих за людей не считают! — Федот хлещет кнутом по спине лошади, и она прибавляет шагу.— А рабочие им показали!

— Ох, Федот, хватит, пожалуй, разговоров,— говорит дядя Ваня.

— Да я только при вас, Иван Николаевич.

— Знаю я прекрасно. Смотри лучше, в овраг не завези.

Овраг, по краю которого мы едем, похож на глубокий длинный ров и называется «Окопы Кудеяра».

— А почему он так называется?

— Ну, Федот, объясни ей, если хочешь, поговори...

— А это по имени разбойника Кудеяра,— охотно говорит Федот.— Его сильно помещик один обидел. Кудеяр девушку полюбил, красавицу собою и умницу, а помещик её увёз, да и поселил у себя, посадил её на хлеб, на воду. Она, видишь, помещика-то гнала от себя, она Кудеяра любила. Помещик её и убил. А Кудеяр сжёг его дворец, самого бросил в реку с обрыва и сделался разбойником. Стал подкарауливать купцов и помещиков, отнимал у них деньги и раздавал бездомным людям. Так что и не разбойник вовсе он был, а хороший человек.

— Ты, кажется, по-другому рассказывал раньше,— говорит дядя Ваня.— Раньше у тебя Кудеяр не жёг помещика.

— Жёг,— уверенно отвечает Федот,— я же знаю, что жёг.

...Лето было жаркое, солнечное, и нам с мамой было так хорошо в деревне. Мы ходили купаться на реку Битюг, ходили на «порубку» собирать землянику и далеко в лес за малиной.

Но главная радость в это лето была в постоянно радостном удивлении окружающему. После жизни в городе я попала в такой огромный мир деревенской природы, полный движения и перемен, где каждое мгновение происходило что-то новое для меня... Так, за плетнём, окружавшим сад, рассматривая мягкие листья липы, блестящие — клёна, вырезные — дуба, я прислушивалась и пригля-

дывалась к жизни разных мелких лесных обитателей. На молодых дубовых листьях снизу сидели белые шарики, которые назывались «чернильные орешки». Интересно было, откуда они берутся. Интересно было прислушиваться к голосу кукушки, много раз специально для меня начинавшей счёт нового большого числа лет жизни, и подсказывать ей, чтобы она накуковала побольше, побольше...

В этом лесу со мной происходило что-то непонятное, чего раньше не бывало. Сидишь так на плетне, упершись пальцами босых ног, смотришь и думаешь о чём-то, и слова сами складываются как-то особенно:

...И дальше в лес пройти,
Там, где кусты малины
И ежевикою и хмелем обвились...

Выходит вроде стихов, и это очень меня занимает.

Пожар

В этот день было душно, и думали, что к ночи соберётся гроза. Но, хотя гром и ворчал где-то за лесом и над открытым и видным из дома Заречьем даже «заходила» туча, вечерком открылось такое ясное, чистое небо!

Все долго сидели на террасе, и меня не посылали спать.

Стало совсем темно, и сильно запахло скошенной травой.

— Посмотрите-ка,— сказал дядя Ваня,— а ведь это пожар!

В той стороне, куда он показывал, был спуск к реке; днём там виднелись кудрявые ивняки на её берегах и на солнце всплескивала вода в Битюге на большом плёсе. За полосой ивняка расстилались широкие луга. По лугу бежала дорога и уходила в какую-то очень широкую и безлесную даль. Днём там, казалось, очень далеко, были видны деревни. Сейчас впереди всё было ровно — тёмное под вечерним небом с тусклым сегодня светом звёзд.

Клавдичка и мама вгляделись, и мама вскрикнула:

— Горит!

В этой широкой безлесной дали, как будто за горизонтом, горел большой костёр, и нам было видно розовое его сияние.

— Это большой пожар, горит деревня Садовая,— сказал дядя Ваня. — Небо дымом занесло,— значит, большой,— и стал объяснять маме, что у них горят деревни очень часто. Избы крыты соломой, если заронить огонь в одной избе, ветром перекинет пожар на всю деревню. Нынче, может быть, и молнией зажгло, так как тучи ходили в той стороне, и счастье, что к ночи ветер стал стихать, а то бы пожар был громадный.

Когда зарево пожара уже побледнело и опало, все так и оставались сидеть, тихо разговаривая, и мама сказала мне, что и я могу посидеть.

Вдруг откуда-то издали послышался шум колёс по дороге: кто-то подъезжал к дому.

— Ну, катит к нам! — с неудовольствием сказал дядя Ваня и поднялся встречать.

Так появился в первый раз при мне человек, которого встретили внешне вроде и хорошо, но с явным скрытым недовольством. Это, как я потом узнала, был становой пристав Авдеев и с ним урядник, немолодой уже человек, которому Авдеев постоянно приказывал и посылал его всюду как подчинённого ему человека.

Войдя и поздоровавшись, Авдеев сразу же спросил, усаживаясь, как у себя дома:

— Видели пожар? Говорят, грозой зажгло. Сейчас едем туда, воочию убедимся.

Мама сейчас же послала меня спать, и я плохо рассмотрела гостя в этот вечер. Но потом я видела его несколько раз, и всегда с появлением его у меня связывалось впечатление темноты, пожара и какой-то необходимости для дяди Вани и Клавдички принимать этого человека. Как будто они оба вовсе не хотели, чтобы он приезжал к ним, но становой этого не замечал и ездил, хотя ему и не были рады.

Он был высокий, плечистый человек, одетый в форменный мундир, в котором ему, наверно, всегда было жарко. Лицо его с чёрными усами было гладкое, розовое; широкие щёки и толстая шея. Когда он шёл животом вперёд, казалось, что он и представить себе не может, чтобы кто-нибудь не посторонился, не уступил ему дорогу.

— Ну, как тут у вас? — спрашивал он.— Много больных?

— Больных достаточно,— отвечал дядя Ваня.— Места для больных недостаточно.

— Превосходно! — говорил становой, видимо, не вникая в смысл ответа. — Где же Клавдия Николаевна?

Но Клавдичка уже входила в комнату, и гость шёл к ней, здоровался и говорил всегда одно и то же:

— Вы на меня, Клавдия Николаевна, произвели неизгладимое впечатление!

Я очень ясно понимала, что Клавдичке он неприятен и говорит он то, чего вовсе и не думает.

— Он тебе неправду говорит, Клавдичка,— однажды сказала я.

— Я знаю, друг мой. Мне это неприятно, но, к сожалению, запретить ему говорить это я не могу. И этот,— Клавдичка брезгливо вздрогнула,— и ещё некоторые люди ездят к нам не потому, что они любят нас и интересуются тем, как мы живём, а потому, что их служба заключается в том, чтобы следить, что мы делаем.

— Он кто? — спросила я.

— Он полицейский начальник. Тебе понятно?

Это мне было понятно, я кивнула головой.

— А так как им очень интересно знать, кто у нас бывает, они портят нам и те редкие хорошие вечера, когда собираются наши друзья.

И на самом деле, становой часто приезжал, когда к дяде Ване собирались гости: студенты, проводившие лето в деревне, фельдшер Василий Митрофанович, уже немолодой человек, который, только входя на крыльцо, поднимал обе руки и, плавно разводя их, начинал басом:

— Ве-чер-ний звон, ве-чер-ний звон...

Он знал, что непременно будут петь хором: и дядя Ваня и Клавдичка очень любили петь. Мать тоже радостно присоединялась к ним.

Но больше всех мне нравилась артистка Наталья Матвеевна Сереброва, весёлая, живая, с чудесным голосом. Откинув назад белокурую свою головку, она чуть свысока смотрит на людей, но ей это идёт, и поэтому Наталья Матвеевна всем нравится. Она гостила у своего родственника, священника ближайшего села, по вечерам часто приезжала к нам и бывала, по словам Клавдички, «громоотводом», когда появлялся Авдеев. Отец Натальи Матвеевны был губернатором на Дальнем Востоке, и по одному этому становой считал её надёжным человеком. Его не смущали даже ходившие о ней толки.

— Мы эти прогулки прекратим! — крикнул становой.

Но она-то и умела высмеять его. Однажды Авдеев приехал, когда все сидели на ступеньках крыльца, а фельдшер управлял хором. Только что кончили петь про казака и дивчину.

— Теперь спойте «Генерал-майор Бакланов»! — предложил становой.

Песня про этого неизвестного мне генерала состояла всего из трёх слов, которые пели на один и тот же мотив, но с различным выражением. Начинали, допустим, быстро:

«Ге-не-рал-майор Бакланов!
Ге-не-рал-майор Бакланов!»

и замедляя:

«Ба-а-кланов — генерал,
Ба-а-кланов — генерал».

Вот и всё! Но всё дело было в выражении лица и всей фигуры капельмейстера: он мог неожиданно переменить темп, сделать паузу — и песня всего из трёх слов могла выразить любое чувство и всегда доставляла необычайное удовольствие исполнителям. Можно было спеть так, что ясно чувствовалось: кого-то из присутствующих высмеивают. Но это я поняла, лишь когда в этот раз Наталья Матвеевна вызвалась дирижировать хором. Она сказала, что очень хорошо умеет это делать.

Наталья Матвеевна стала спиной к Авдееву — фельдшер уступил ей своё капельмейстерское место — и подняла обе руки. Вероятно, хором она управляла довольно умело, она даже запевала сама, но главное, что лицо её с первых тактов выражало столько самодовольной тупости, что нельзя было удержаться от смеха: все поняли, о ком пойдёт песня.

«Ге-не-рал-майор...» — запевает Наталья Матвеевна, и вдруг голос её срывается, и, задыхаясь, как бы в страхе, она шепчет: «Бакланов!» — и все видят его подчинённых, которые боятся и трепещут перед ним...

Половина следующего куплета поётся уже, широко разливаясь, очень важно: и лицо Натальи Матвеевны и самая важность её жестов показывают, о каком важном и достойном человеке рассказывается в песне. Старательно «гудит басом» Василий Митрофанович, и сам дядя Ваня с увлечением изображает голосом человека уважаемого...

И вдруг Наталья Матвеевна звонко выкрикивает «Ба-а-кланов — генерал!», и как это выходит, я не знаю, но мы понимаем, что кто-то открыл, обнаружил мелкую, подленькую сущность человека.

...Вечереет. Все тесно сидят на крыльце и, глядя в лукавые, выразительные глаза, едва удерживаясь от смеха, поют, рассказывая песней про тупого и злого, но властного человека, а совершенно лишённый слуха становой слушает с огромным удовольствием.

— Вот он! — говорит он, надувая толстые щёки.— Это славная песня. А то разведёте про разных казаков и дивчин, пусть те песни хохлы немазаные поют... Зам-мечательно разносторонние таланты у вас, Наталья Матвеевна,— добавляет он, когда песня закончена.— А что это рассказывают о какой-то истории в церкви? Я не слышал, но разговоров уйма!

— Да, это вышло очень здорово! — смеётся Наталья Матвеевна.— В прошлом году я была в Новом Афоне, там на каждом шагу монахи. Предлагают посетителям осмотреть их хозяйство и самый храм. И попался мне проводник, на загляденье красивый. Ходили мы с ним, ходили по жаре — я, конечно, под зонтиком — и вышли на аллею к церкви. Я говорю ему: «Что же вы, такой молодой и здоровый человек, пошли в монахи? Вам,— говорю,— трудиться надо!» Он посматривает на меня, отвечает. И так, заговорившись, идём да идём. Поднялись на ступеньки, вошли в церковь — народу было немного, и, вижу, все на меня оглядываются А он показывает мне роспись на стенах... Вдруг какой-то священник от алтаря подаёт мне знаки. Осмотрелась я — и ахнула: стою в церкви под зонтиком! — И она засмеялась.

— Ну, это ещё ничего...— сказал становой.— Вам-то, дорогая, всё можно... Папаша — господин губернатор, кто же вам может запрещать что-нибудь?

Однажды днём мы услышали бубенчики авдеевской тройки. Приближаясь к нам, они заливались таким ретивым, тревожным звоном, что Клавдичка сказала:

— Скачет вовсю: что-нибудь случилось.

Становой шёл по ступенькам лестницы и так тяжело ступал сапогами, как будто хотел втоптать все эти ступеньки в землю. Лицо его, красное от солнца — день стоял жаркий,—буквально обливалось пóтом, толстые щёки прыгали, когда он почти крикнул:

— Подожгли, мерзавцы! Где Иван Николаевич?

С мамой он даже не поздоровался. Я сидела рядом с ней и смотрела, как она вышивает.

— Уехал по деревням,— ответила Клавдичка.

— Именно в это время?! — крикнул становой.

— Постоянно уезжает, в любое время...
— Ах, постоянно? Мы эти прогулки прекратим!
— Об этом уж вы говорите с Иваном Николаевичем,— сдержанно ответила Клавдичка.
— Да уж, побеседуем!
Становой сел к столу и забарабанил пальцами. Сегодня он не говорил о том, что Клавдичка произвела на него «неизгладимое впечатление».
— В какую деревню он поехал и когда?
— В Курлак. Закончил приём в больнице и поехал.
— Курлак в другой стороне...
— От чего в другой стороне?
— От имения Чернышёва, конечно!
— Значит, что же? Сожгли дом Чернышёва?
— Да что вы, не слыхали, что ли? И дом и все постройки! — ответил становой.— Скот выгнали и подожгли сараи.
— Как же вы так кинулись к нам? — укоризненно качая головой, сказала Клавдичка.— Будто думали, что Иван Николаевич поехал поджигать вместе с крестьянами? Как вы могли только подумать такое, Прокопий Михайлович?
— Ну, в этом вы меня не учите, уважаемая,— грубо вспылил становой,— человек, способный оказаться под надзором полиции, способен и крестьян мутить. Тем более в такое время, когда беспорядки, с которыми справились в городе, продолжаются в деревне...
— Ах так? — сказала Клавдичка, широко открыв свои чудесные глаза и сделавшись похожей на милую, скромную девочку.— А я, представьте, думала, что революция совсем закончилась...— но глаза её, сейчас лукавые, как у Натальи Матвеевны, когда она управляла хором, так и блеснули в нашу сторону.
— Те-те-те,— погрозил ей пальцем становой, как будто развеселясь немного,— хотя вы и замечательная женщина и некоторая доля хитрости женщину только украшает, но здесь вы меня не проведёте. Вы, как и ваш братец, прекрасно знаете, что когда в лесном пожаре потушили главный огонь, надо смотреть, чтобы огонь не переполз по тлеющей траве и чтобы не вспыхнул другой такой же очаг...
— Так как же? — участливо спросила Клавдичка. Было понятно, что она переводит разговор на другое.— Чернышёв много потерял из-за пожара?..
— Да уж отстраиваться придётся заново,— ответил Авдеев, поддаваясь на сочувственный тон Клавдички.— По-человечески жалко: ведь дом был полная чаша. Ведь чего-чего не было у него: одних вин и наливок как-кие запасы были!
— Но, кажется, он был очень скуп?
— Что вы! Угостить не жалел... Меня, к слову сказать, всегда угощал на славу! Именно по-человечески его и жаль.
— Но вот... Был недавно другой пожар,— поднимая голову над шитьём, взволнованно сказала мама,— горела деревня Садовая, нам было видно отсюда... Сколько же людей осталось без крова, без пожитков!..
— Всех не пережалеете,— небрежно махнул рукой Авдеев,— а этих... и вовсе нечего жалеть. Там дело сомнительное: пожар начался с лавки купца Бородулина и потом уж на избы перекинулся. Так что, может быть, и тут надо карать, а не жалеть.

Ещё были солнечные дни и тёплые августовские вечера, но мы должны были ехать в город. Начиналась новая для меня полоса жизни: ученье в школе. Мы простились с Клавдичкой и дядей Ваней, но ненадолго: теперь мы близко живём друг от друга. На прощанье дядя Ваня похлопал меня по плечу и сказал:
— Ну, что же, Клавдичка, как будто Саша молодцом! Приезжай к нам гостить на будущий год.
В Воронеже нас радостно встретил отец. И на другой же день мы пошли вместе с ним в книжный магазин Агафонова. Небо было туманное, «городское», сеял мелкий дождь.
В магазине отец подвёл меня к прилавку и стал называть продавцу учебники, которые мне нужны были для первого класса. Продавец оборачивался к полкам, доставал новую книжку и клал на прилавок. Книжки были все чистые, в разных переплётах. Потом продавец сложил их все вместе, посчитал на счётах, сколько за них надо платить, и связал книги бечёвкой. Отец взял их с прилавка и передал мне со словами:
— Держи-ка: учение — это то, что я могу тебе дать.
Он давал мне гораздо больше, чем только учение.
Я обхватила книги двумя руками, нюхая, как хорошо пахнет от них новой бумагой и клеем. И, поклонившись продавцу, мы с отцом вышли на улицу.

ВЕЛИКИЙ ПОЭТ ГЕРМАНИИ

Константин Паустовский

В одной из сказок Андерсена замёрзший розовый куст покрывается среди зимы белыми душистыми цветами, когда к нему прикоснулась добрая человеческая рука.

Эта сказка могла бы быть написана о Фридрихе Шиллере. «Он обладал даром,— сказал о Шиллере Гёте,— облагораживать всё, к чему прикасался».

У меня на столе лежит старая книга — биография Шиллера. На первой странице этой книги под портретом Шиллера чьей-то дрожащей, очевидно, старческой рукой написано: «Чудный, благородный человек!» Когда я смотрю на эту надпись, я не могу избавиться от мысли, что тот, кто написал эти простые и верные слова о великом немецком поэте, наверное, оплакивал его.

Я невольно ищу на страницах следы слёз. Но книге больше семидесяти лет. Слёзы давно высохли. Их заменило в наших сердцах благоговение к поэту и горечь за него, умершего так рано, измученного жестокостью и самомнительной глупостью «старой доброй Германии».

Никто из биографов Шиллера даже не пытается объяснить, каким чудом из среды скучного немецкого мещанства, из образцовой казармы наглого герцога Виртембергского вышел этот блистательный, смелый, пленительно простой и благородный поэт и по полному праву стал в ряды тех людей, которых мы называем «украшением человечества».

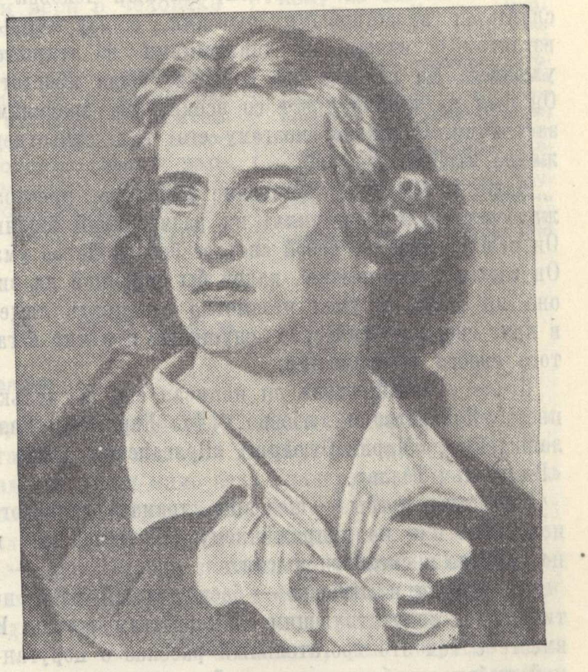
Шиллер учился в военной школе с тупым военным режимом. За малейшее проявление живой мысли учеников этой школы карали заключением в крепость на несколько лет.

И вот там, в этой казарме, он написал свою первую бунтарскую пьесу — «Разбойники».

Он проклинал тиранов, он верил в спасительность народного восстания, он призывал к нему во имя свободы, достоинства и совершенства человека.

Недаром Национальное собрание Франции приняло его в 1792 году в число французских граждан. Декрет об этом был подписан Дантоном.

Во Франции даже не знали толком его имени,— эта великая честь была оказана автору «Разбойников» «господину Жиллю».

Фридрих Шиллер.

«Разбойники» были написаны в тёмной каморке старого казарменного сторожа. Там Шиллер прятался от ястребиных глаз своих начальников.

Удивительна всё же судьба многих первых книг, составивших потом эпоху в культуре. «Разбойники» написаны где-то под лестницей, прекрасные стихи Бернса — в шотландской хижине с такими узкими окнами, что сквозь них едва просачивался свет, многие рассказы Чехова — на подоконнике в бедной московской квартире, сказки Андерсена — в дешёвых номерах провинциальных гостиниц.

Но эти убогие жилища озарены в нашем представлении волшебным светом молодости и таланта и кажутся нам великолепнее самых красивых и величественных дворцовых залов.

Пьеса Шиллера прокатилась по Европе, как внезапный удар грома. На затхлую Германию дохнуло ветром. Подходила гроза.

Шиллер — глашатай этой грозы — вынужден был бежать из Виртемберга, чтобы не попасть в крепость. Герцог был разгневан появлением дерзкой пьесы.

С тех пор началась скитальческая и трудная жизнь Шиллера. Он был штатным драматургом в театре, издателем журнала, преподавателем истории, но прежде всего поэтом и человеком огромного личного обаяния.

По словам его современников, духовная чистота Шиллера, романтическая его настроенность, сила его мысли, его доброта и наполненность поэзией — всё это отражалось даже на его внешности.

Это был высокий и худой, бледный человек со светлыми каштановыми волосами, с задумчивым взглядом, с изящными движениями и открытой улыбкой. Но главное его свойство была простота. Он был не только прост со всеми, но временами застенчив. Очевидно, поэтому его так самоотверженно любили друзья.

Даже мимолётное появление Шиллера преображало людей и весь уклад их размеренной жизни. Он всюду вносил с собой светлое беспокойство ума. Он всюду видел поэзию, какой бы скромной на вид она ни была, и умел незаметно втягивать людей в круг своих поэтических ощущений и в мир богатого своего воображения.

После «Разбойников» он написал ещё несколько пьес: «Коварство и любовь», «Дон Карлос», «Валленштейн», «Мария Стюарт», «Орлеанская дева» и «Вильгельм Телль».

Все эти пьесы — шедевры драматургического искусства как по напряжённому действию, так и по глубине и смелости мысли.

«Коварство и любовь» — беспощадный удар по тирании и сопутствующим ей мерзостям жизни. И вместе с тем это трогательный рассказ о поруганной любви и гибели прекрасной девушки.

Эта пьеса до наших дней не сходит со сцены театров всего мира. У нас она была особенно популярна во времена гражданской войны.

Я был однажды на представлении «Коварства и любви» в Киеве на второй или третий день после занятия города Красной Армией.

В зрительном зале сидели вооружённые, полуголодные, пахнущие порохом красноармейцы. Накал среди зрителей достиг такой силы, что актёр, игравший негодяя-президента, боялся, как бы из зрительного зала по нему не начали стрелять.

У него, как оказалось, были веские основания для этого. В задних рядах кто-то крикнул: «Ну, погоди ж ты, гад, паразит!». Щёлкнул затвор. В зрительном зале тотчас началась невнятная и упорная сутолока: это товарищи отнимали винтовку у бойца, впавшего в неистовый гнев.

Прекрасно описан примерно такой же спектакль у Федина в его романе «Необыкновенное лето».

Два таких великих немца, как Шиллер и Гёте, не могли не встретиться.

Шиллер переехал в Веймар, познакомился там с Гёте, и вскоре это знакомство перешло в глубокую дружбу. Гёте говорил, что после встречи с Шиллером «все в нем радостно распустилось и расцвело». А знаменитый немецкий учёный Гумбольдт, знавший и Гёте и Шиллера, утверждал, что влияние этих двух великих людей друг на друга было прекрасно и плодотворно.

Когда Шиллер тяжело заболел и стало ясно, что смерть близка, то это скрыли от Гёте. «Великий старец» был болен, и домашние боялись его волновать. Но Гёте догадывался. Он боялся спросить окружающих о состоянии Шиллера, чтобы оставить себе хоть какую-нибудь надежду на его выздоровление. Он тихо плакал напролёт несколько ночей и никого к себе не пускал.

О смерти Шиллера он узнал, услышав рыдания своей старой служанки. «Я был уверен, — писал потом Гёте, — что сам умру. Я потерял друга и в нем половину своей жизни».

Недаром Гёте и Шиллеру поставлен один общий памятник. На постаменте они стоят рядом.

Советские солдаты, как только освободили Веймар от фашистов в 1945 году, ещё пыльные и истомлённые боем, осыпали цветами могилы Гёте и Шиллера, как бы подтвердив этим, что в стране, где жили два великих немецких поэта, никому не будет позволено разбойничать и гасить человеческий разум.

ПОВЕСТЬ О МАЛЬЧИКЕ РЕМИ И ЕГО ДРУЗЬЯХ

Ю. Новикова

Повесть «Без семьи» читали в детстве не только ваши родители, но, возможно, даже ваши бабушки и дедушки. И для многих из них книга французского писателя Гектора Мало стала любимой книгой, а её герой Реми — любимым героем, запомнившимся на всю жизнь.

Каких только происшествий не случается с Реми! На этого маленького воспитанника доброй тётушки Барберен один за другим обрушиваются удары судьбы. Муж тётушки Барберен отдаёт мальчика в труппу бродячего актёра Виталиса. И вот вместе с обезьянкой Душкой и собаками — лукавым Зембино, ласковой Дольче и преданным Капи — путешествует Реми в холод и зной по дорогам Франции. На одной из этих дорог в снежную ночь замерзает его хозяин, старик Виталис, к которому Реми только-только успел привязаться. Та же участь едва не постигает и самого Реми.

На короткое время мальчик находит приют в семье садовника Акена. Но снова разражается несчастье, и Реми вынужден странствовать по дорогам. И опять с ним случаются десятки разнообразнейших приключений, о которых вы узнаете сами, когда прочитаете эту книгу.

Лишь после множества тяжёлых испытаний мальчик находит свою настоящую мать... Богатство и знатность, обретённые после цепи злоключений, — излюбленный конец многих книг, написанных для ребят до революции. Авторы таких книг как бы награждают своих героев за долготерпение и покорность судьбе.

Но повесть Гектора Мало непохожа на эти по большей части слащавые произведения. Она прежде всего правдива. Читая её, мы знакомимся с подлинной жизнью Франции семидесятых годов прошлого века, с беспощадной властью денег, властью, которая и сейчас ещё царит в капиталистических странах, с горькой участью бедняков...

Все симпатии Мало на стороне бедняков, но он рисует их образы без всякой слезливости, сдержанно, даже несколько сурово.

Лучшие герои этой книги не только добры: они мужественны. Мужество и гордость не покидают в несчастье Виталиса, стойко противостоит судьбе друг Реми — Матиа, большую твёрдость и силу воли проявляет старый откатчик, поддерживающий товарищей во время катастрофы в шахте. Смело глядит в глаза жизни главный герой повести — Реми.

Правдивость и вера в человека не позволили книге Мало состариться и потускнеть. И мы убеждены, что вы, ребята, полюбите маленького Реми и с радостью прочитаете эту книжку. А дочитав её до конца, вы невольно вспомните слова, которые автор вложил в уста мудрого Виталиса: «Судьба не отворачивается надолго от тех, кто имеет мужество с ней бороться».

Кому из вас не знакомо имя Петра Ильича Чайковского! 7 мая 1955 года исполнилось 115 лет со дня рождения композитора. Если вы хотите ближе познакомиться с его жизнью и творчеством, прочитайте книгу А. Алтаева «Чайковский». Автор рассказывает о том, каким неутомимым тружеником был всю жизнь великий композитор, создавший такую чудесную музыку.

«Граница в огне»

Владимир Беляев

Это случилось на рассвете 22 июня 1941 года. Пограничник Николай Сорокин, стоявший на берегу Западного Буга, первым заметил войска фашистов, переходившие советскую границу, и дал сигнал красной ракетой.

Сигнал означал: «Спешите на помощь». Николай Сорокин погиб в неравном бою, но его родная тринадцатая застава во всеоружии встретила врага. Заняв круговую оборону, советские пограничники сражались с гитлеровцами до 5 июля 1941 года — целых две недели! В ту пору фашистские танки, уже прорвав линию государственной границы, продвигались по территории нашей страны. Враги захватили Львов, Луцк, Тернополь, Ровно, Станислав, Дрогобыч и выходили на подступы к Киеву. А горсточка пограничников продолжала упорно удерживать свои позиции в тылу наступающей гитлеровской армии.

Герои погибли, но до последней минуты их жизни над развалинами заставы развевалось алое знамя Родины.

Спустя два года после нашей победы над гитлеровской Германией, летом 1947 года, я проезжал на военном «газике» по пыльной просёлочной дороге над Западным Бугом мимо села Скоморохи. Мой попутчик полковник пограничных войск А. Касперович показал на груду развалин, возвышающихся на холме:

— Вот остатки знаменитой «Лопатинской заставы». Здесь сражались с фашистами пограничники под командованием лейтенанта Лопатина.

Ульяна Даниловна Баштык.

Помню, как потрясло меня тогда величие этого подвига. Захотелось подробнее узнать историю героического сопротивления пограничников, чтобы потом рассказать о нем читателям.

Мы поднялись на холм к «Лопатинской заставе». Кое-где из-под обрушившихся кирпичных стен проглядывали крепкие полукруглые своды подвального этажа. Под красной кирпичной пылью и обломками попадались различные предметы, которые были немыми свидетелями напряжения последнего боя: разорвавшиеся в пламени пожара патроны, следы подведённых к заставе мин и термитных снарядов, которыми фашисты под-

жигали остатки дома, где находились пограничники.

...Много подробностей об этом неравном бое я узнал от колхозников села Скоморохи. От них же я узнал и продолжение истории тринадцатой заставы.

...Тёмной осенней ночью 1941 года в окошко хаты колхозников Ульяны и Петра Баштык постучали. Лил проливной холодный дождь, и Ульяна не сразу услышала робкий, осторожный стук. Кто бы это мог быть в такую пору, когда кругом на каждом шагу фашисты и их прихвостни — полицаи? Пётр Баштык зажёг лампу и открыл дверь. У порога стояли две женщины с маленькими детьми. Это были жёны погибших пограничников Анфиса Лопатина и Евдокия Гласова. Единственные оставшиеся в живых участники героических боёв, они всё время находились в глубоком подвале заставы, где перевязывали раненых и готовили бойцам пищу. Когда силы героев-пограничников и боевые запасы стали иссякать, женщины по приказу начальника заставы ушли с места боя, чтобы пробираться к своим.

А. Лопатина с сыновьями Вячеславом и Анатолием.

Промокшие до нитки, голодные, измученные, с изнурёнными детьми, из которых старшему было немногим больше трёх лет, женщины подошли к хате Ульяны Баштык.

— Заходите, заходите, прошу! — сказала Ульяна, без всяких колебаний приглашая их в хату.

Какое большое мужество надо было иметь, чтобы так запросто принять в свою хату жён пограничников и, не побоявшись гитлеровских властей и украинских националистов, долгие тяжкие месяцы оккупации скрывать у себя и кормить двух русских женщин и их детей.

Из многочисленных расспросов, свидетельств очевидцев, встреч с героями событий и родилась моя документальная повесть «Граница в огне». На этом можно было бы и оборвать рассказ о рождении книги, но рассказ о людях, которые были причастны к героической обороне тринадцатой заставы, имеет своё продолжение.

Когда книга «Граница в огне» вышла в свет, я получил письмо из маленького города Коврова, Владимирской области. Писали мне два мальчика — это были сыновья лейтенанта Алексея Лопатина.

«Мы вырастем большие и будем защищать свою любимую Родину, как защищал наш дорогой и любимый папочка. Я учусь в 3-м классе, а Толя в 1-м классе. Мы учимся хорошо, но только тяжело маме воспитывать нас без любимого папочки. До свидания. Желаем вам успехов в Вашей работе и доброго здоровья. Лопатин Вячеслав Алексеевич, Лопатин Анатолий».

С той поры у нас с мальчиками завязалась переписка. В прошлом году я получил письмо, в котором мальчики писали:

«Мы сейчас оба учимся в Ташкентском суворовском училище. Мы будем учиться как можно лучше, чтобы как можно больше пользы принести нашей Родине. В нашей стране партия проявляет большую заботу о детях героев Отечественной войны. Нас тоже не оставили без заботы. Нас отправили в училище, чтобы мы учились и шли вперёд».

Недавно герои книги «Граница в огне» встретились снова. Братья Лопатины вместе со своей матерью приехали в отпуск в село Скоморохи. На окраине села их поджидала Ульяна Даниловна Баштык. С удивлением разглядывала она стройных мальчиков-суворовцев и никак не могла узнать в них тех самых ребятишек, которых приютила у себя памятной ночью.

Да, многое изменилось и в жизни Ульяны Даниловны. Ульяна Даниловна за эти годы стала передовой колхозницей. Первой на Львовщине она получила звание Героя Социалистического Труда, была избрана делегатом XIX съезда партии. Сейчас она депутат Верховного Совета Украинской ССР и председатель колхоза имени Сталина, строения которого раскинулись на берегах Западного Буга, как раз в тех самых местах, где сражались доблестные пограничники тринадцатой заставы.

Сердечной и тёплой была встреча старых друзей. Слава и Толя рассказывали о том, как они учатся, как хотят они стать достойными своего отца — храбрыми советскими офицерами.

★

СПОРТ

РАЗГОВОР С БУДУЩИМ ЧЕМПИОНОМ

Заслуженный мастер спорта
Н. Озолин

Посмотри на эти фотографии. Какие смелые, сильные, ловкие люди! Это советские спортсмены. Хочешь стать таким же? Всё в твоих руках. Если хочешь, обязательно станешь.

Для этого нужно только правильно взяться за дело. Вот, скажем, теперь, летом, чем тебе надо заняться?

Прежде всего бегом... Без быстроты не добьёшься успеха ни в одном виде спорта. А быстроту развивает бег на короткие дистанции.

Но, наверно, у тебя нет секундомера, и ты не сумеешь как следует проверить быстроту своего бега. Зато у тебя есть другой прекрасный способ проверить себя: игра в лапту.

Это прекрасная тренировка в беге, ты сам в этом убедишься, когда выступишь на осенних школьных состязаниях. Норма БГТО в беге на 60 метров для мальчиков тринадцати — четырнадцати лет — 9,6 секунды, а для девочек — 10 секунд. Если ты всё лето будешь играть в лапту, твой результат будет лучше нормы БГТО.

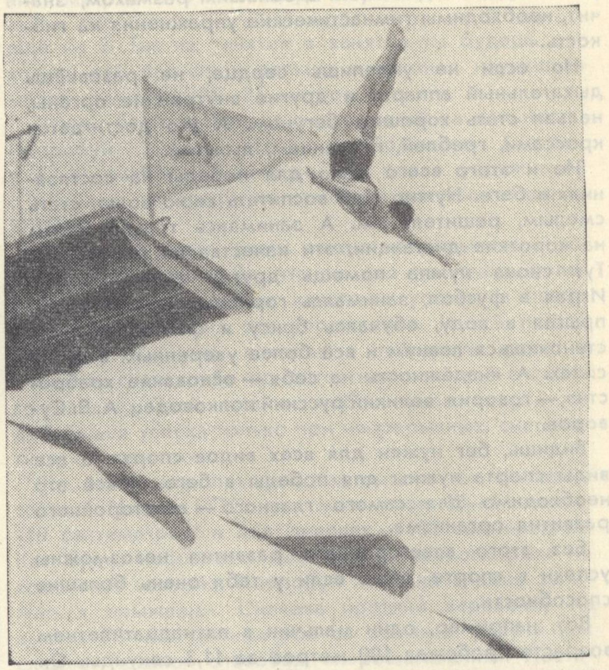
Может быть, ты предпочитаешь лапте футбол? Я тоже считаю, что ты должен играть в футбол. Это хорошая и полезная игра. Но ведь даже мастера спорта — футболисты — очень озабочены тем, чтобы развить быстроту своих движений. Чем быстрее бегает футболист, тем опаснее он для противника. А быстроту бега лучше, чем игра в футбол, развивает лапта. Значит, юным футболистам эта игра совершенно необходима.

Не удивляйся этому. Таков уж закон победы в спорте. Хочешь добиться успеха в одном виде спорта, занимайся ещё десятью.

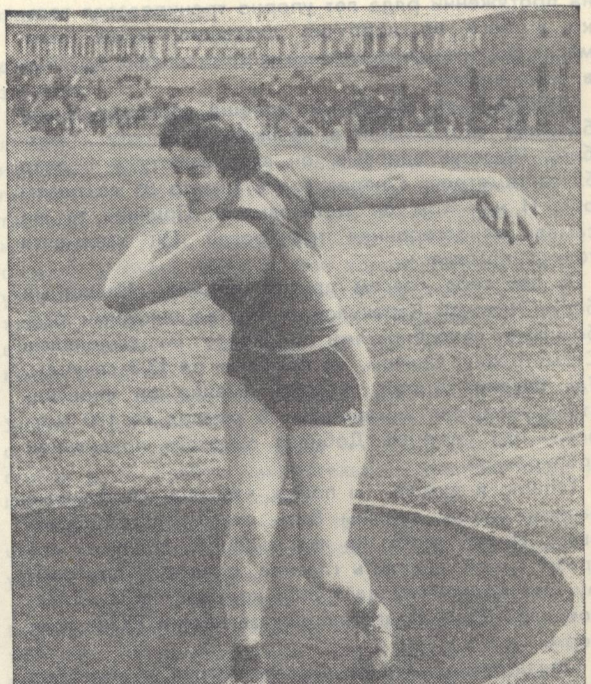
Дело тут вот в чём. Допустим, ты захотел стать самым быстрым в Советском Союзе бегуном на 100 метров. Конечно, тебе придётся много упражняться в беге на короткие дистанции. Но достаточно ли этого?

Быстрота бега во многом зависит от силы твоих мышц: не только мышц ног, но и корпуса, рук, спины. Силу этих мышц бегом развить нельзя, это достигается гимнастическими упражнениями на снарядах, прыжками, метанием, упражнениями с небольшими тяжестями.

ПОСМОТРИ,

как смело прыгает в воду этот пловец...

как сильны движения метательницы диска...

Кроме того, бегуну нужны эластичные мышцы, умение делать движения с большим размахом, значит, необходимы гимнастические упражнения на гибкость.

Но если не укрепишь сердце, не разовьёшь дыхательный аппарат и другие внутренние органы, нельзя стать хорошим бегуном. А это достигается кроссами, греблей, плаванием, лыжами.

Но и этого всего мало для победы на состязаниях в беге. Нужно ещё воспитать свою волю, стать смелым, решительным. А занимаясь только бегом на короткие дистанции, эти качества не разовьёшь. Тут снова нужна помощь других видов спорта. Играя в футбол, занимаясь горнолыжным спортом, прыгая в воду, обучаясь боксу и фехтованию, ты становишься ловким и всё более уверенным в своих силах. А «надёжность на себя — основание храбрости»,— говорил великий русский полководец А. В. Суворов.

Видишь, бег нужен для всех видов спорта, а все виды спорта нужны для победы в беге. И всё это необходимо для самого главного — всестороннего развития организма.

Без этого всестороннего развития невозможны успехи в спорте, даже если у тебя очень большие способности.

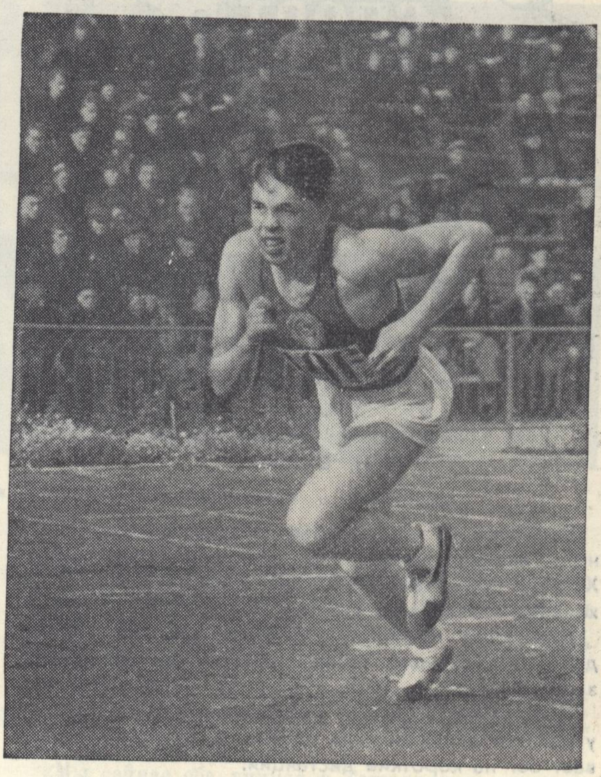
Вот, например, один мальчик в пятнадцатилетнем возрасте пробежал 100 метров за 11,3 секунды. Он установил всесоюзный рекорд для младших юношей, и, конечно, у него были очень большие способности. Однако, перейдя в разряд взрослых, он улучшил свой результат лишь до 11,0 секунды и не превысил рекорда СССР, как от него ожидали. Почему же так случилось? А потому, что этот спортсмен на протяжении ряда лет упорно тренировался только в беге на короткие дистанции и не занимался другими физическими упражнениями, другими видами спорта.

Другой мой знакомый юноша показал очень большие способности в прыжках в высоту с разбега. Прыгнув впервые, он взял высоту в 1 метр 55 сантиметров, а через год в 1 метр 85 сантиметров. И на этом он остановился. Причина та же самая: односторонняя тренировка. Он занимался только прыжками.

А вот тебе совсем другой пример. Известный бегун Николай Каракулов с детства никакими особенными способностями в спорте не выделялся. Стометровку, скажем, он пробегал за 13,5 секунды. Так бегают многие. А ведь именно он впоследствии установил замечательный рекорд на 100 метров — 10,4 секунды. Добился он этого правильной тренировкой.

Теперь, я думаю, ты понял, что твои спортивные занятия летом должны быть самыми разнообразными. И вот, чтобы не хвататься без толку за всё сразу, сумей выделить главное, основную программу. Эту программу даёт тебе комплекс БГТО. Главное для тебя — подготовиться за лето к сдаче всех норм.

Обязательно научись плавать. Играй в волейбол или в баскетбол. Основательно займись метанием. Упражняйся в этом два—три раза в неделю по часу. Возьми небольшой камень — весом граммов в 200—300. Выбери себе какую-нибудь мишень, например,

как стремителен старт этого бегуна...

как отважен полёт прыгуна с шестом...

как уверенно правит швертботом рулевой...

как легко и точно играют волейболисты.

Учись и ты быть сильным, ловким, смелым. Впереди всё лето. Занимайся спортом. Начинай сегодня же.

пень. Сначала метай камни с небольшого расстояния: метров с 8—12. Когда научишься попадать с этого расстояния, отойди ещё метра на 2, потом ещё на 2. Так из занятия в занятие ты будешь отходить всё дальше и дальше и наконец научишься метать камень с 25—35 метров.

Теперь бери гранату и смело метай на дальность. Попробуй делать это с небольшого (метров в 6—8) разбега. Я уверен, что после упражнений с камнями ты сразу же сумеешь выполнить норму БГТО.

Но помни, здесь очень важна непрерывность занятий. Представь себе, что ты дня три очень увлекался метанием, достиг какого-то успеха, а потом на месяц забросил эти упражнения. И всё пошло насмарку. Ты уже потерял и твёрдость руки, и меткость глаза, тебе придётся начинать всё с самого начала. Знай, что в любом виде спорта ты добьёшься успеха только при непрерывных, систематических занятиях.

Вот, например, прыжки. Как высоко ты прыгаешь сейчас? Норма БГТО для мальчиков 13—14 лет — 110 сантиметров, а для девочек — 100 сантиметров. Как будто небольшая высота, а с первого раза не всякий её возьмёт. Попробуй изо дня в день заниматься прыжками. Сначала протяни верёвочку на высоте 70—80 сантиметров от земли и разучи как следует прыжок способом «перешагивания». Постепенно поднимай верёвочку. Делай в каждое занятие по 12—15 прыжков. Если начнёшь в мае и будешь регулярно заниматься, то осенью не только сдашь норму БГТО, но сумеешь победить на школьных состязаниях и даже, пожалуй, выйдешь победителем на районной олимпиаде. Вот что даёт регулярная тренировка.

По-настоящему спортом надо заниматься каждый день. Поэтому так важна ежедневная утренняя зарядка.

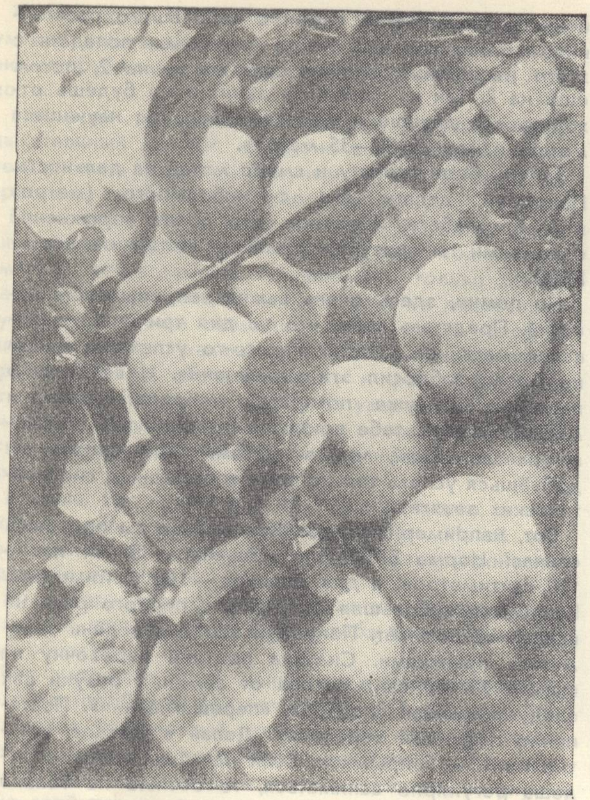
Вот видишь, какая у тебя большая программа на лето! Смотри не переусердствуй! Совсем не следует изнурять себя. Нагрузку в спорте надо увеличивать постепенно. Вот, например, гребля. Я уверен, что ты летом будешь грести. И это очень хорошо. Но не старайся гнать лодку сразу же на большое расстояние и очень быстро. Как только почувствуешь усталость, сбавь темп и работай вёслами еле-еле, только чтобы лодку не относило течением, а лучше всего сменись с товарищем и посиди некоторое время на руле.

Учись с самого же начала грести правильно. Устрой упор для ног, а когда тянешь вёсла, сперва отклоняйся туловищем назад и только после этого сгибай руки. Гребля замечательно укрепляет сердце, лёгкие, развивает силу.

Я не обещаю тебе через три месяца или даже через год всесоюзные рекорды. Твои настоящие успехи в спорте впереди.

Ты будешь участвовать во многих состязаниях, будешь побеждать, а будешь и проигрывать. И пусть тебя это не останавливает. Так начинали все чемпионы. И если ты не бросишь заниматься спортом, то в будущем обязательно добьёшься большой победы и займёшь своё место в славном ряду победителей. Я уверен, что так и будет.

Желаю тебе успеха!

ТАЙНЫ ЯБЛОНИ

Ухаживать в живых уголках за ящерицами, морскими свинками, кроликами, различными птицами, рыбками и всякой другой живностью любят все ребята. Они добывают для каждого из своих питомцев корм по вкусу и внимательно присматриваются к их повадкам и привычкам. А вот о других своих питомцах, о деревьях, которые растут в школьном саду, ребята не всегда так заботятся. Посадят деревца и забудут о них. Они не понимают, что без человеческой заботы не может вырасти хороший сад.

Это я знаю по собственному опыту. Я уже двадцать пять лет работаю садоводом в колхозном яблоневом саду. За эти годы я много нового узнал о жизни яблонь, понял, что им нужно, чтобы они хорошо росли, и заставил их давать урожай не один раз в два — три года, а каждое лето.

Надо прежде всего понять, что для образования яблок дереву нужно целых два года.

Цветочная почка, которая распускается белорозовым цветком в мае и превращается осенью в сочное, душистое яблоко, образовалась на дереве ещё летом прошлого года. Многие садоводы, зная, что цветочная почка развивается два года, примирились с тем, что яблоня плодоносит не каждый год, и даже вывели закон о периодичности плодоношения яблонь.

Но они глубоко ошибаются. Совсем не поэтому плодоносят яблони раз в два — три года. Всё дело в расточительности природы!

Попробуйте пересчитать цветы на цветущей яблоне. Наверно, вам трудно будет это сделать: на взрослой яблоне их бывает много десятков тысяч. На цветы дерево затрачивает огромное количество питательных веществ.

А сколько плодов бывает на дереве? Всего две— три тысячи. Только небольшая часть цветов даёт завязи. Но обессиленному цветением дереву нужно ещё затратить очень много энергии, чтобы вырастить плоды и семена. Конечно, в урожайный год у него уже не остаётся сил на закладку плодовых почек для будущего года.

Вот тут-то садовод и должен придти на помощь своим питомцам, сделать так, чтобы отягощённое множеством яблок дерево могло заготовить новые плодовые почки для будущего года.

ЗАБОТЛИВЫЙ УХОД, УСИЛЕННОЕ ПИТАНИЕ

Ранней весной, едва сойдёт снег, начинается работа в нашем саду. Мы пропахиваем междурядья на глубину в 12—15 сантиметров, окапываем приствольные круги поглубже — на 18—20 сантиметров. Глубокая перекопка в это время не опасна, корни ещё не растут, и мочки их не повреждаются.

Второй раз мы перекапываем приствольные круги в июле, только осторожнее, на меньшую глубину, чтобы не порезать корни.

Третий раз мы перекапываем землю только возле тех яблонь, под которыми сильно уплотнилась почва или разрослись сорняки.

К осени в междурядьях не нужно уничтожать травяной покров. Он сохраняет строение почвы, поглощает из неё излишнюю влагу и ускоряет созревание древесины у яблонь. Это особенно важно для деревьев, принесших богатый урожай: у них древесина созревает медленнее.

Правда, в засушливое лето мы до самой поздней осени много раз рыхлим землю и вокруг деревьев и в междурядьях, беспощадно уничтожаем траву для того, чтобы сохранить в почве побольше влаги.

Это даёт хорошие результаты. В одно очень засушливое лето, когда на соседних полях земля на семьдесят сантиметров вглубь превратилась в камень, в нашем саду почва была влажной уже на глубине шести — семи сантиметров. Все деревья в нашем саду получают усиленное питание. Мы кормим их несколько раз: ранней весной, потом в июле, когда закладываются плодовые почки, потом в начале августа, когда яблоки наливаются, потом в сентябре, когда созревают зимние сорта, и, наконец, поздней осенью — в октябре. Эта последняя подкормка идёт целиком на закладку плодовых почек будущего года и помогает деревьям переносить зимние морозы. Вы, наверно, знаете, что упитанные, сытые животные меньше боятся холода, чем худые, истощённые. Вот так же бывает и с деревьями.

Пища, которой мы кормим свой сад, разнообразна. Под каждое дерево перед пахотой мы вносим семьдесят — сто килограммов навоза, а к нему добавляем порцию различных минеральных удобрений: и азотных, и калийных, и фосфорных. Чтобы растение могло лучше использовать минеральные соли, мы даём их под дождь или в растворе. Раствор наливаем в лунки глубиною в 25—30 сантиметров.

ВРАГИ и ЗАЩИТНИКИ

Какое неисчислимое множество врагов у сада! Тысячные толпы всевозможных мошек, жучков, бабочек и гусениц каждое лето нападают на деревья. Садоводу всё лето надо быть начеку.

Ранней весной мы начинаем борьбу с самым злейшим врагом — яблоневым цветоедом, или долгоносиком. Обычный способ борьбы с ним — это отряхивание вредных насекомых на расстеленную под деревом ткань. Но тут, если не знать повадок этого вредного насекомого, оно может вас провести.

Многие, например, отряхивают долгоносика, когда тепло. Но они не знают того, что при температуре выше десяти градусов эти насекомые не падают с дерева, а незаметно улетают. Отряхивать долгоносика надо в первые тёплые дни, едва он очнётся после зимней спячки, и делать это утром и вечером, когда в воздухе ещё прохладно. Очень надёжный способ борьбы с долгоносиком — опыливание деревьев препаратами ДДТ или гексохлораном.

Других вредителей мы уничтожаем, опрыскивая яблони различными ядами, на стволы деревьев накладываем ловчие кольца — в них забираются различные гусеницы, а потом снимаем их и сжигаем. Развешиваем на деревьях банки с яблочным сиропом, настойкой из сушёных яблок. В банки набиваются бабочки, привлекаемые запахом сиропа.

Но мы не одни сражаемся с вредителями, у нас есть очень много помощников. Каких только птиц вы не встретите в нашем саду! Вы услышите и тонкий посвист синичек, и щебетание горихвосток, увидите и мухоловок, и трясогузок, и бойких воробьёв.

Каждый год мы развешиваем в саду новые птичьи домики. Особенно много у нас синичников — уменьшенных скворечников с отверстием не больше 3,5 сантиметра в поперечнике. Воробьи тоже очень охотно селятся в них. Некоторые гоняют воробьёв, а мы их очень любим. Воробьи оказывают нам прямо-таки неоценимую услугу: как раз в то время, когда в бутоне цветка из яиц долгоносика образуются личинки, воробьи отыскивают их и кормят ими своих птенцов.

Пернатые охотники истребляют десятки тысяч вредных насекомых. В нашем саду совсем нет яблоневой моли, нет шелкопрядов и пяденицы, почти не бывает боярышницы и златогузки: их начисто уничтожают синицы.

Всё лето мы вместе с мелкими птичками воюем с вредными насекомыми. Но есть насекомые, без которых садоводу никак не обойтись и которых мы оберегаем. Это пчёлы, главные опылители яблонь. В нашем саду есть пасека, и маленькие трудолюбивые жительницы ульев помогают нам получать высокие урожаи яблок.

Садовод Николай Матвеевич Смирнов в большой дружбе с колхозными ребятами. Они охотно помогают ему и узнают у него много интересного.

Вот какие крупные яблоки собирают в колхозе имени Молотова каждый год!

ТУАЛЕТ САДА

Каждый из нас с детства приучается ежедневно умываться и чистить зубы. И мы, садоводы, ранней весной умываем все яблони в нашем саду, только умываем не водой, а опрыскиваем их раствором железного купороса (один — полтора килограмма купороса на ведро воды).

Железный купорос убивает мхи, лишайники, вредные микроорганизмы, освежает и оздоровляет кору.

В саду очень важно всё делать во-время, и с опрыскиванием тоже нельзя опаздывать: купорос разрушает листья и молодые побеги.

Ранней весной и осенью мы чистим яблони металлической щёткой или тупым ножом и очищаем кору от мха, лишайников и отмирающих пластин. Мусор собираем на расстеленную под деревом ткань и потом сжигаем.

Осенью надо стволы и основные сучья обмазывать известковым молоком. Известь убивает микробов и ослабляет действие солнечных лучей ранней весной. Особенно это важно в феврале и марте, когда днём, под лучами солнца, кора сильно нагревается, а ночью промерзает. Эти резкие колебания температуры вредят деревьям больше, чем сильные морозы.

Обязательно нужно вырезать сухие ветки, прореживать крону деревьев, чтобы в неё проникали солнечные лучи и все ветки обвевались ветром.

После обрезки все срезы надо покрыть садовым варом. Срез — это всё равно что открытая рана, через него в дерево могут проникнуть вредные бактерии.

Яблони иногда болеют заразными болезнями. Поэтому садовод должен содержать сад в чистоте. Для этого же он всегда сжигает всякий мусор.

Идя в сад, я беру с собой бутылку с каким-нибудь дезинфицирующим раствором, чтобы обмывать руки, нож и пилку после обработки больного дерева. Садовод должен быть так же осторожен, как врач, чтобы не передать болезнь здоровому.

БЕРЕГИТЕ МОЛОДОЙ САД

Дерево нужно сажать умело. Начинающие садоводы, как правило, совершают одну и ту же ошибку: при посадке дерево закапывают глубоко в землю, засыпают шейку его землёй. Такое дерево уже обречено: оно будет плохо развиваться и останется малоплодным.

У нас в колхозе большой молодой сад. И вот я на опыте убедился, что самым страшным врагом молодого сада являются не стихийные силы природы, не иссушающий зной, не леденящий холод, а нерадивость или небрежность садоводов. За молодым садом надо ухаживать ещё заботливее, чем за взрослым.

Больше всего страдает молодой сад оттого, что молодые, слабые деревца повреждаются при неаккуратной обработке междурядий. Плуг, борона, рандаль в неосторожных руках — самые злые враги молодых насаждений.

Посаженные вами деревца должны быть неприкосновенными, оберегайте каждую ветку, каждый их лист.

Очень важно тщательно обрабатывать приствольные круги в молодом саду. Земля здесь должна быть всегда рыхлой, а все сорняки должны быть беспощадно изгнаны.

Н. М. Смирнов,
садовод колхоза имени Молотова,
Дмитровского района, Московской области.

Почему и отчего

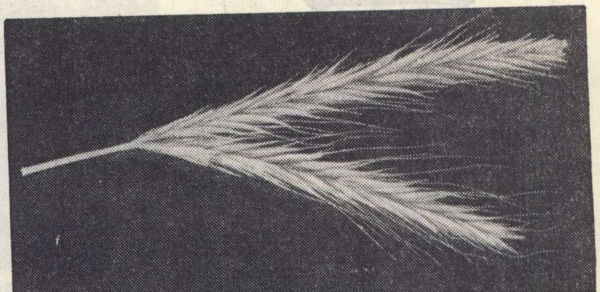
Странный колос

Здравствуй, дорогая редакция!

Летом мы нашли в поле среди ржи какой-то странный колос. Он нас очень заинтересовал. Мы этот колос шлём вам. Просим объяснить нам: почему он такой вырос? До свидания, дорогая редакция.

Юра Девятов, Валера Агапов,
ученики 4-го класса. Москва.

Прежде всего, дорогие Юра и Валера, я хочу вас похвалить за наблюдательность и пытливость. Молодцы, ребята, у вас зоркий и хороший глаз. Только тем, кто умеет внимательно всматриваться в окружающую природу, открывает она свои маленькие секреты и большие тайны.

Вот вы нашли необыкновенный колос и хотите узнать, почему это он о «двух головах». Такие колосья интересовали и нас, учёных. Ведь было бы неплохо с помощью этих двойников вывести новый сорт ржи или пшеницы, чтобы на каждом стебле росло по два колоса! Это сразу удвоило бы урожаи, и каждое колхозное поле словно превратилось бы в два поля!

Но, к сожалению, сколько ни пробовали высевать зёрна двойных колосьев, из них вырастали самые обыкновенные растения с самыми обыкновенными колосьями. Раздвоенная форма колоса по наследству не передалась ни разу. Вот мы и думаем, что причина появления таких колосьев — какое-нибудь повреждение.

Когда начинает куститься рожь, в глубине листовых трубочек закладываются колосья. Сначала они такие крохотные, что их можно рассмотреть только под лупой. И вот если в это время какое-нибудь насекомое повредит точку роста у юного, новорожденного колоса, он уже не может развиваться нормально. Иногда он гибнет, иногда растёт искривлённым, а иногда раздваивается.

Но такое изменение не передаётся по наследству. Если, например, на венчиках цветов лютика оборвать по одному лепестку, потомство из семян этого лютика всё равно даст цветы с пятью лепестками, как полагается всем растениям семейства лютиковых. Точно так же у собаки, потерявшей лапу, щенки будут не на трёх ногах, а обязательно четвероногими.

В следующий раз, найдя двойной колос, приметьте, где он растёт, чтобы собрать зёрна, когда они созреют. Вы сможете их посеять и увидеть собственными глазами, какое потомство из них вырастет: двуглавое или обыкновенное?

Д. В. Горюнов,
старший научный сотрудник
Главного ботанического сада
Академии наук СССР.

Два хрусталя

Дорогая редакция!

Мне хочется узнать, что такое хрусталь и где хрусталь добывается.

Серёжа Орлов,
ученик 2-го класса школы № 2. Винница.

Если ты, Серёжа, спрашиваешь про тот хрусталь, из которого делают красивые гранёные вазы, бокалы, кувшины и кубки, то его нигде не добывают, а делают на стекольных заводах. Это особый вид стекла, очень высокого качества. Хрусталь варят из кварцевого песка, как и всякое другое стекло, но в кварц добавляют свинец, а иногда и золото. Конечно, примесь свинца или золота очень невелика, и всё же она изменяет некоторые свойства стекла и придаёт ему особый блеск и красоту. В гранях хрусталя солнечный свет играет разными цветами радуги.

Кроме искусственного, существует и природный хрусталь. Он называется горным хрусталём, или

кристаллическим кварцем. Его кристаллы образовались, когда расплавленные вещества земных недр, в том числе и кварц, поднимались по трещинам в коре Земли и там остывали.

Если при этом к кварцу примешивались какие-нибудь другие вещества, кристаллы получались цветными. Например, от примеси марганца они принимали лиловый оттенок. Горный хрусталь, окрашенный марганцем,— это драгоценный камень аметист.

В глубинах земной коры и сейчас происходит образование горного хрусталя, так же как и других минералов.

М. Рябова

Белые следы

Дорогая редакция журнала «Пионер»!

Почему это, когда самолёт летит высоко в небе, за ним появляются белые полосы? Прошу, объясните мне, пожалуйста, что это за полосы и с какой целью их выпускают из самолёта?

Шура Савченко
г. Пятихатка,
Днепропетровской области.

Это правильно ты заметил, Шура, что за самолётом, летящим на большой высоте, остаётся белый след. При этом, если летит одномоторный самолёт, с земли видно одну полосу, а самолёт с двумя двигателями оставляет двойной след, который постепенно сливается.

Какова же природа этого явления?

В атмосфере всегда в том или ином количестве содержатся водяные пары. При определённых условиях они могут перейти из газообразного состояния в жидкое. Такое явление называется конденсацией водяного пара.

Каждому приходилось наблюдать это явление: например, в летнее время ранним утром, когда земная поверхность покрывается влагой — росой. А зимой иногда все предметы покрываются инеем — это сконденсировавшийся водяной пар замёрз и превратился в ледяные кристаллики.

Но не всегда так бывает, а только при определённой влажности воздуха, то есть при определённом насыщении его водяным паром.

Иногда конденсация водяного пара может произойти даже в том случае, если его в воздухе немного, но тогда необходимо наличие так называемых ядер конденсации.

Ядрами конденсации могут быть капельки воды, пылинки или заряженные электричеством частицы газа — ионы.

Такими ядрами конденсации на большой высоте, где воздух очень чист, являются выхлопные газы двигателей. А так как на большой высоте температура воздуха очень низкая — на высоте в 6 тысяч метров 30—40 градусов ниже нуля по Цельсию, а на высоте в 11 тысяч метров 50 или 60 градусов,— то в воздухе образуются мельчайшие кристаллы льда. Из них-то и состоит след за самолётом.

Ты спрашиваешь в письме, для чего выпускают из самолёта такие полосы. Теперь ты, наверно, уже и сам догадался, что их никто нарочно не выпускает. Наоборот, лётчики и конструкторы самолётов совсем не рады им. В мирное время от них нет беды, а во время войны они могут выдать самолёт врагу, помогают зенитной артиллерии и истребительной авиации противника определить его скорость, направление и высоту полёта.

Инженер **В. Бендеров**

Из огня да в полымя

Дорогая редакция!

Однажды я сидел в комнате и читал книжку. Потом глянул в окно и увидел трёх воробьёв. Они купались в маленькой кастрюльке, которая у нас поставлена для кур, чтобы пили. В это время был мороз, вода покрывалась корочкой льда, а они купаются.

Ответьте, почему они купаются в такое время?

Петя Горохов
Станица Троицкая,
Сунженского района, Грозненской области.

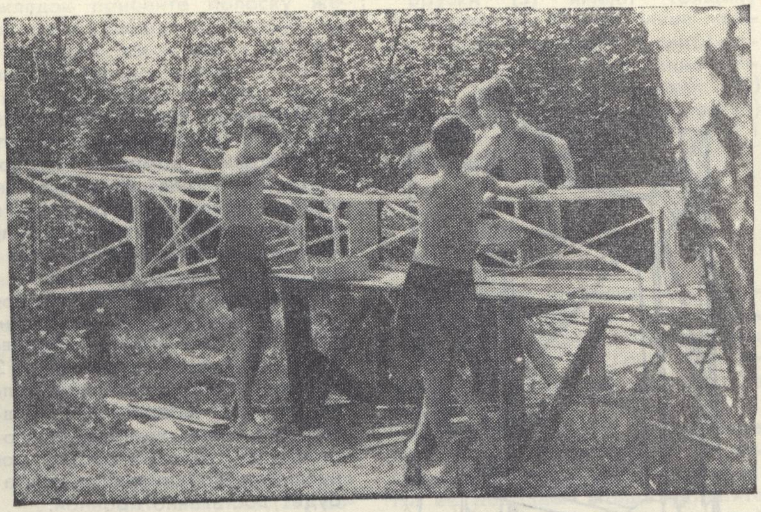
Ты, Петя, спрашиваешь, почему купаются воробьи в мороз. Они делают это потому же, почему и летом: чтобы избавиться от паразитов, от птичьих вшей.

Если паразитов на птице разведётся очень много, она будет хиреть и может совсем погибнуть. Спасение одно: купаться. Но бедняги воробьи, выкупавшись в мороз, всё равно в большинстве случаев погибают. Выходит, они попадают из огня да в полымя.

Если бы ты последил за теми воробьями, ты, наверное, увидел бы, что они недолго прожили после купанья.

Профессор **П. А. Мантейфель**

ВЕТРОДВИГАТЕЛЬ

Н. Митрофанов

Давно уже люди заставили ветер работать на себя. Он надувал паруса первых кораблей, крутил колёса мельниц, качал воду из-под земли.

Да и теперь, в век электричества и атомной энергии, ветер остался нашим хорошим помощником. Тысячи ветродвигателей работают в колхозных хозяйствах: качают воду на скотный двор, готовят корма, обрабатывают зерно.

Полярникам ветродвигатель даёт свет и тепло, питает энергией полярные электростанции. Наши учёные создали особый ветродвигатель для Крайнего Севера, который помогает вести метеорологические наблюдения. Поставят полярники его где-нибудь на пустынном берегу и уедут. Особое устройство на ветродвигателе самостоятельно отмечает скорость и направление ветра, температуру и давление воздуха, а автоматическая радиостанция посылает полярникам сигналы о показаниях приборов.

Советуем и вам, ребята, построить свой ветродвигатель в лагере. Он будет служить автоматической метеорологической станцией, его можно заставить качать воду для небольшого фонтана.

Посмотрите на фотографии и рисунки. Перед вами не какая-нибудь настольная модель — это будет настоящая машина. Вместе с винтом высота её достигает восьми метров — почти с двухэтажный дом!

Не пугайтесь такой величины: работа вполне по силам вам, ребята, и если строители будут внимательны, ветродвигатель простоит не одно лето и будет хорошим украшением лагеря.

КАК УСТРОЕН ВЕТРОДВИГАТЕЛЬ

Общий вид ветродвигателя показан на рис. 1. Высокая мачта из деревянных брусков поддерживает поворотную часть с винтом и хвостовым оперением.

Нижняя часть мачты устроена в виде пирамиды: широкое основание необходимо для большей устойчивости машины.

Винт с лопастями всегда должен быть направлен навстречу ветру. Но ветер меняет направление, дует то с одной, то с другой стороны. Вот поэтому винт ветродвигателя укрепляют на поворотной головной части. Длинная решётчатая ферма заканчивается большим фанерным хвостом. Ветер давит на плоскость хвоста и этим устанавливает винт в рабочее положение.

Головная часть вращается на вертикальной оси из четырёх брусков. Ось пропущена через отверстие в верхней площадке мачты и опирается своим нижним концом на другую площадку, укреплённую ниже.

МАТЕРИАЛ И ИНСТРУМЕНТ

Для работы приготовьте следующий материал: 10 деревянных брусков сечением 2×2 сантиметра и длиной 3 метра; 30 брусков

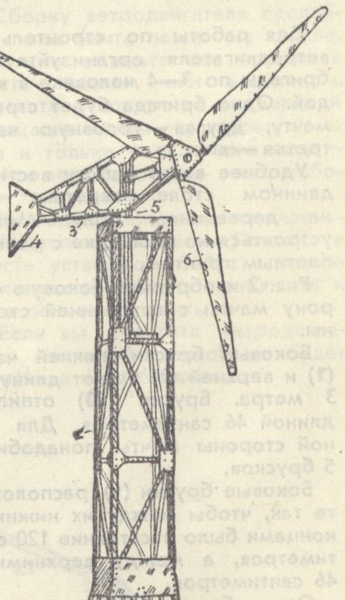

Рисунок 1.

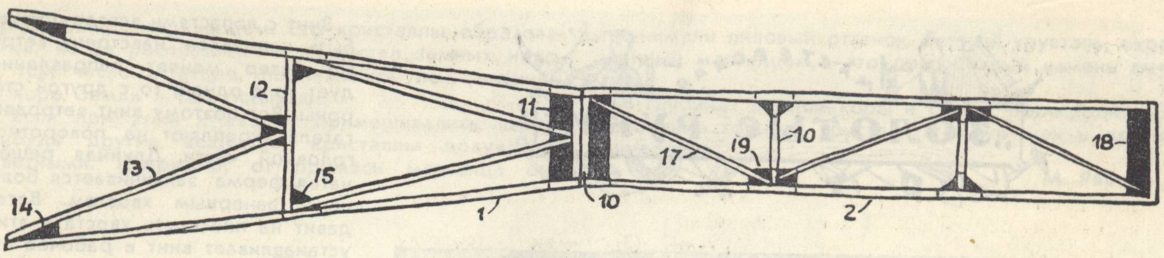

Рисунок 2.

такого же сечения длиной около 1,8 метра; куски фанеры толщиной 3—5 миллиметров; гвозди длиной 2 сантиметра; немного жести (можно использовать консервные банки) и кусок проволоки диаметром 4 миллиметра и длиной 1 метр; казеиновый клей.

Из инструментов потребуются: рубанок, два — три молотка, ручная ножовка, плоскогубцы, шило и ножницы.

ПОСТРОЙКА МАЧТЫ

Для работы по строительству ветродвигателя организуйте три бригады по 3—4 человека в каждой. Одна бригада будет строить мачту, другая — головную часть, третья — винт.

Удобнее всего работу вести на длинном столе, верстаке или на деревянном полу. Можно устроиться на площадке с ровным плотным грунтом.

Рис. 2 изображает боковую сторону мачты с внутренней стороны.

Боковые бруски нижней части (1) и верхней (2) имеют длину по 3 метра. Бруски (10) отпилите длиной 46 сантиметров. Для одной стороны мачты понадобится 5 брусков.

Боковые бруски (1) расположите так, чтобы между их нижними концами было расстояние 120 сантиметров, а между верхними — 46 сантиметров.

Один брусок (10) положите между верхними концами брусков. Брусок (12) отмерьте и отпилите по месту. Он должен быть расположен на половине высоты этой части мачты.

Выпилите из фанеры накладки (11, 15). Форма их понятна из рисунка. Прибейте к брускам сначала накладку (11) шириною 25 сантиметров, а затем соедините накладками (15) боковые бруски с бруском (12).

Раскосы (13) соедините с боковыми и поперечными брусками при помощи накладок (14). Следите за тем, чтобы концы поперечных брусков плотно упирались в боковые бруски: от этого во многом зависит прочность постройки.

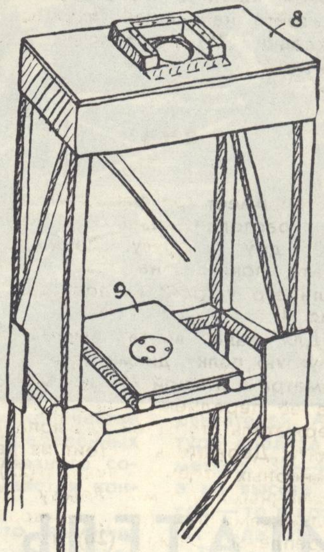

Рисунок 3.

Верхнюю часть мачты соберите по рис. 2. Следите, чтобы поперечные бруски были под прямым углом к боковым и на равном расстоянии друг от друга. Ширина верхней накладки (18) равна 10 сантиметрам.

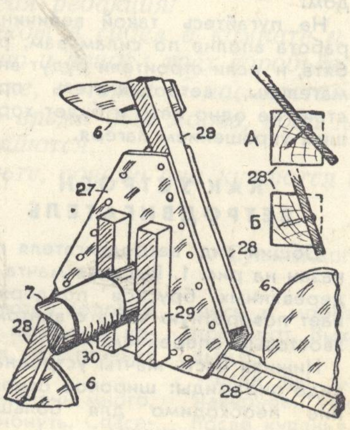

Рисунок 4.

Окончив одну сторону мачты, сделайте точно такую же другую.

Заготовьте комплект поперечных связей для двух остальных стенок. Боковых брусков для них не надо: стенки нужно будет прибить к боковым брускам уже изготовленных сторон мачты.

Лучше сначала прибить к поперечным брускам (10) накладки, а затем прибить стенки к боковым брускам собранных сторон. Эту работу обязательно надо делать на хорошей опоре. Если вбивать гвозди в мачту, не положенную на опору, то удары молотка могут расшатать соединения, и мачта не будет достаточно прочной.

На верхнюю кромку мачты прибейте кусок фанеры (8) (смотрите рис. 3). Посредине его надо сделать отверстие диаметром 7 сантиметров. Сверху около отверстия прибейте четыре бруска. Внутренние стороны брусков должны касаться краёв отверстия. Эти стороны брусков необходимо обить полосками жести, которые будут служить подшипниками для верхней части вертикальной оси (5) (смотрите рис. 1).

Площадку (9) для опорного подшипника (подпятника) оси головной части сделайте из двух листов фанеры, между которыми проложена рамка из брусков сечением 2×2 сантиметра.

Посредине этой площадки прибейте кружок из двух слоёв жести. В центре кружка сделайте отверстие диаметром 5 миллиметров (оно должно быть в фанерных дощечках площадки).

На этом работа над мачтой заканчивается. Если всё сделано внимательно, то такая мачта получается прочной и выдержит напор очень сильного ветра.

ГОЛОВНАЯ ЧАСТЬ

Головная часть сделана в виде фермы. На рисунке 5 показано её устройство.

Работу начните с изготовления вала. Возьмите четыре бруска длиной 170 сантиметров и соедините их гвоздями в один квадрат-

ный брус — получится прочная деталь, которая будет служить осью (5) головной части.

На расстоянии 70 сантиметров от верхнего конца оси сделайте накладку (20) из брусков, обработанных так, чтобы получился цилиндр высотой 4 сантиметра, охватывающий бруски оси. Поверх накладок прибейте полоску жести — она необходима, потому что этой частью ось входит в подшипник на верхушке мачты.

Нижний конец — торец оси — обработайте ножом так, чтобы получилась поверхность, немного выпуклая к центру. В центр вбейте отрезок проволоки или гвоздя диаметром 5 миллиметров. Он должен выступать из оси на 8 сантиметров. Прикройте торцовую часть оси кружком из жести с отверстием в центре — он необходим для уменьшения износа конца оси.

Теперь можно приступить к сборке фермы. Передняя её часть, поддерживающая винт, короткая. Её длина — 60 сантиметров. Обе её балочки (22) сделайте из двух брусков, сбитых в одно целое гвоздями. Балочки (22) соедините с осью (5) накладками (26). Спереди балочки соедините накладками (23), но между этими накладками должно остаться свободное пространство для вала винта.

На рисунке видна ещё одна деталь (24). Это подшипник для вала винта. Сделайте его из проволоки диаметром 4 миллиметра, согнув прямо по валу винта. Концы проволоки укрепите проволочными петлями на балочках (22).

Хвостовую часть соберите из брусков 2×2 сантиметра. Внешние бруски (3) имеют длину 180 сантиметров и соединяются между собой промежуточными стойками и раскосами, как видно на рисунке.

Оперение хвоста (4) сделайте из фанеры.

Бруски (3) имеют толщину 2 сантиметра, а расстояние между накладками (26) — 4 сантиметра. Поэтому для соединения хвостовой части с накладками (26) прибейте на концах брусков (3) накладки (25) из брусков 2×1 сантиметр.

ВИНТ

Винт имеет три фанерные лопасти, расположенные под углом 120° друг к другу. Общий вид винта показан на рис. 1. Детали его устройства показаны на рис. 4.

Для вала винта выстрогайте круглую палку диаметром 4 сантиметра и длиной 75 сантиметров. На её переднем конце укрепите держатель стержней для лопастей винта. Держатель состоит из двух фанерных треугольников (27) с усечёнными углами. Между треугольниками при помощи гвоздей укреплены стержни (28) из брусков сечением 2×2 сантиметра и длиной 150 сантиметров. Бруски эти надо предварительно обработать рубанком так, чтобы получился скос для крепления лопасти винта. Скос у основания стержня образует угол с боковой стороной стержня в 43—45°, который постепенно уменьшается до 15°.

Лопасти винта имеют у основания ширину 20 сантиметров, а на конце — 8 сантиметров.

Вал винта (7) укрепите в держателе лопастей посредством брусков (29). Такие же бруски можно для прочности поместить и с передней стороны держателя.

В том месте, где вал охватывается подшипником головной части, его надо предохранить от стирания жестяной трубкой (30).

В торец заднего конца вала вбейте гвоздь так, чтобы он торчал из вала на 6 сантиметров. Этим гвоздём вал входит в жестяной подшипник на вертикальной оси головной части. В этом месте полезно проложить жестяные шайбы.

Чтобы винт не мог выскочить из подшипников головной части, при сборке наденьте на вал фанерную шайбу и позади неё вбейте в вал два гвоздя. Эта шайба предупреждает движение вала вперёд.

Сборку ветродвигателя сделайте, пока мачта лежит на земле. Обильно смажьте все трущиеся места тавотом или вазелином. Вставьте в отверстие на верхней площадке мачты ось головной части и только после этого поднимайте ветродвигатель в его рабочее положение.

Ветродвигатель надо хорошенько укрепить на земле. Поэтому в месте установки вбейте в землю колышки и прочно привяжите к ним основание мачты.

Если вы окрасите ветродвигатель масляной краской, он будет красивее и долговечнее.

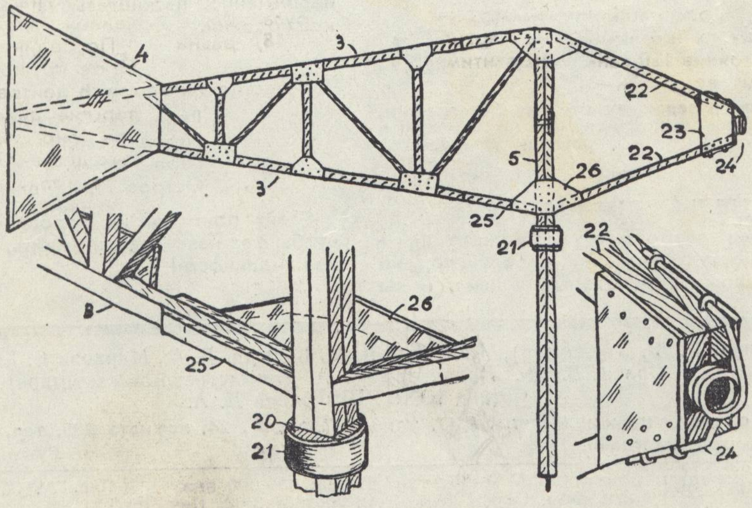
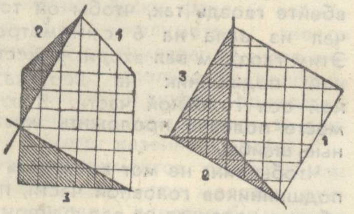

Рисунок 5.

В ЧАСЫ ДОСУГА

РАЗРЕЖЬТЕ И СЛОЖИТЕ

ОТВЕТЫ на задачи, помещённые в № 4

ДВА РЫБОЛОВА

Костя Уклейкин поймал 7, а Петя Воробьёв — 5 окуней.

ВОЛК, КОЗА И КАПУСТА

Человек перевозит козу. Возвращается и берёт капусту. Перевозит капусту и везёт назад козу. Оставляет козу и перевозит волка. Возвращается и берёт козу.

МЕДВЕДЬ-ЛЕСНИЧИЙ

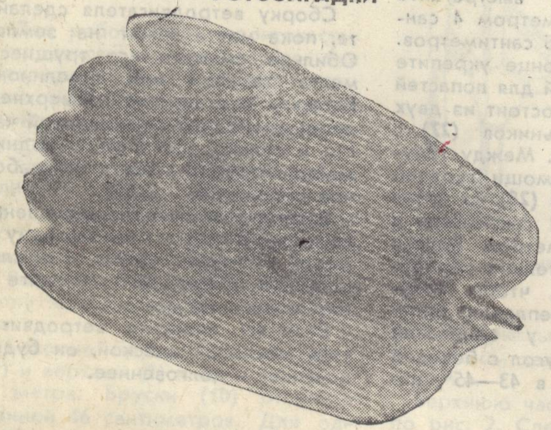
Медведь предложил белкам брать по 100 орехов каждой,— это всего 3 000 орехов. А белки провели его, они получили гораздо больше.

Вы, наверно, подсчитали, сколько получила тридцатая белка. А сколько получили все белки вместе? По нашим подсчетам, 1 073 741 823 ореха.

ПРО ЧЕРВЯКА

Три тома Брэма стояли на полке в таком порядке: 1, 2, 3. Поставь так три тома и посмотри: ко второму тому первый том прилегает первой своей страницей, а третий том — последней. Значит, червяк прогрыз одну крышку переплёта первого тома, весь второй том и одну крышку переплёта третьего тома, то есть 0,5 см + + 0,5 см + 7 см + 0,5 см + 0,5 см = = 9 см. Вот и вся длина его тоннеля.

ФОТОЗАГАДКИ

Фотограф прислал в редакцию эти две фотографии, но не приложил к ним подписи. Мы не знаем, что это такое. Может быть, вы, ребята, догадаетесь?

ОТЫЩЕТЕ ЛИ ВЫ НА КАРТЕ!

На карте вы без особого труда можете найти целую «географическую семью», небольшую, но очень милую. Приложите некоторые усилия, и вы обнаружите на карте населённый пункт, именуемый «Мама». Пункт этот, к слову говоря, расположен в примечательных местах. Неподалёку от него река «Мама Левая» сливается с рекой «Мама Правая» и образует реку «Мама» вообще. На том же месте, где эта река впадает в большую реку В - - - м, стоит и населённый пункт «Мама».

Есть и населённый пункт «Папа». Правда, «Папа» этот живёт довольно далеко от «Мамы», в другой стране. Вокруг него гремели залпы советских орудий, освобождавших ту страну, где он находится.

Этим родителям вы можете подыскать двух детей: «Дочь» и «Сына-Миклэуша». Живут они в разных странах. Станция «Дочь» у нас, а город «Сын-Миклэуш» не очень далеко от нее, в другой стране.

Вы, вероятно, захотите найти на одной из карт местечко с таким приятным, точно из старинной сказки вышедшим именем, как «Малая Девица». При желании вы найдёте две или три реки, именуемых «Сестра». А попутно, разыскивая «родичей» и определяя их местоположение на карте, вы, несомненно, наткнётесь на множество интересных наблюдений.

ПУТАНИЦА

Известно ли вам, что на свете существуют:

Река Сан-Франциско.
Город Нева.
Гора Париж.
Остров Рим (Рома)???

Стоит поискать их хорошенько на картах мира, чтобы раз навсегда запомнить, где обретаются такие неожиданности!

Лев Успенский

Редколлегия: Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Маркова С. Е., Орджоникидзе В. Н. (заместитель редактора), Орлов В. И., Поддубная В. А. (ответственный секретарь), Прилежаева М. П., Сотник Ю. В., Шмаринов Д. А.

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 235, тел. Д 3-30-73.

Технический редактор А. Ефимова.

Рукописи не возвращаются.

А 02404. Подписано к печати 23/IV 1955 года. Тираж 300 000 экз. Изд. № 356. Заказ № 833.
Форм. бум. 84 × 108¹/₁₆. Бум. листов 2,62. Печ. л. 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

XXXV
1918 — 1953
40 коп.
ПОЧТА СССР

CESKOSLOVENSKO
60h

55
BANI

MAGYAR POSTA

40
POCZTA POLSKA

Цена 2 р. 50 к.

Андрейка Врушкин рассказывает...

Ю. Новикова

Рисунки О. Зотова.

1. У нас сегодня лыжный кросс,
Со мною Кутька — верный пёс.

2. Вдруг перед нами полынья.
В неё обрушиваюсь я.

3. Не растерялся я и вмиг
Хватаю щуку за плавник.

4. А Кутька палки мне несёт:
Меня он чует через лёд.
И видит он издалека
Немолодого рыбака.

5. Насторожился рыбачок:
Попалась рыбка на крючок!

6. Но отшатнулся рыболов:
Какой невиданный улов!

7. Рыбак был счастлив и польщён:
Андрейка Врушкин им спасён!
Доволен также Кутька-пёс:
Он палки во-время принёс.